

Важной контекстуальной составляющей профессиональной культуры выступает популярный образ профессии. Книга включает результаты научно-исследовательской работы, осуществлявшейся на заключительном этапе работы по проекту. В задачи этого этапа входило проведение контент-анализа масс медиа и профессиональной литературы с целью выявить динамику образа социальной работы и оценить публичный имидж профессии; интерпретация противоречий статуса и идентичности представителей профессиональной группы в репрезентациях помогающей профессии. Для социологов, социальных антропологов, специалистов в сфере социальной работы, социальной политики и масс медиа.

ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: социокультурная рефлексия

ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

социокультурная рефлексия

**ОБРАЗЫ
социальной работы:
социокультурная рефлексия**

Под редакцией Е. Ярской-Смирновой

Москва
ООО «Вариант»
2016

УДК 316
ББК 60.5

Образы социальной работы: социокультурная рефлексия / под ред. Е. Ярской-Смирновой. (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», 2016. – 134 с.

Коллектив авторов:

Григорьева О.А. (Раздел 4, Приложение), Давыдова И.А. (Раздел 1), Кононенко Р.В. (Раздел 4), Любимова А.Д. (Раздел 3, Приложение), Оберемко О.А. (Раздел 2, Приложение, Заключение), Рожкова О.А. (Раздел 1, Заключение), Ярская В.Н. (Введение, Раздел 4, Заключение), Ярская-Смирнова Е.Р. (Введение, Раздел 4, Заключение, общая редакция)

Монография подготовлена в рамках исследовательского проекта «Профессиональная культура работников социальных служб: методология социально-антропологического исследования (на примере специалистов социальной работы)» при поддержке РГНФ, грант № 14–03–00778 (2014–2016) и Научного фонда НИУ ВШЭ (грант № 15–09–0284) в 2016 г.

ISBN 978-5-00080-060-7

Важной контекстуальной составляющей профессиональной культуры выступает популярный образ профессии. Книга включает результаты научно-исследовательской работы, осуществлявшейся на заключительном этапе работы по проекту. В задачи этого этапа входило проведение контент-анализа масс медиа и профессиональной литературы с целью выявить динамику образа социальной работы и оценить публичный имидж профессии; интерпретация противоречий статуса и идентичности представителей профессиональной группы в репрезентациях помогающей профессии. Для социологов, социальных антропологов, специалистов в сфере социальной работы, социальной политики и масс медиа.

© Коллектив авторов, 2016

© ООО «Вариант», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Ценностно-символический контекст профессионализации социальной работы	5
--	---

Раздел 1

Образ социальной работы в российских СМИ: количественный анализ	13
--	----

Раздел 2

Репрезентация профессии социальной работы в общероссийских выпусках Российской газеты за 2014 год: качественный анализ	36
--	----

Раздел 3

День социального работника в официальном дискурсе региональных СМИ	87
---	----

Раздел 4

Тематизация социального неравенства в текстах учебной литературы по социальной политике и социальной работе (2005-2013)	100
---	-----

<i>Заключение</i>	122
-------------------------	-----

<i>Список источников</i>	128
--------------------------------	-----

<i>Информация об авторах</i>	134
------------------------------------	-----

Ценностно-символический контекст профессионализации социальной работы

Профессионализация социальной работы — это ответ на растущее число разнообразных социальных проблем, и по своей сути — это новый феномен российской культуры. Становление этой профессии в качестве социального института происходит в контексте важных изменений в российском обществе, культуре и государственной социальной политике. Эта профессия выражает социальное самосознание нации, гуманность и цивилизованность государства, тип культуры, научной рациональности.

Для нас социальная работа — это научная и практическая инновация — и новая профессия, и социальная практика, и обновление жизненных форм, ценностей, идентичностей. Хотя многое было сделано для развития социальной работы в России с начала девяностых, ей пока недостает признания со стороны общественного мнения, многое нуждается в анализе, пересмотре, переоценке. Именно в этих целях организуются конференции, публикации, обновляется учебная литература, переводятся западные научные и учебные монографии (см. Суркова, Ярская 2005). Университетские отделения, факультеты, кафедры социальной работы стремятся повысить престиж новой профессии, хотя отчетливая критика в адрес образования и практики почти отсутствует. Научное направление в современной социальной работе развивается на пересечении методологических и предметных областей анализа социального неравенства и массового сознания, социальных настроений, новой концепции социальной политики, возможностей обеспечения социальной безопасности человека — адекватно условиям социальных трансформаций, рефлексии социальных типов носителей различных установок на способы жизнеобеспечения.

Социальная работа как профессия находится в процессе своего определения и признания со стороны общества, хотя уже возникла

искаженная традиция определять социальную работу узко — лишь в качестве помощи по дому или социально-экономической помощи в виде пособий. Кадры социальной сферы в подавляющем большинстве ни методологически, ни технологически на протяжении длительного времени не были подготовлены к реализации высоких идей ресурсной концепции социальной политики на местах, было невозможно похвастать их высоким квалификационным уровнем. К тому же социальные работники в некоторых социальных службах рассматриваются в первую очередь как служащие регистратуры.

Многие государственные чиновники не понимают роль социальной работы, недооценивают важность вузовского образования, сомневаясь в необходимости профессионального образования для социальных работников. В службах порой наследуется организационная культура собеса — бюрократический мир безразличных чиновников, чьи функции не требуют профессиональной квалификации, остаются те же служащие, начальники приходят из бывших собесов. Социокультурный контекст такой организации включает специфические практики управления, в том числе способы профессионального отбора, найма на работу и организационной социализации. Такая организационная культура сопротивляется инновативным процессам, которые угрожают бюрократическим основам здешнего порядка, в итоге необходимость пересмотра скомпрометировавших себя бюрократизмом и невниманием к человеческим проблемам институтов и сориентировали общество навстречу новому знанию и новой массовой профессии.

Требование права на уникальную компетентность, поддерживаемую юридически, есть базовая стратегия профессионализма, а контроль рекрутирования, профессионального отбора есть существенная часть этого процесса. Достижения профессионального статуса должны гарантировать высокие материальные награды, исключать внешние оценки качества услуг и давать гарантированную безопасность тем, кто допущен к практике. Это может привести к серьезным конфликтам между профессионалами и теми, кто намеревается разрушить их монополию на статус и экспертизу: во-первых, выпускники встречаются с враждебностью, где большинство позиций уже занято непрофессионалами. Во-вторых, социальная работа как новая профессия пересекается с традиционными профессиями, которые в свою очередь испытывают обновление.

Концептуальные изменения в социальной политике связаны с объективными процессами социальных реформ, общим фронтом

социальных исследований, антропологическим поворотом в науке, освобождением идеи человека от фатальности идеологических и классовых оков, преодолением иждивенческой психологии, политики соборовского подаяния и государственного патернализма, переходом к концепции человеческих ресурсов.

Считается, что с публикации статьи А. Флекснера «Является ли социальная работа профессией» (Flexner 1915) социология профессий начала формироваться как самостоятельное направление (см. Мансуров, Юрченко 2013). С тех пор сложились хорошо зарекомендовавшие себя подходы к социологическому изучению профессий в целом и социальной работы, в частности. Познавательный потенциал этих подходов был ранее продемонстрирован в публикациях зарубежных (Jones, Joss 1995; Etzioni 1969; Blau 1960; Clarke 1993) и отечественных социологов (Абрамов 2005; Романов, Ярская-Смирнова 2009; Мансуров Юрченко 2013; Романов, Ярская-Смирнова 2007; Романов 2005). Другие отечественные авторы (И. Албегова, С. Григорьев, Л. Гусякова, Г. Осадчая, А. Панов, П. Павленок, Л. Топчий, В. Ярская и др.) работают в направлениях социально-психологического и аксиологического подходов к изучению мотивации и ценностных оснований профессии, «деятельностного» и «сферного» подходов.

В современной дискуссии о профессиях центральные позиции сегодня занимают представители неовеберовского направления (Evetts 2003; 2011; Романов, Ярская-Смирнова 2009; Мансуров, Юрченко 2005). Эта перспектива интегрирует многие достоинства более ранних подходов и преодолевает недостатки каждого взятого по отдельности. Ключевой исследовательский вопрос связан с тем, как поддерживается или увеличивается статус профессии, рассматриваемый вслед за Вебером в трех параметрах стратификации: экономическое измерение, престиж и власть (Вебер 1994). Эти три измерения также могут быть изучены как ресурсы профессионального статуса (Saks 2010; Yurchenko 2004; Сало 2012). Профессионализация понимается как социальный проект по увеличению статуса посредством социального закрытия (Larson 1977; Abbot 1981; Saks 1994), в ходе которого формируется профессионализм, необходимый группе специалистов для легитимации своей исключительности в рамках определенного сектора услуг (Evetts 2003; Кульман 2007; Романов, Ярская-Смирнова 2011; Романов, Ярская-Смирнова 2014). Идея представить профессионализацию как проект (Larson 1977) означает, что конкретная профессиональная группа ставит цель повысить свой статус, монополизировать определённую сферу знаний

и приобрести доверие общественности. Процесс сопровождается борьбой за власть, юрисдикцию (Abbott 1988) и профессиональную автономию (Freidson 1988), этому способствуют или препятствуют социокультурные условия, особенности государственного устройства, бизнеса, социальной стратификации, организационных культур. Поэтому профессиональный проект может быть реализован по-разному (Iarskaia-Smirnova, Abramov 2016).

Нами были применены идеи неовебериянского подхода к исследованию российской социальной работы, включая оценку профессионального статуса по трем указанным компонентам: экономическому, властному и культурному (Романов, Ярская-Смирнова 2014). На данном этапе исследования нас в большей степени интересуют ценностно-символический контекст, властные и культурные ресурсы профессионализации, среди которых мы выбираем в качестве фокуса исследования образ социальной работы, формируемый в масс-медиа и профессиональной литературе. Мы полагаем, что образы социальной работы, формируемые при участии различных социальных институтов, влияют на профессиональную культуру специалистов.

Профессиональная культура подразумевает ценностно-символическую систему, включающую нормы, ценности, знания, символы, связанные с формальными и неформальными практиками и отношениями представителей конкретного рода занятий. Несмотря на глокальный характер многих профессий, их конкретное функционирование осуществляется в различных социальных, культурных, экономических и политических контекстах, включая контекст социальной политики, — что не может не влиять на нормы, ценности и практики специалистов. Формирование и реформирование социального государства, планирование и реализация социальной политики осуществляется с опорой на идеологические конструкты, влияющие на коллективные представления населения и представителей конкретных профессий в различные времена и в разных национальных контекстах.

Государство играет важную роль в профессионализации социальной работы, накладывая заметный отпечаток не только на содержание профессиональной деятельности, но и на общественное восприятие и коллективную идентичность профессиональной группы. Процесс профессионализации проявляется в создании учебных заведений и профессиональных ассоциаций, обеспечении стандартов, определении задач и формировании кодекса этики, правовой поддержки территории рабочих мест (Iarskaia-Smirnova, Abramov 2016). При этом социальное

образование становится медиумом социального государства, катализатором групповых солидарностей, сплочённости, диалога, доверия, но в силу рекурсивности образования общественному устройству оно может оказывать разное влияние на социальные процессы. После распада Союза в новых государствах приняты меры для классификации социальной работы как профессии (Iarskaia-Smirnova, Romanov 2002; Penn 2007), хотя маршруты проекта профессионализации неодинаковы (Iarskaia-Smirnova 2013; Iarskaia-Smirnova, Lyons 2017). В некоторых странах идентичность и границы социальной работы совпадают с социальной педагогикой (Lyons, Huegler 2012).

В современной России развитие социальной работы как профессии продвигается довольно интенсивно. Позиция специалиста по социальной работе требует высокой квалификации. Однако, в отличие от Европы и США, российские работники социальных служб часто ассоциируются с низкоквалифицированной занятостью, не требующей высшего специализированного образования. Социальные работники с базовым уровнем квалификации занимаются эмоциональным и нередко физическим трудом. Специалисты с высшим образованием нередко выполняют роль распределителей ресурсов, редко выступая творческими автономными профессионалами, имеющими свой собственный голос, редко проявляют инициативу, не мыслят себя субъектами социальной политики, членами консолидированного профессионального сообщества с четкими представлениями о целях, ценностях и нормах профессиональной деятельности (Романов, Ярская-Смирнова 2014).

И хотя в стандартах качества социальных услуг оговаривалась значимость ценностной компоненты профессионального труда (ГОСТ Р 52142–2003), и в России уже существует этический кодекс, принятый Межрегиональной Ассоциацией работников социальных служб в 1994 г., и более поздняя редакция – Кодекс этики социального работника и социального педагога, принятый Союзом социальных педагогов и социальных работников в 2003 г., профессиональная этика не полностью интериоризирована сотрудниками социальных служб, представителями конкретных профессий. В России представители высшего образования и правительственных структур в разработке первых версий профессиональных стандартов и этических кодексов играют ведущую роль. Но с развитием профессии содержание квалификаций постепенно будет меняться, исходя не только из потребностей практики, но и в контексте международных требований, с учетом накопленного глобального опыта в области современной теории, методов социальной

работы, прав человека. Стандартизация профессионального этоса ведет к противоречивым последствиям, которые следует предвещать и отслеживать при помощи эмпирических исследований.

Если говорить о предыстории профессионализации социальной работы в социалистических странах, следует отметить, что именно государство здесь несло ответственность за благосостояние, образование, транспорт, жильё, услуги здравоохранения и отдыха. В соответствии с идеологией реформ универсалистский тип социального обеспечения был подвергнут пересмотру, акцент перенесён на принцип адресности. Логика индивидуализации и медикизация нищеты перекликалась с видением проблем как буржуазных пережитков или недостатков социальной жизни (Iarskaia-Smirnova 2011).

Профессиональное развитие социальной работы в России и других постсоветских странах стартовало в начале 1990-х при активном участии правительства, рынка и гражданского общества, грантов Темпус, Всемирного банка, ПРООН, ЮНЕСКО, Европейского союза. Международные проекты были направлены на развитие компетентности соцработников, структурные изменения системы, новые подходы к перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей (Iarskaia-Smirnova, Romanov 2015). Проекты инициированы на глобальном уровне, их концептуальный аппарат и практическое воплощение адаптированы к местному контексту. Предприняты шаги по принятию правовой базы, развития социального образования, профессиональных ассоциаций.

Историческое наследие, экономическое развитие, международный опыт демократии обусловили различия государств благосостояния и траекторий профессионализации (Orenstein 2008). Социальные работники в странах постсоциализма находятся под строгим бюрократическим контролем, профессия регулируется не специалистами, а руководством и вышестоящими инстанциями как ресурсом коллективной идентичности. Большую роль по организации социальных услуг играют партнёрство, волонтёры, сотрудничество с общественными организациями. Это точка роста социальной сферы. Первую скрипку в реализации профессионального проекта в некоторых странах уверенно играют национальные ассоциации (Грузия) и ведущие образовательные программы (Россия, страны Балтии). Новые услуги создаются по инициативе профессиональных соцработников, способствуя позитивным изменениям. В странах существуют разнообразные культурные традиции, связанные с религиозными и этническими различиями, неоднозначное отношение к импорту моделей социальной работы в сложных условиях глобализации.

Озабоченность качеством предоставления услуг выражается в профессиональных стандартах социальной работы – Эстония, 2001 г. (Kiik, Sirotkina 2005), Россия, 2013 г. Первые версии стандартов разработаны с участием представителей вузов, и создание экспертного сообщества имеет тенденцию к увеличению контроля над профессией. Межсекторное сотрудничество создаёт условия для моделей профессионализации снизу, в деятельности профессиональных сообществ, и сверху, через правительственные постановления.

На основе анализа литературы и интервью с экспертами Армении, Литвы, Беларуси, Азербайджана, Кыргызстана, Украины, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана (Iarskaia-Smirnova, Lyons 2017) был сделан вывод о том, что социальная работа в постсоветских странах воспринимается как важная профессия, но её профессиональная автономия в этих странах пока не высока. Российское правительство предпринимает усилия по развитию системы социальных услуг, в области социальной работы появляются новые акторы, хотя ключевые вопросы квалификации специалистов, профессиональной культуры, профессиональной идентичности всё еще не решены.

Образовательные программы, направленные на формирование компетентных специалистов в рамках той или иной профессии, также различаются от страны к стране. Существуют и вариации между программами, реализуемыми в разных учебных заведениях. На профессиональную культуру большое влияние оказывает организационный контекст, в том числе формы и статус организации, стиль управления, разделяемая в организации система ценностей, статус конкретных специалистов в рамках конкретного учреждения. Заимствуя в конце 1980-х практику социальной работы, российская система социальной защиты не смогла, да и не должна была, перенести на чужую социокультурную почву весь профессиональный комплекс, сложившийся в странах с давними традициями развития этого вида занятости и образования. Она во многих проявлениях отличается и от западных моделей и не во всем стыкуется с развивающейся параллельно системой российского образования по социальной работе. Принимая во внимание разнообразные условия, в которых формируется и видоизменяется профессиональная культура специалистов по социальной работе, можно говорить о её глобальном характере.

Свой вклад в создание образа социальной работы в постсоветской России вносят различные акторы – международные, государственные и частные институции, органы законодательной и исполнительной

власти, масс-медиа, университетские преподаватели, учёные, практики, общественные активисты и волонтеры. Их взаимодействие приводит к эффектам глобализации в образовании и практике социальной работы (Lyons 2006; Payne 2008). При этом процессы глобального и локального, вестернизации и укоренения переплетаются между собой (Gray, Fook 2004), воспроизводятся в изменённом варианте, вплетаясь в систему локальных социальных, политических и культурных референций (Yan, Kwok 2006). В этом процессе различные акторы конкурируют между собой, создавая переплетение новых смыслов социальной работы, формируют законодательную, социально-экономическую и политическую среду профессии, соперничая за собственные интересы и статусы.

Эта книга включает результаты научно-исследовательской работы, осуществлявшейся на заключительном этапе работы по проекту. На предыдущих этапах реализации проекта была разработана методология социально-антропологического исследования профессиональной культуры социальных служб (Ярская-Смирнова 2014), с применением этой методологии выявлены ценностно-символические и поведенческие аспекты повседневной практики, разработаны практические рекомендации по совершенствованию процесса профессионализации социальной работы (Ярская-Смирнова 2015). В задачи этого этапа входило проведение контент-анализа крупных центральных СМИ с целью проанализировать динамику образа социальной работы и оценить публичный имидж профессии; выявление и интерпретация противоречий статуса и идентичности представителей профессиональной группы в репрезентациях помогающей профессии. В фокусе внимания — культурный ресурс профессионального статуса, т.е. групповая идентичность, ценности, стратегии получения престижа: признание роли квалификации, этического кодекса как объединяющего профессионалов, способы повышения престижа, репутации профессии и организации.

Большая благодарность коллегам, которые участвовали в проекте на разных этапах: В. К. Антоновой, В. Г. Николаеву, Р. А. Садыкову, О. А. Симоновой, Н. В. Сорокиной, Алёне Барановой за неоценимую помощь в координации работы и В. В. Яковлевой за мастерство в подготовке коллективных изданий по проекту.

Раздел 1.

ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИЙСКИХ СМИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Социальная работа одновременно является научной дисциплиной, профессиональной деятельностью, и частью социальной политики государства. Развитие российской социальной работы в том формате, в котором мы ее видим сегодня, началось в 1985 г. с приказа Министерства социального обеспечения РСФСР «О проведении эксперимента по организации отделений социальной помощи на дому одиноким нетрудоспособным гражданам» (Приказ... 1985). Через шесть лет, в 1991 г. социальную работу включили в общий реестр существующих профессий, а в квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих охарактеризовали пять категорий социальных работников (Постановление...1991). В том же году началась подготовка специалистов по социальной работе в российских вузах. Профессиональные стандарты для работников сферы социального обслуживания утверждены в 2013 г. (Приказ... 2013). То есть социальная работа в нашей стране первоначально возникла как технология социальной политики, как ответ государства на потребность населения в дополнительной социальной поддержке и обслуживании. У первых социальных работников не было ни опыта, ни профессиональных знаний. Институционализация социальной работы как профессии и как научной дисциплины продолжается до сих пор.

Деятельность социальных работников распространяется на самых незащищенных и нуждающихся граждан. Часто в их глазах социальный работник является транслятором социальной политики государства в отношении людей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Но есть и частные инициативы социальной помощи населению.

Ключевые этапы становления социальной работы как профессиональной деятельности и социальной политики находят свое отражение

в публичном дискурсе, в том числе и в медиа-пространстве. Целью нашего исследования стали анализ образа социальной работы и оценка публичного имиджа профессии в российском медиа-дискурсе. Исследовательская программа содержала в себе следующие задачи:

1. определить контексты упоминания социальной работы и представителей профессии;
2. дать характеристику динамике изменения числа и характера материалов о социальной работе;
3. выявить основные элементы образа профессии социального работника и особенности дискурса о профессии.

Разработанный нами инструментарий (кодировочный лист) был использован для проведения контент-анализа публикаций двух печатных российских СМИ. Мы хотели выявить ключевые элементы образа социальной работы в отечественном медиа-дискурсе.

Выборка и процедура анализа

Для формирования текстового массива были использованы материалы двух российских ежедневных федеральных изданий, «Российской газеты» и «Московского комсомольца», за период с 1992 по 2015 гг. «Российская газета» (далее РГ) — официальное издание Правительства Российской Федерации, которое освещает общественно-политические вопросы, публикует федеральные законы и комментарии к ним, специализируется на новостях и аналитических обзорах. Газета зарегистрирована в 1990 г., тираж составляет порядка 160 тыс. экземпляров. «Московский комсомолец» (далее МК) был основан в 1919 г., перерегистрирован в 1991 г. как частное издание, тираж достигает 700 тыс. экземпляров. Издание освещает широкий набор тем от государственной политики до новостей бизнеса, спорта и культуры. Мы предполагали, что образы социальной работы в официальном государственном издании и частном таблоиде будут отличаться.

Реализация исследования проходила в два этапа. Первоначально в полнотекстовой базе данных российских СМИ «Интегрум» строился максимально широкий поисковый запрос «социальная работа» для трех лет: 1995, 2005 и 2015 гг. Все статьи, попавшие в выборку, были обработаны участниками исследовательской группы. В результате был сформирован лист дополнительных дескрипторов социальной работы

для уменьшения «шума» в массиве — числа неподходящих по содержанию статей. На втором этапе уточненный поисковый запрос задавался на весь период исследования: с января 1992 по декабрь 2015 гг. В ходе ручного отбора статей были отсеяны материалы, не отвечающие целям нашего исследования, например, тексты нормативных документов. Итоговый массив составил 357 статей, 212 из которых были опубликованы в РГ, а 145 в МК.

Единицей анализа стала статья, затрагивающая тематику социальной работы как профессиональной деятельности или социальной политики. Единицей счета — высказывание о предмете нашего исследования, встречающееся в определенном смысловом блоке. При кодировании одной статьи могли быть зафиксированы противоречивые или противоположные по смыслу высказывания. Например, тогда, когда автор приводит несколько примеров или точек зрения.

Общая характеристика публикаций

Таблица 1.

Жанры статей, %

<i>Жанр</i>	<i>РГ</i>	<i>МК</i>
Новость/ Информационное сообщение	32,1	40,7
Заметка	37,3	30,3
Репортаж	6,1	13,1
Интервью	13,2	6,9
Аналитическая статья	7,1	6,9
Комментарий	1,9	2,1
Другое: открытое письмо	2,4	0,7

Подавляющее большинство статей обоих изданий носит событийный характер. Новости или информационные сообщения без оценочных

суждений составили 32,1 % материалов РГ и 40,7 % МК. Заметки, или небольшие по объему тексты, посвященные актуальным событиям с демонстрацией позиции автора, встречаются в 37,3 % статей РГ, и 30,3 % МК. Интервью, репортажи и аналитические материалы представлены реже, и здесь есть различия по газетам. В РГ больше интервью (РГ – 13,2 %, МК – 6,9 %), тогда как в МК больше репортажей (РГ – 6,1 %, МК – 13,1 %). Разница, скорее всего, обусловлена форматами изданий: РГ транслирует мнение властей, соответственно, публикует информацию от первого лица – министра, губернатора или мэра. В то время как МК больше нацелена на персонифицированные истории.

Большая часть статей полностью (РГ – 45,3 %, МК – 46,9 %) или практически полностью (порядка 0,75 объема текста: РГ – 13,7 %, МК – 15,2 %) посвящена тематике социальной работы. Материалов, где социальной работе отведена лишь четверть текста (РГ – 11,8 %, МК – 12,4 %), а то и меньше (РГ – 18,9 %, МК – 14,5 %), суммарно по двум газетам составляют порядка 30 %.

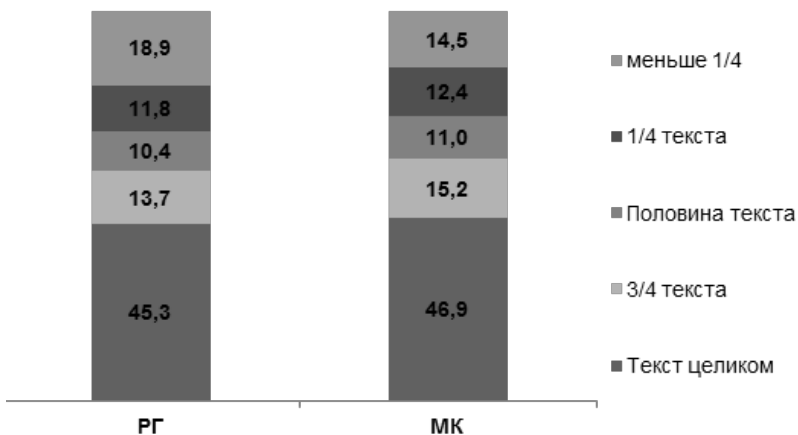

Рисунок 1. Объем текста в статье о социальной работе, %

Статьи под авторством конкретного журналиста или эксперта опубликованы в 60,0 % случаев МК и 85,8 % РГ. Однако подавляющее большинство авторов обоих изданий нельзя назвать специализирующимися на социальной сфере. Так 52,4 % публикаций РГ и 36,6 % материалов МК, попавших в нашу выборку, написаны авторами единожды. Тем не менее есть и те, кто пишет о социальной работе и социальной

политике достаточно часто (число статей одного автора в выборке от 4 до 7) – 17,6% статей в РГ и 11,0% в МК.

Таблица 2.

Как часто автор пишет о социальной работе, %

<i>Автор</i>	<i>РГ</i>	<i>МК</i>
Часто пишет о СР	17,6	11,0
Иногда пишет о СР	19,8	12,4
Редко пишет о СР	52,4	36,6
Автор не указан	14,2	40,0

Таблица 3.

Контекст упоминания социальной работы, %

<i>Контекст упоминания социальной работы</i>	<i>РГ</i>	<i>МК</i>
принятие нормативного акта/ программы/ озвучивание инициативы	16,0	19,3
совещание/конференция	8,5	2,8
исполнение решений	15,1	7,6
оказание услуг населению	55,7	40,7
праздники	5,7	4,8
история помощи	2,8	4,1
мошенничество	4,2	6,2
действия по отношению к работникам соц. сферы (повышение з/п бюджетникам, награждение)	5,7	11,7
другое	0,9	2,8

Как правило, выпуск статьи обусловлен каким-либо информационным поводом: принятием закона или обсуждением инициативы (РГ – 16,0 %, МК – 19,3 %), прошедшего совещания или конференции (РГ – 8,5 %, МК – 2,8 %), отчетом об исполнении ранее принятого решения или программы (РГ – 15,1 %, МК – 7,6 %), праздником или конкурсом (РГ – 5,7 %, МК – 4,8 %), или даже возбуждением уголовного дела против социального работника (РГ – 4,2 %, МК – 6,2 %). Лейтмотивом большей части статей является характеристика оказания услуг населению: виды и формат услуг, их стоимость и востребованность (РГ – 55,7 %, МК – 40,7 %). Отметим, что материалы РГ чаще посвящены официальным отчетам, решениям и мероприятиям, поднимаемые в них темы широки и обезличены. В МК так же освещаются изменения в законодательстве, но акцент делается на последствиях для конкретных людей, например, на повышении заработной платы социальных работников или на введении платных социальных услуг для населения.

Тональность публикаций о социальной работе РГ и МК так же отличается. В РГ преобладают статьи с позитивной тональностью – 43,9 % (в МК – 26,2 %), а в МК – с нейтральной – 47,6 % (в РГ – 28,8 %). О социальной работе и поддержке населения в обеих газетах говорится в терминах необходимости и правильности оказания услуг незащищенным и нуждающимся. Но материалы РГ более эмоционально окрашены, помощь гражданам показана как достижение чиновников и социальных работников: «такую возможность имеет далеко не каждая женщина» («*В престижных столичных...*»), «обеспечивается конкретное решение проблем пожилых людей» («*Регион – языком фактов и цифр*»). Тогда как в МК социальная помощь гражданам рассматривается как само собой разумеющаяся, гарантированная государством: «ходят в центры их обычные посетители – пенсионеры, которые бывают тут круглогодично» («*Москвичей бросают из жара в холод*»). Число негативных (РГ – 12,7 %, МК – 13,1 %) и амбивалентных (РГ – 14,6 %, МК – 13,1 %) статей в РГ и МК практически одинаково. Основными сюжетами для статей с негативной тональностью являются: помощь безработным как развитие социального иждивенчества

Пока местная власть и комитет по занятости в Ярославской области ищут общий язык, число безработных увеличивается с нарастающей скоростью. Еще одна причина тому Федеральный закон, способствующий социальному иждивенчеству («*На хлеб обездоленному...*»),

мошенничество частных фондов социальной поддержки и отдельных специалистов государственных социальных служб

75-летняя аферистка, сколотившая целую банду для выманивания денег у таких же, как она, пенсионеров, окажется в ближайшее время на скамье подсудимых. Следователи отмечают, что впервые столкнулись с мошенницей столь почтенного возраста (Гришина «*В Москве судят...*»),

коммерциализация социальных услуг

Социальные работники выполняют только «чистую» работу. Оказанием помощи на дому занимается также автономная организация «Мосоцгарантия», которая действует под патронажем правительства Москвы. Здешний набор услуг отличается от тех, что готовы выполнить в центрах социальной помощи, — примерно так же, как праздничный набор отличается от супового. И качеством, и, разумеется, ценой. «Мосоцгарантия» ничего бесплатно не делает. В качестве оплаты собственных услуг она берет квартиру подопечного («*Милосердие бесплатным не бывает*»).

Таблица 4.

Тональность статей, %

<i>Тональность статей</i>	<i>РГ</i>	<i>МК</i>
негативная	12,7	13,1
позитивная	43,9	26,2
нейтральная	28,8	47,6
амбивалентная	14,6	13,1

Динамика числа публикаций о социальной работе в выбранных газетах заметно отличается: пики и спады зачастую не совпадают, за исключением пика 2004 года. Необходимо пояснить, что запрос для отбора статей строился с начала 1992 года. Однако, ни в МК, ни в РГ публикаций за 1992–1993 годы не было найдено, поэтому анализ статей начинается с 1994 года.

Пики числа публикаций в РГ совпадают с избирательными кампаниями президента РФ 2000, 2004, 2008, 2012 гг. Как правило, в годы

выборов усиленное внимание уделяется социальной сфере, соответственно, и поводов для публикаций становится больше. Кроме того, традиция присвоения году определенной тематики на государственном уровне, начатая в конце 2000-х, отразилась на числе и содержании публикаций в РГ: 2008 – год семьи, 2009 – год молодежи.

Публикации МК в пиковые годы были посвящены помощи самым незащищенным гражданам конца 1990-х – пенсионерам, семьям с детьми и бродягам (пик 1997 г.); настороженности населения перед планируемой монетизацией льгот 2005 года (пик 2004 г.); социальной поддержке москвичей и жителей области во время жары и пожаров летом 2010 г. (пик 2010 г.); массовой реконструкции социальных учреждений в Москве и области (пик 2012 г.). Возможно, заметная ориентация МК на московский регион так же является причиной несовпадения динамики публикаций.

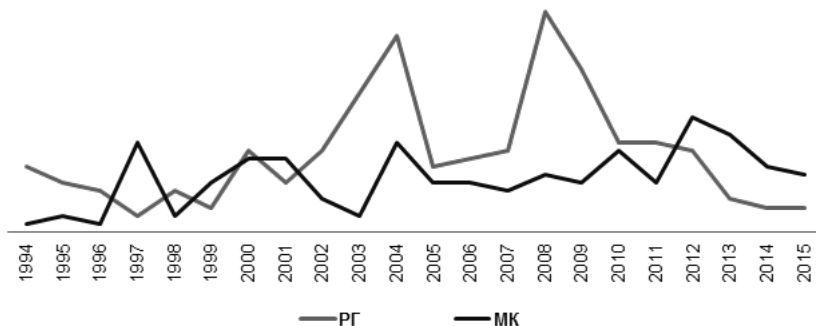

Рисунок 2. Динамика публикаций о социальной работе по годам, частоты

Дискурс о социальной работе

Для того, чтобы проследить и сравнить развитие дискурса о социальной работе в материалах печатных СМИ мы использовали следующие коды:

1. О каком аспекте социальной работы идет речь в статье (профессия, сфера деятельности, часть социальной политики);
2. Какие прилагательные используются при описании социальной работы;

3. На кого, какую социальную группу, направлены действия социального работника;
4. С какими сложностями столкнулся клиент социального работника;
5. Кто показан виновным в сложной жизненной ситуации клиента;
6. Кто может помочь клиенту;
7. Какова роль социального работника в помощи клиенту;
8. Каков результат работы с клиентом;
9. Каковы факторы успеха/неуспеха;
10. Кто говорит о социальной работе или специалисте, дает оценку.

В РГ 48,1 % статей так или иначе затрагивает тематику социальной политики государства в целом, в МК таких статей меньше, лишь 29,7 %. При этом материалов о социальных работниках и социальной работе как профессии в МК больше – 22,8 %, в РГ – 17,0 %. Это отражает уже обозначенные различия между изданиями. Доли статей, в которых говорится о социальной работе как о сфере деятельности, то есть об оказании социальных услуг населению, примерно равны (РГ – 47,2 %, МК – 46,9 %). Еще в 10 % статей РГ и МК говорится о социальной работе одновременно как о профессии, так и сфере деятельности. Общая сумма превышает 100 %, так как в одной статье речь могла идти и о социальной политике, и о социальной работе как профессии или сфере деятельности.

При кодировании фиксировались прилагательные, которые авторы статей использовали для описания социальной работы. Для обеих газет характерны такие определения как «адресная», «бесплатная», «срочная» и «необходимая» помощь. Часто можно встретить прилагательные «новый» или «современный» по отношению к технологии, услуге, стандарту обслуживания или учреждению. При этом в РГ так же говорится о «целевых» и «многофункциональных» программах и задачах, то есть подчеркивается масштабность и комплексность социальной работы. В МК же первоклассные «социальные учреждения» называют «штучной работой» или «единственными» в своем роде, идет указание на фрагментарность положительного опыта, наличие проблем и трудностей в сфере социального обслуживания. Впрочем, сложность и непрестижность труда социальных работников отмечаются в обеих газетах, так в одной из статей МК констатируется, что «социалка всегда считалась самым трудным и неблагодарным направлением» (Егорова «Программа для храбрости»).

Поскольку основная часть статей посвящена социальной работе как сфере деятельности, ключевым дискурсом становится оказание услуг.

Получателями услуг чаще всего показаны пожилые люди (РГ – 32,1 %, МК – 34,5 %), люди с ограниченными возможностями (РГ – 22,6 %, МК – 27,6 %), дети, чаще всего оставшиеся без родителей (РГ – 23,1 %, МК – 15,9 %) и семьи с детьми (РГ – 25,5 %, МК – 15,2 %). Согласно проанализированным материалам основными сложностями, с которыми сталкивается клиент, являются бедность и материальные трудности (РГ – 25,5 %, МК – 17,2 %), проблемы со здоровьем (РГ – 14,6 %, МК – 17,9 %) и преклонный возраст (РГ – 13,7 %, МК – 17,2 %). Кроме того, отмечаются сложности социальной адаптации (РГ – 18,3 %, МК – 12,4 %), беспризорность и бродяжничество (РГ – 15,1 %, МК – 14,5 %), жилищные проблемы (РГ – 6,1 %, МК – 17,9 %).

Половина статей не содержит указаний на виновных в сложной жизненной ситуации клиента (РГ – 53,3 %, МК – 59,3 %). Если виновный есть, то чаще всего это социальное окружение клиента (РГ – 13,2 %, МК – 8,3 %) или он сам (РГ – 8,0 %, МК – 9,0 %). Вина на «внешние факторы» ложится реже: неблагоприятная социально-экономическая ситуация (РГ – 10,4 %, МК – 2,8 %), «власти» в широком смысле (РГ – 9,4 %, МК – 5,5 %) и местное руководство (РГ – 3,8 %, МК – 7,6 %).

Субъектом решения проблем клиента, однако, является не его близкий круг, а официальные организации и институты – социальные службы (РГ – 59,0 %, МК – 38,6 %), органы местной (РГ – 27,8 %, МК – 22,8 %) и федеральной (РГ – 19,3 %, МК – 7,6 %) власти, а также негосударственные организации – НКО, благотворительные фонды и объединения (РГ – 9,4 %, МК – 6,2 %). При этом роль социального работника в большинстве материалов РГ и МК оценивается как ключевая (РГ – 54,7 %, МК – 42,8 %), то есть социальный работник сам оказывает услугу или комплекс услуг, помогает клиенту решить его проблему. В качестве посредника соцработник выступает в 13,2 % материалов РГ и 19,3 % МК. Противодействующая или препятствующая роль социального работника показана лишь в 3,7 % статей РГ и 3,4 % – МК.

В половине статей нет оценки или вывода об успешности или не успешности деятельности социальных служб (РГ – 45,3 %, МК – 54,5 %). Тем не менее 38,2 % статей РГ и 31,0 % МК содержат положительные оценки результатов деятельности социальных работников

За время реализации проекта, который стартовал поначалу в нескольких пилотных районах Башкирии, десятки родителей удалось пролечить в наркологических диспансерах, избавив от алкоголизма, а также обучить их на базе местных профтех-

училищ новым специальностям, востребованным на рынке труда: механизаторов, водителей, бухгалтеров, парикмахеров, маникюриш (Пересыпкина «Верните маму»);

Приятнее всего, по словам соцработников, видеть непосредственный результат своих усилий. «Иной раз подходят прошедшие реабилитацию, — делится Евгений, — и говорят: «Спасибо, что не прошли мимо!» Они были грязные, дурно пахнущие, апатичные, ушедшие в себя, а потом смотришь — они нормально теперь живут, работают. Видеть это приятно (Чуприн «Ирина ФАЕВСКАЯ...»).

Отрицательные результаты описаны в 8,0 % материалах РГ и 8,3 % МК. Ключевыми факторами успешного оказания социальной услуги в РГ чаще всего называют персональный (9,4 %) и комплексный (5,7 %) подход к каждому клиенту, а также использование современных методик и технологий оказания помощи гражданам (4,7 %). В качестве препятствий, мешающих качественному оказанию услуг, отмечаются недостаточное финансирование (3,3 %), несовершенство или отсутствие законодательной базы (2,4 %), проблемы межведомственного взаимодействия (1,4 %), низкий уровень информированности получателей социальных услуг (1,4 %) и непрофессионализм работников социальных учреждений (1,4 %). В материалах МК составляющие успеха социальной поддержки тоже включают в себя персональный (адресный) подход (6,2 %) и комплексную поддержку клиента (4,1 %), но помимо этого отмечается важность личностных качеств социального работника (чуткое отношение к клиентам, желание помочь, проактивная позиция — 6,2 %) и наличия дополнительного финансирования за счет помощи бизнеса и местных властей (4,8 %). Факторы неуспеха в статьях МК следующие: коммерциализация социальных услуг (1,4 %), недостаточность финансирования (1,4 %), бедность населения (0,7 %), влияние окружения на клиента (0,7 %), а также черствость сотрудников соцзащиты (0,7 %), формальное исполнение должностных обязанностей социальными работниками (0,7 %) и даже дискриминация клиентов (0,7 %).

Транслятором дискурса, рассказчиком, «оценщиком» социальной работы и соцработников в статьях и РГ (50,0 %), и МК (43,4 %) в основном выступает автор материала. То есть журналист или эксперт на основании собственной позиции, опыта, наблюдений и обобщений представляет нам социального работника или сферу социальной поддержки населения, не обращаясь к точкам зрения ученых, общественников, потребителей услуг, законодателей или самих социальных работников. Тем не менее в части статей приводится позиция представителей

органов власти (РГ – 17,5 %, МК – 13,1 %) и социальных работников (РГ – 11,3 %, МК – 11,0 %), а также потребителей услуг, при чем в МК их голос слышен чаще (12,4 %), чем в РГ (лишь 3,3 %).

Однако медиа-дискурс о социальной работе не статичен, он меняется в зависимости от новостной повестки, экономической и политической конъюнктуры, общественного мнения и изменений в законодательстве. Отметим, что до середины 2000-х основными клиентами социальных служб выступали пожилые люди и ветераны: «не страна, а сплошной Дом призрения» (Волкова *«Достойная старость...»*). Материалы газет были посвящены начислению пособий, обслуживанию на дому, группам дневного пребывания для пенсионеров, развитию сети домов-интернатов и обсуждению плюсов и минусов договора ренты. Трудности пенсионеров связывались с экономическим кризисом в стране, задержкой выплат пенсий, одиночеством пожилых людей. Спектр социальных услуг в этот период расширяется, появляются частные организации, предлагающие услуги по уходу за пенсионерами и инвалидами в обмен на их квартиры. В печати появляются полурекламные материалы о сказочных пансионатах и о мнимых социальных работниках, «социальных работников-убийцах».

С начала-середины 2000-х годов на первый план выходят дети и семьи с детьми, поднимается проблема социального сиротства, говорится о необходимости воспитания детей в семье, появлении новых видов семейного устройства, остро встает вопрос целесообразности усыновления российских детей иностранцами. В стране появляется институт Уполномоченного по правам ребенка, а при центрах социального обслуживания повсеместно открываются детские отделения

Недавно Президент России Владимир Путин потребовал от Правительства РФ самых решительных действий по созданию эффективной системы социальной защиты детей (Павлов *«Кто накормит...»*).

Сложности детей, оставшихся без попечения родителей, проявляющиеся в низкой социальной интеграции в социум, связывают с неэффективностью воспитания в условиях казенных учреждений. Социальные службы, как частные так и государственные, ведут комплексную работу по профилактике социального сиротства и подготовке приемных и патронатных семей

Общественные организации «Семья и дети» и «СибМама» приняли решение о создании службы скорой социальной помощи беременным женщинам и мамам с новорожденными, находя-

щимся в трудной жизненной ситуации (Решетникова, Крюкова «*Без отказа*»);

Когда детские дома передали в систему соцзащиты, я собрал всех директоров и сказал, что задача коренным образом изменилась. Содержание и уход — дело важнейшее, но теперь самое главное — передача детей опекунам, попечителям или усыновителям. Я объяснил, что все сотрудники детских домов будут трудоустроены, потому что создаются центры сопровождения, которые будут работать с такими ребятами и с приемными семьями. Работы хватит на всех. Вот закрыли детский дом № 57, а его директор возглавила центр содействия семейному воспитанию. Тот, кто понимает задачу, продолжает с нами работать. Есть люди, которые не понимают и не хотят понимать — к сожалению, с ними пришлось расстаться. И их достаточно много (Богуславская «*Начальник департамента соцзащиты...*»).

Самим социальным работникам приходится получать новые навыки коммуникации с семьями из зоны риска, развивается межведомственное взаимодействие

Есть большие проблемы с кадрами в службе профилактики детских нарушений. Приходят, как правило, двадцатилетние девушки после педагогических колледжей. Им трудно работать с законопослушными родителями, которые пьют, употребляют наркотики. Конечно, участковым приходится помогать коллегам (Куликов «*Семья повышенного риска*»).

В 2010-х дети и семьи с детьми все еще показаны главными клиентами социальных работников, но активнее начали говорить, например, о доступной среде для инвалидов и инклюзивном образовании

По поручению префекта дирекция ЖКХиБ по ЦАО должна организовать работу диспетчерских служб по контролю за работоспособностью платформ и подъемников, установленных в подъездах многоквартирных домов. Районные управы проведут инвентаризацию дворов, чтобы определить, где требуется разметить машино-места для инвалидов. Общественная инспекция по делам инвалидов (invainspektor.ru) обследует все действующие и строящиеся объекты (в том числе поликлиники, кинотеатры, магазины и учебные заведения) и доложит, где требуется организация безбарьерной среды («*Новости*» МК 20.11.2013).

Появились материалы о новых социальных проектах для пожилых людей, таких как, например, университет третьего возраста. Кроме того, вновь с конца 1990-х заговорили о людях без определенного места

жительства (особенно много материалов в МК). Интересно, что причинами неудач этой группы клиентов социальных работников наравне с традиционными алкоголизмом, семейными неурядицами и потерей работы, называют определенный образ жизни, сознательный выбор людей, не достигших часто и 40 лет

В общей сложности Москва сегодня готова предоставить бездомным 1174 койко-места. Общая цифра включает как квоты для разового ночлега, так и места для отважившихся пройти ресоциализацию — таковых на всю Москву 689 человек. С мая, когда в центре на полную заработала группа трудоустройства, нашли постоянную работу 80 бывших бомжей — часть из них теперь служат в «Социальном патруле», другие трудятся, к примеру, сантехниками и электриками. Так что бомжам нашим нужна не жалость, а изрядный пинок: чтобы они хотя бы захотели изменить свою жизнь (Калютич *«Насколько комфортно...»*).

О социальных работниках чаще говорят как о профессионалах своего дела, отмечается квалификация сотрудников, уделяется внимание требованиям, предъявляемым к специалистам, рассказывается об изменении системы оплаты труда (введение эффективных контрактов), которая должна (по мнению властей) улучшить материальное благосостояние социальных работников и стимулировать их профессиональное развитие в социальной сфере

Правительство поставило цель — квалифицированные специалисты, занятые в бюджетных отраслях, должны получать заработную плату не ниже среднего уровня по экономике конкретного региона. При этом к концу 2014 года средняя заработная плата в стране должна увеличиться в полтора раза и достигнуть порядка 30–32 тысяч рублей (Смолякова *«Зарплату прибавили»*).

Весомой частью дискурса о социальной работе является роль государства в социальной поддержке граждан, а так же наличие частных инициатив помощи нуждающимся. В материалах РГ государству (институтам власти) отводится исключительная (37,3 %) или ключевая (23,1 %) роль в организации социальной работы. Но лишь в 14,5 % статей МК отмечается исключительная роль государства, а в 30,3 % — ключевая. В МК в принципе меньше статей, где роль государства артикулируется. Исключительная роль подразумевает, что только государство оказывает социальную помощь гражданам, а ключевая, что государство берет на себя основную нагрузку, одновременно стимулируя другие возможности и источники социальной поддержки населения.

В 23,1 % публикаций РГ упоминается помощь нуждающимся гражданам от негосударственных организаций, как правило, это некоммерческие фонды и объединения (16,7 %), бизнес (4,3 %). Речь чаще всего идет об оказании материальной (8,0 %), медицинской (5,2 %), вещевой (4,2 %) и психологической (3,8 %) помощи. Роль таких организаций в сфере оказания социальных услуг – быть частью государственной политики (10,4 %). Ключевая роль (7,5 %) как правило у тех НКО, которые занимаются помощью людям без определенного места жительства: их кормят, устраивают в приюты, помогают восстановить документы. 18,6 % публикаций МК рассказывают о помощи населению не от государственных учреждений, основные из них: НКО и благотворительные организации (11,0 %), коммерческие организации, оказывающие социальные услуги (3,4 %), непрофильный бизнес в качестве благотворительности, регулярной или ситуативной помощи нуждающимся (1,4 %). Основные виды помощи, отмеченные в материалах МК: материальная – 4,8 %, воспитание (частные детские дома, деревня SOS и проч.) – 3,4 %, уход и бытовая помощь – 3,4 %, а также социальная реабилитация – 3,4 %. Причем роль негосударственных организаций – вспомогательная, как часть государственной политики (13,1 %).

Тем более важны социально ориентированные частные проекты (например, парикмахерская для немых людей). Государство готово финансово поддерживать таких предпринимателей через субсидии. Кроме того, появляются специальные образовательные программы в вузах (уже есть в Москве, Питере, Омске). При участии Агентства стратегических инициатив (АСИ) открываются центры социальных инноваций, призванные распространять удачный опыт по стране (Петрова «*Новости*»).

Ключевые элементы образа социального работника: типология

Статьи, где речь так или иначе идет о работниках социальных служб, составляют лишь треть всех материалов: 30,2 % в РГ и 32,4 % в МК. Многие авторы статей отмечают, что социальная работа – преимущественно женская профессия, несмотря на тяжесть труда:

По-видимому, женский состав коллектива определяется невысоким уровнем зарплаты. Потому что специфика их работы, как

и контингент центра, носит сугубо мужской характер. Но, как ни странно, женщины со своими строптивыми, а порой и буйными клиентами управляются очень умело (Березина «*Ледушка без адреса*»).

Речь о мужчинах-специалистах по социальной работе, как правило, заходит в качестве демонстрации их уникальности. Чаще всего это студенты, волонтеры или молодые специалисты.

А вот заведующая отделением социального обслуживания на дому пожилых и инвалидов из Ивановской области Юлия Гусева задала особо насущный перед женским праздником вопрос: «Как привлечь молодых мужчин к работе в социальной сфере?» Юлия сказала, что в их деле работают в основном женщины, да и у тех не всегда подходящее образование и достаточный стаж, а хотелось бы, конечно, чтобы в соцсферу приходили грамотные специалисты и желательно молодые мужчины.

— Только чем их привлечь в социальную сферу? — никак не могла решить Юлия Сергеевна.

— Как чем? — ответил Медведев Д. А. — Рублем привлечь. Конечно, те, кто ищет быстрых денег, пойдет не в социальную сферу, а в бизнес. Но это не значит, что мы не должны повышать зарплату работникам социальной сферы (Голубицкая «*Сильный пол потянется за рублем*»).

Таблица 5.

Указание на пол социального работника, %

<i>Пол социального работника</i>	<i>РГ</i>	<i>МК</i>
нет указаний	77,8	73,8
мужской	6,6	6,2
женский	17,5	20,0

О возрасте социального работника говорит незначительная часть журналистов. В РГ упоминаются молодые сотрудники (3,3 %) и работники пенсионного возраста (2,8 %). В МК также молодые (2,8 %) и люди среднего возраста (1,4 %). Зато уровень профессионализма социальных работников не остался без оценки. Большинство оценок в обоих изданиях положительные: высокий уровень профессионализма

отмечен в 17,9% статей РГ и 15,9% МК. Однако в МК чаще указывается на средний (РГ – 2,4%, МК – 4,1%) и низкий (РГ – 3,8%, МК – 4,8%) уровень профессионального мастерства.

Таблица 6

Оценка уровня профессионализма социального работника,%

<i>Оценка уровня профессионализма</i>	<i>РГ</i>	<i>МК</i>
нет указаний	75,9	75,2
Высокий	17,9	15,9
Средний	2,4	4,1
Низкий	3,8	4,8

Высокий уровень профессионализма в РГ оценивают, прежде всего, по результату деятельности (9,4%) и наличию у специалиста опыта работы (6,1%), а вот профильное образование стало критерием оценки лишь в 3,3% статей. Низкий уровень профессионализма выражается в общей некомпетентности работника (2,8%), нарушении или неверной трактовке законодательства (1,%). В материалах МК ключевым фактором профессионализма социального работника является опыт работы (6,9%), на втором месте результат успешной работы (4,8%), в том числе на основании отзывов клиентов (отметим, что в РГ оценка результата деятельности выражается, как правило, в количественных показателях, например, в числе оказанных услуг). На третьем месте – квалификация специалиста, основанная на профессиональном и дополнительном образовании соцработника (3,5%). Помимо этого отмечаются нравственные качества и коммуникативные навыки работников, их многофункциональность и взаимодействие с другими службами. Показателями непрофессионализма социального работника на страницах МК выступают нанесение вреда клиенту (1,4%), нарушение или незнание законодательства (1,4%), недоброжелательность (1,4%) и низкая мотивация к труду (0,7%).

Речь в материалах газет чаще всего шла о работниках центров социального обслуживания населения (РГ – 26,9%, МК – 15,2%)

и органов социальной защиты (РГ – 13,2%, МК – 12,4%). При этом в РГ достаточно публикаций о сотрудниках социально-реабилитационных центров (11,8%), а также министерств и ведомств, отвечающих за социальную поддержку граждан (9,9%).

Ключевые элементы образа социальных работников в медиа-дискурсе хорошо отражают прилагательные, используемые для описания героев публикаций. Условно эпитеты, характеризующие социальных работников, можно разделить на три группы и вывести, соответственно, три типа образов.

Первая группа «помощников», «профессионалов» и «лучших кадров». Сюда вошли статьи, посвященные победителям и участникам конкурса на лучшего по профессии, существующего на федеральном уровне с 2000 года, а также истории помощи клиентам. В обеих газетах эта группа самая многочисленная. Работников социальных служб награждают такими определениями как «квалифицированный», «надежный», «проверенный», «компетентный». Истории прихода этих людей в профессию могут быть разными: целенаправленный выбор («своя профессия»), стечение обстоятельств, или даже преодоление сложной жизненной ситуации и желание помогать другим («равные» консультанты).

Я стала соцработником после того, как тяжело заболела моя мама. Сначала узнала, что это такое, а потом увидела, как много людей нуждаются в помощи. Конечно, на зарплату, которую нам платят, прожить невозможно. Приходится подрабатывать. Но я уже не могу иначе. Думаю – хоть как-то, но помогу тем, кто в этой помощи действительно нуждается, – рассказала корреспонденту «РГ» сотрудница одного из районных отделов соцзащиты Светлана (Чернышева *«Работников соцзащиты поддержат рублем»*).

Примечательно, что трудиться в службе будут тюремщики-пенсионеры, которые знают, как обращаться со спецконтингентом. Также к работе будут привлекаться «равные консультанты» – такие же бывшие осужденные, имеющие личный успешный опыт социальной адаптации после освобождения (*«В кадровом агентстве ...»*).

Сферы деятельности также разные: обслуживание пенсионеров на дому, реабилитация наркозависимых, помощь бездомным, работа с детьми в семейном детском доме («социальная мама»). Различаются и секреты мастерства: это может быть бесценный личный опыт, профессиональная подготовка, внушительная ежедневная практика помощи.

Но результат их работы всегда высоко оценен автором публикации, статистикой или клиентом.

Спортсменка, активистка, отличница и просто хороший человек. Кто это? И вовсе даже не «кавказская пленница», а финалист конкурса профессионального мастерства «Социальный работник–2000». Представьте себе, есть у нас такая профессия. Мало-заметная, непрестижная (потому что платят копейки), но очень нужная одиноким, больным и зачастую абсолютно беспомощным людям (Любошиц *«Соцработники подсели на колеса»*).

Наравне с эпитетами профессиональной компетентности часто говорится о необходимости обладания такими личными качествами как доброта и чуткость, равнодушие и обаяние, терпеливость и порядочность, не лишними оказываются отвага, спортивный образ жизни и женская хитрость.

Кроме профессиональных качеств им пришлось проявлять и чисто человеческие – находить верные выходы из неординарных ситуаций, которыми полна наша жизнь (*«В калужской области прошел конкурс ...»*).

Уже пенсионеркой пришла работать в Центр социального обслуживания и удивляла всех своим жизнелюбием. Все старушки от нее без ума были (Азман *«Коммунальная могила»*).

Так помогает нам, такая безотказная и милая! Мы так рады, что именно она с нами работает! А ей даже форму рабочую не выдают! (Кузина *«От соцработы конидохнут»*).

Валентина обсуждает и червяков, и черешню, и погоду. Ведь ее подопечным от соцработника нужны не столько продукты и услуги, сколько обыкновенный разговор. Общение им нужно как воздух! – говорит зав. отделением обслуживания на дому КЦСО «Покровское-Стрешнево» Ольга Вершинина. – Поэтому соцработник должен обязательно побеседовать. А это иногда очень непросто.(Там же).

Отважная женщина вступила с домушником в схватку и отобрала сумку с награбленным (Новикова *«Увидел белый свет»*).

Вторая группа – «бюджетники», она же вторая по суммарному количеству статей (причем в МК больше, чем в РГ). Основной характеристикой данной группы является «неперестижная» и «мало-оплачиваемая» работа. Представители данной группы редко удостоиваются эпитетов профессиональной компетентности, зато часто встречается определение «обычный» социальный работник. Речь в основном идет

о «тяжелом» «повседневном» труде работников социальной сферы за весьма «скромные» зарплаты, на которые соглашаются «трудящийся в свободное время студент или немолодая женщина». Соответственно, берут туда всех «желающих», тех кто не сумел трудоустроиться иначе. Указывается на непрофильное образование и маленький стаж работы. Низкой оплатой труда объясняется текучесть кадров, отсутствие мотивации к труду, незнание законодательной базы. При этом, львиная доля статей (в РГ больше, чем в МК) посвящены необходимости или решению о повышении заработной платы работникам социальной сферы, нацеленности правительства повысить уровень благосостояния этой категории людей. Однако по контексту статей из данной группы зачастую следует, что таким соцработникам самим нужна социальная поддержка.

Как сообщили «МК» в мэрии столицы, социальные работники и медсестры центров социального обслуживания, присматривающие на дому за пожилыми и нетрудоспособными москвичами, вместо нынешних 200 рублей станут получать на дорогу с нового года по 300 рублей в месяц (*«Сиделкам станут больше платить на развозды»*).

Само понятие соцработника сегодня несколько видоизменяется. Но при всех рыночных механизмах мы должны оставаться людьми, это, конечно, главное. Нужно понимать, что нагрузка социального работника увеличилась многократно, к нему на помощь приходят психологи и социальные педагог (Чуприн *«Ирина ФАЕВСКАЯ...»*).

Обычно социальный работник – это трудящийся в свободное время студент или немолодая женщина, не сумевшая трудоустроиться иначе (Ефременко *«Собес отдадут бизнесу»*).

Основные проблемы в этой сфере – нечеткость в распределении прав и обязанностей между государственными органами, неэффективное управление учреждениями, нехватка ресурсов, недостатки в организации обмена новыми технологиями. Нуждающихся в получении социальных услуг больше, чем государство может удовлетворить. Качество самих услуг во многих случаях оставляет желать лучшего (Там же).

Третья группа, самая малочисленная, – **«мошенники»**. Случается, что работники соцзащиты или люди выдающие себя за таких, преступают закон, превышают свои полномочия, проявляют халатность. Эпитеты в адрес этой категории социальных работников сродни криминальной хронике «бывалый», «изобретательны», «подозреваемый», «некая дамочка», «нечистый на руку». Поступки этих псевдоспециалистов получают одноз-

начно отрицательную оценку в обоих изданиях, ни тяжелые условия труда, ни низкая заработная плата не являются смягчающими обстоятельствами.

Лжепочтальоны, фальшивые медсестры и сотрудники соцзащиты уже давно преодолевают престарелых одиноких пенсионеров, которые и за себя-то постоять не могут — не то что защитить свой скарб (Гриднева *«Фальшивый собес»*).

Бывшая сотрудница собеса и ее поделница были пойманы при попытке кражи денег у пенсионерки на днях в квартире на Страстном бульваре. Задержанными оказались 58-летняя москвичка Равиля и 31-летняя приезжая с Украины Валентина. Жительница столицы в прошлом действительно работала в одном из подразделений службы социальной защиты Москвы и унаследовала оттуда массив данных о московских пенсионерах, что очень облегчило ей задачу при выборе потенциальных жертв (*«Мошенницы сами подсказали...»*).

В ходе проверки выяснилось, что из-за самоуправства соцработника Илья вовремя не получил около 90 тысяч рублей. Все эти деньги были выплачены ему сразу же после раскрытия махинаций Алены Николаевны. Разносчицу, вероятно, уволят (*«Соцработница наказала инвалида...»*).

Обобщая результаты проведенного контент-анализа отметим, что в печатных СМИ социальная работа чаще всего демонстрируется как часть государственной политики, система оказания социальных услуг населению. Формат и характер этих услуг меняется вслед за изменениями социальной политики и развитием технологий социальной работы. Важность деятельности социальных служб отмечается в подавляющем числе материалов газет, хотя есть и указания на недостатки системы. Точками роста для повышения качества оказываемых услуг являются: профессиональное развитие сотрудников, налаживание межведомственного взаимодействия, поиск дополнительных источников финансирования деятельности социальных служб, в том числе за счет сотрудничества с негосударственными организациями. Публичный имидж социального работника эклектичен, мы выделили три типа социальных работников, представленных в медиа-дискурсе: «помощник-профессионал», «бюджетник» и «мошенник». Наибольшее распространение получил первый, положительный образ. Второй больше характерен для публикаций МК. Важно отметить, что основными трансляторами дискурса о социальной работе являются авторы материалов, чья позиция, вероятно, соответствует политике выпускающей редакции и несет ее отпечаток.

Список процитированных публикаций

- Азман Ю. *Коммунальная могила* // Московский комсомолец от 04.12.2002
- Березина Е. *Дедушка без адреса* // Московский комсомолец от 14.03.2012
- Богуславская О. *Начальник департамента соцзащиты правительства Москвы: «Не нужно заниматься показухой...»* // Московский комсомолец от 04.07.2014
- В кадровом агентстве с бывшими зэками начнут говорить «по фене»* // Московский комсомолец от 30.08.2012
- В Калужской области прошел конкурс на лучшего социального работника* // Российская газета от 22.10.1994
- В престижных столичных салонах стоимость прически обойдется от 16 до 30 тысяч рублей* // Российская газета от 12.01.1994.
- Волкова Л. *Достойная старость: дома призрения?* // Российская газета от 05.01.1995
- Голубицкая Ж. *Сильный пол потянется за рублем* // Московский комсомолец от 07.03.2013
- Гриднева М. *Фальшивый собес* // Московский комсомолец от 07.05.2001
- Гришина Ю. *В Москве судят самую пожилую мошенницу, представлявшуюся работником СОБЕСа* // Московский комсомолец от 08.05.2014.
- Егорова Е. *Программа для храбрости* // Московский комсомолец от 24.01.2000.
- Ефременко Т. *Собес отдадут бизнесу* // Российская газета от 08.06.2005
- Калютнич А. *Насколько комфортно живут бродяги в Москве* // Московский комсомолец от 13.01.2015.
- Кузина А. *От соцработы конидохнут* // Московский комсомолец от 20.07.2006
- Куликов В. *Семья повышенного риска* // Российская газета от 19.12.2002
- Любошиц С. *Соцработники подсади на колеса* // Российская газета от 06.08.2000.
- Милосердие бесплатным не бывает* // Московский комсомолец от 26.12.1995.
- Москвичей бросают из жара в холод* // Московский комсомолец от 16.07.2011.
- Мошенницы сами подсказали, где устроить на них засаду* // Московский комсомолец от 11.02.2009
- Новикова М. *Увидел белый свет* // Российская газета от 08.06.2004
- Новости* // Московский комсомолец от 20.11.2013
- Павлов В. *Кто накормит и согреет меня, бедну сироту?* // Российская газета от 24.01.2002
- Пересыпкина Т. *Верните маму* // Российская газета от 01.09.2010.

Петрова И. *Новости* // Московский комсомолец от 24.06.2013

Регион – языком фактов и цифр // Российская газета от 21.01.2004.

Решетникова Н., Крюкова Е. *Без отказа* // Российская газета от 07.05.2009

Сиделкам станут больше платить на разъезды // Московский комсомолец от 24.10.2001

Смольякова Т. *Зарплату прибавили* // Российская газета от 03.10.2011.

Соцработница наказала инвалида за неумение расписываться, лишив пенсии // Московский комсомолец от 08.09.2012

Чернышева В. *Работников соцзащиты поддержат рублем* // Российская газета от 26.01.2011.

Чуприн В. *Ирина ФАЕВСКАЯ: «Нам нельзя прятаться за государственным брендом и ничего не предпринимать...»* // Московский комсомолец от 19.02.2015.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБЩЕРОССИЙСКИХ ВЫПУСКАХ РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ ЗА 2014 ГОД: КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

В тексте проанализированы репрезентации социальной работы как профессиональной деятельности в общероссийских выпусках «Российской газеты» за 2014 год. Это издание выражает официальную точку зрения на происходящие события; поскольку именно Российское государство патронирует и формирует социальную работу как профессиональную деятельность, его точкой зрения следует пренебрегать менее всего.

Для анализа был взят 2014 год; заверченный максимально близкий по времени год, когда конфронтация России с «остальным цивилизованным миром» и взаимное закрытие в символическом пространстве еще не получили своего развития. Информационная открытость миру в данном случае важна, поскольку рецепция и развитие социальной работы в России проходит в контексте глобализующих трендов, включения Российского государства и российского общества в глобальный мир.

Отбор статей производился в поисковой системе «Интегрум». Генеральную совокупность представляли федеральные выпуски «Российской газеты» за 2014 г. В поисковый запрос были включены следующие ключевые лексемы с оператором «или»:

- атрибут: социальн* ,
- ключевые лексемы: работ* , реабилит* , поддерж* , помощ* , обслуж* , служб* , защит* .

Из массива отобранных публикаций, удовлетворяющих критериям формальной релевантности, были удалены тексты федеральных законов; в результате объем выборки за 2014 г. составил 64 статьи.

По результатам тематического кодирования в ходе ознакомительного чтения без строгой формальной процедуры отобранные статьи распределялись по эмпирически выделенным тематическим категориям (см. таблицу 1).

Таблица 1.

**Тематическая структура статей о социальной работе,
опубликованных в общероссийских выпусках «Российской газеты»
в 2014 г.**

<i>Всего формально релевантных (без текстов законов)</i>	63
Содержательно нерелевантные тексты	24
1. Нерелевантные тексты	6
2. Тематически нерелевантные тексты с пертинентным употреблением ключевых лексем	18
Пертинентные (содержательно релевантные) тексты	39
3. Разговор о событиях	10
4. Разговор о законах	29

Относительно небольшой объем выборки делает излишним более дробное первичное кодирование.

Окончательное распределение статей по тематическим категориям, представленное в таблице 1, установилось по результатам вторичного прочтения всех материалов, в ходе которого одновременно (циклично) (а) сверялась принадлежность статьи к коду и (б) уточнялась инструкция кодировщику, представленная ниже в окончательном виде.

Материалы сгруппированы в три тематические группы. Статьи, где разъясняется содержание и смыслы новых законов, имеют единственное главное коммуникативное – подчеркнуть стабильность и успешность процесса обновления – своевременность, конструктивность и т.п. – законотворческого процесса; контрапунктом выглядят два материала «из регионов», в которых сообщается о судебных / административных коллизиях, поднявших подопечных социальной защиты на активный протест; в обоих случаях принятые (предположительно хорошие и правильные) законы не работают в руках региональной административной и судебной властей. Тематическая группа о важности

развивать межсекторное взаимодействие в сфере социальной работы непременно содержит посыл о том, что силами государства ситуацию не исправить, поэтому государство готово делиться полномочиями и создавать преференции. Наконец, третья тематическая группа составлена материалами, в которых речь идет о расширении сферы ответственности социальной работы: либо за счет включения в нее новых социальных групп в качестве подопечных клиентов, либо за счет расширения зоны ответственности во взаимодействии с привычными категориями подопечных.

ИНСТРУКЦИЯ КОДИРОВЩИКУ

1. К категории **нерелевантных** статей относятся тексты, в которых встречаются наборы от 1 до 4 ключевых лексем, но они описывают объекты, не относящиеся к тематической области социальной работы. В таких текстах выявлены два случая словоупотребления ключевых лексем:

- если атрибут встречается, то он определяет слова, не относящиеся к списку ключевых лексем; иными словами, атрибут и лексема не составляют вместе словосочетания, а входят в разные словосочетания; например: «реформирована система **социального** страхования, начала **работать** программа повышения зарплаты бюджетникам» (Смольякова «Он был лидером аудитории»); «учителя... **работают** в сложных **социальных** условиях» (Борисова «Премия за хулигана»), «За три года **работы** системы... количество пожаров на **социально** значимых объектах...» (Ермаков ««Стрелец» в Крыму спасает детей»);
- ключевые лексемы без атрибута относятся к референтам из иных тематических областей, не входящим в сферу социальной работы; например: «программы **поддержки** педагогов (Борисова «Премия за хулигана»).

2. К категории **тематически нерелевантных** статей с пертинентным употреблением ключевых лексем отнесены тексты, в которых:

- пертинентные агенты действуют в иных тематических контекстах; например, когда министр труда и **социальной защиты** ведет разговор на смежную тему пенсий (Домчева, Смольякова «Не зря копили»);
- пертинентные объекты упоминаются лишь вскользь, как часть характеристики нетематических объектов: например, когда в критике

негуманной природы капитализма указывается на сложность его репрезентаций: [Основная мысль – капитализм бесчеловечен, но он] «нагулял гламур, даже выработал для общества способы **социальной защиты**» (Кичин «Гламур вдребезги»); или когда в разговоре о системе здравоохранения вскользь характеризуют работу **социальных служб** (Грицюк «Обезболивающее»); или когда затраты на социальную сферу сравниваются с другими статьями бюджета (Грицюк «Не "социалка"...»); или когда надежды на «большую **социальную защиту**» среди прочих чаяний связываются с обретением страной (Шотландией) независимости (Юферова «С виски и нефтью...»); а также статьи, сфокусированные на юридических и бюджетных аспектах материнского капитала;

- пертинентные лексемы употребляются для обозначения (в том числе не вполне корректного) непертинентных референтов (нетерминологическое употребление); например, когда под «**социальной поддержкой** в сельских поселениях» имеют в виду «все [что угодно, только не социальную работу. – О.О.] – начиная от газификации сельских территорий и заканчивая библиотеками» (Замахина «Сласти рядового агрария»); «...бороться с **социальными** нахлебниками, способными лежать целыми днями на диванах и "искать **работу**"» (Мирошниченко «Нужно ли пособие...») (оба эти примера взяты из разных статей, написанных разными авторами; общее у них то, что они цитируют премьер-министра Д.А. Медведева).

Все тематически, содержательно релевантные (пертинентные) тексты без остатка подразделяются на два разговора-дискурса. Употребление понятия «дискурс» здесь подразумевает «идею о том, что язык организован в соответствии со структурами, свойственным высказываниям людей в различных сферах социальной жизни» (Филлипс, Йоргенсен 2004: 14); более узко под дискурсом здесь понимается все, что говорится и может быть сказано на определенную (под)тему в определенных обстоятельствах – в данном случае совокупность обстоятельств определяется фактом говорения на страницах официального рупора «Российской газеты». Употребление понятия «разговор» здесь подразумевает отказ эмпирически охваченному потоку в статусе самостоятельного, влиятельного и сложившегося дискурса с четкими границами, определяемыми снаружи и изнутри.

3. **К разговору о событиях** относятся тексты, в которых повествование строится вокруг какого-либо одного повседневного события, серийных однотипных событий, либо описания положения дел.

В репортажах и заметках рассматриваются прямые упоминания о социальной работе и смежные сюжеты. Российские материалы сгруппированы по оценке образа социальной работы / социальной защиты: материалы с позитивной, нейтральной и негативной оценкой. Подвыборка из пяти статей о практике социальной работы за рубежом (Великобритания, Германия, Израиль, «весь мир») рисует общую картину: если где-то Россию по институциональному развитию социальной работы и обгоняют, то это отставание форы передовикам не дает, поскольку институциональное развитие не искореняет ни одну из проблем, над решением которой бьются социальные работники по всему миру.

4. К **разговору о законах** относятся тексты, в которых центральным референтом, информационным поводом выступают тексты законов, законопроектов, либо распоряжений исполнительной власти. Принятие законов, подготовка законопроектов, принятие распоряжений исполнительной власти – все это можно рассматривать и как ключевые события для публикации.

Анализ репрезентаций социальной работы как профессиональной деятельности мы начнем с категориально более насыщенного, хотя и представленного меньшим числом публикаций разговора о событиях.

Событийный дискурс: заметки о событиях и репортажи

Вообще повседневные события в «Российской газете» представлены менее интенсивно, чем официальные события. Повседневные события, если и представлены, то в основном, как фон

Позитивный образ социальной защиты

Событие негативное: авария в метро

Органы социальной защиты выступают оператором компенсационных выплат пострадавшим и/или их семьям при крупных авариях. Департамент социальной защиты населения в заметке отождествляется

с «властями», которые «начали выплачивать компенсации родственникам» погибших в аварии, поскольку департамент социальной защиты эти выплаты осуществляет. Клиентами департамента социальной защиты оказываются не только россияне, но и иностранцы, которые попали на территории РФ в трудную ситуацию. В то же время московские социальные работники оказывают помощь в восстановлении документов жителей любого региона РФ. Таким образом, подчеркивается экстерриториальная ответственность социальной работы: на уровне социальных работников зона ответственности распространяется на всю Россию, на уровне департамента — на весь мир:

Московские власти начали выплачивать компенсации родственникам иностранцев, погибших 15 июля [2014 г.] в аварии на Арбатско-Покровской линии подземки. Как сообщила «РГ» замруководителя департамента **социальной защиты** населения Ольга Грачева, всего в том поезде погибло 7 граждан из других государств: 2 из Китая, 2 из Таджикистана и по 1 из Молдавии, Киргизии и Украины, 15 человек получили травмы. [...] В общей сложности из бюджета города в качестве компенсаций выплачено пока 11 млн руб. «Люди не спешат за деньгами, — рассказала Ольга Грачева. — Многим сейчас не до этого, ведь в их семью пришло горе». Есть и сложности. Например, у пяти погибших не оказалось паспортов — то ли сгорели в том же поезде, то ли их просто не нашли. Поэтому **социальные работники** делают все для того, чтобы помочь в их восстановлении независимо от того, идет речь о москвичах или жителях других регионов (Алексеева *«Не важны границы»*).

Упоминание о том, что «люди не спешат» подчеркивает достоинство клиентов социальной работы — горе не заслоняется материальными проблемами, — и одновременно готовность города не экономить, а, следовательно, и возможности социальных служб вести свою работу достойно — без скарденности.

Указание на то, что при всей неспешности обращений уже выплачено 11 млн руб. у рядового читателя может создать впечатление о том, что социальная защита оперирует существенными суммами, что придает значительность и значимость социальной работе.

Социальные работники оказывают помощь и раненым в аварии независимо от места регистрации пострадавших:

Мы навешаем каждого, кто оказался в больницах, независимо от того, москвичи это или нет. Наши сотрудники ежедневно приносят им воду и фрукты, решают все волнующие их вопросы, — продолжала Ольга Грачева. — Выдаем памятки с адресами

и контактами, куда обращаться за помощью. [...] По поручению мэра города специалисты департамента обследуют нужды каждой семьи, в которой кто-то пострадал. С пострадавшими, которые еще не готовы говорить о своих проблемах, работают психологи (Алексеева «*Не важны границы*»).

Забота строится эшелонированно. Помимо посещения в больнице и простой помощи продуктами, оказывается информационная помощь, требующая квалифицированного понимания ситуации. Выделяется и категория переживающих стресс; таких пациентов профессиональные психологи подготавливают к общению с социальными работниками. Объектом заботы являются не только пострадавшие, но и их семьи. В чрезвычайно ситуации специалисты департамента действуют по поручению главы города, что придает работе дополнительную значимость.

Объект социальной работы репрезентируется как многогранный и не имеющий четких географических границ, а сама социальная работа – как дифференцированное по профессиональным компетенциям занятие, связанное со сферой власти.

Образ сложной структуры профессиональной деятельности, не знающей границ, сопутствует исключительности события и вмешательству в него мэра специальным (пусть даже, возможно, устным) распоряжением.

Событие позитивное: открылось новое учреждение

Лечебно-реабилитационный центр для детей, страдающих сложными — гематологическими, онкологическими и иммунными и др. — болезнями со статусом «научный» репрезентирует высоко технологичную сцену профессиональной деятельности для социального работника:

Итак «Русское поле», которое отныне лечебно-реабилитационный научный центр, приняло первых пациентов. Для **реабилитации** здесь есть буквально все: 615 ученых, врачей, психологов, педагогов, **социальных работников**, среднего и младшего медицинского персонала. Установлено необходимое оборудование. Правда, врачи ждут, чтобы в центре появилось и оборудование для восстановления утраченных функций мозга, и тренажеры для восстановления моторных функций. [Директор] сказал, что в сентябре на базе центра откроется школа, и значит, ребяташки, проходящие реабилитацию, а она обычно длится месяцами, не будут отставать от своих сверстников в вопросах образования (Краснопольская «*Жизнь впереди*»).

Указание на размер штата (615 чел.) показывает, что социальный работник в принципе может найти себе применение в разделении труда внутри высоко технологичного учреждения. Сложная по технологии дорогостоящая реабилитация вынуждает собирать пациентов в закрытом учреждении, в котором социальный работник, вместе с другими специалистами, призван сконструировать детям, если не полноценную замену естественной среды, то, по крайней мере, обеспечить возможности для возвращения в нее.

Центр вписан в международный контекст. С одной стороны, указывается, что такого центра в мире нигде нет, с другой – есть призыв брать пример с Германии, где оплату за пользование услугами в учреждениях с подобными функциями полностью берет на себя государство (не перекадывая ни на семью, ни на бизнес, ни на НКО).

Социальная работа как профессия вписывается в высоко технологичную среду по обслуживанию достойного объекта – будущего общества, нуждающегося в лечении в настоящем. Статус социального работника в системе разделения труда не высок, но и не на самом дне: далек от ученых и медиков, близок к психологам и учителям, выше среднего и младшего медперсонала; разветвленность профессиональной структуры открывает стремящимся к развитию сотрудникам перспективы для профессионального (пере)профилирования. Вся заметка в целом сфокусирована на профессиональном аспекте занятия.

Отметим и свойственное заметкам по поводу законотворческих и управленческих событий упоминание о «планах громадье»: центр открыли, но оборудование завезли не все.

Не открыта еще и школа – её открытие приурочено к началу стандартного учебного года, что содержательного смысла не имеет, поскольку у разных детей разные сроки реабилитации и по продолжительности и по календарным датам; очевидно, что поступивших детей уже сразу можно было начинать обучать, однако заметка об открытии центра напечатана в дни школьных каникул, 9 июня; возможно, просто не отражено начало деятельности по организации школы, которую никак нельзя начинать одновременно с началом учебного года.

Описание Центра вписано в международный контекст: это учреждение мирового уровня. Снижает его значимость как типичной

профессиональной сцены для социальных работников упоминание о его уникальности для России.

Социальная защита как рутинный процесс

В одной семье родилась тройня, в другой трое детей сгорели при пожаре

Красноречивый подзаголовок: В районе, где строится космодром [«Восточный»], нет работы для жителей, но есть дорогие джипы для местной власти. Речь идет о Свободненском районе Приамурья, в котором журналист наблюдает «невообразимое переплетение супервысоких технологий и допотопного жизненного уклада»:

Здесь строят космодром «Восточный», в десятках километров от которого целые села не имеют телефонной связи, детских садов, дорог, работы и малейших перспектив на будущее. Тут люди лечатся в неотапливаемых медпунктах, а местные чиновники тратят на покупку служебных авто миллионы рублей. В «космическом» районе у одних родителей, не имеющих работы, родилась тройня. А у других трое малышей сгорели ночью в огне пожара, пока взрослые зарабатывали на жизнь (Ярошенко «*Совсем Свободный*»).

Первая история о матери пятерых детей, ей 28 лет:

Грустный взгляд в пол, красные от вечных стирок руки. За плечами восемь классов образования, ПТУ она не осилила: на втором году обучения вышла замуж. Брак с [...] она так и не зарегистрировала. [Ему] сорок два года, он уже отец семерых детей, от первой жены у него растут два сына.

— Зять алкоголик, может неделю работать, месяц пить. Дети ему вообще не нужны... (Там же).

Социальная защита играет заметную роль и в организации праздничного события:

Тройняшки родились в областном перинатальном центре, домой их привезла районная **соцзащита**, которая на первый месяц жизни обеспечила их смесями и памперсами. Потом была торжественная регистрация новорожденных, цветы, открытки, приятные слова. Глава района подарил холодильник (Там же).

и в обеспечении повседневной жизни:

Родившиеся мальчишки самые главные кормильцы – всех детских выплат и пособий Сазоновы получают 48 000 рублей в месяц, говорят, что этих денег на жизнь хватает (Ярошенко «*Совершенно Свободный*»).

При этом сама семья живет в запустении, подсобного хозяйства не видно – даже кур не держат; выходит, только на трансферты и живут.

Вторая история о гибели двоих детей при пожаре.

Город Свободный вместе с одноименным районом занимают первое место в Приамурье по числу сирот. За несколько дней до новогодней ночи здесь в пожаре погибли трое маленьких детей. Их родители – сами сироты, оставили малышей с едва ходячей прабабушкой, а сами ушли работать. В ночную смену. [...] [Мать], потерявшая троих детей, в свои двадцать один год сама похожа на ребенка. Бледная, зеленоглазая, тоненькая как стебелек. [...] Она в девять лет осталась без матери. Отца не помнит вообще. У нее не хватает пальцев на руке, чтобы перечислить все приюты и детдома, по которым ее кидало казенное детство. Результатом государственной педагогики стала беременность в 16 лет, к 21 году Нина стала матерью троих детей. Ее муж Антон, старше Нины на пять лет, тоже рано остался без родителей (Там же).

В этой истории роль социальной защиты та же – организация положенных законом выплат, только без праздника: трое детей родились не одним разом. По словам начальника службы соцзащиты, семья не считалась неблагополучной и за помощью не обращалась.

Социальная работа в депрессивной местности показана как механизм по передаче трансфертов – единственного устойчивого источника средств к существованию в условиях запустения и апатии людей к собственной судьбе – даже безработные сельские перестали вести подсобное хозяйство. Этот механизм может давать и позитивные сбои: нештатно доставить мать с тремя новорожденными из райцентра, устроить праздник по случаю события, если его заметит важное лицо, например, губернатор. Социальная работа обеспечивает «малой рыбкой» выживание на территориях, где даже имеющиеся «удочки» из рук повывадали. И в известном смысле, социальная работа – жизненно важное занятие для территории.

Можно предположить, роль социальных служб повышается в местах, где грандиозные стройки оказываются отделенными

от территории, где безработным работы на этих стройках не достается. Тогда инвестиции лишь порождают такое расслоение, которое сумму социальных капиталов территории приближает к нулю. Тут без социальной работы не обойтись.

Негативный образ: вакуум социальной защиты

Афера с квартирой пожилого человека

В предыдущей истории ни один фигурант не состоял на учете в службах социальной защиты; в одном случае чиновница сама удивилась, почему; в другом случае объяснение нашлось: на учете не стояли, потому что за помощью не обращались, но положенные выплаты получали. Следующий кейс упрочивает представление о слепоте органов социальной защиты к тем, кто сам не обращается за помощью, о том, что органы социальной защиты сами себе работы не ищут, кого бы социально защитить или предоставить помощь.

Это кейс о том, как волонтеры помогли вернуть жилье 87-летнему пенсионеру через суд:

...Год назад маркетолог НН увидела ММ впервые – он топтался на обочине дороги. Выйдя из машины, девушка решила проводить старика домой. Дом пришлось искать долго (пожилой человек с больными глазами плохо ориентировался), и квартира оказалась в жутком состоянии: ни отопления, ни воды. Позже выяснилось, что и эта жилплощадь ММ уже не принадлежит: еще в июне 2011 года он подарил ее «другу» Михаилу Шальнову, хотя сам этого так и не понял. Шальнов, зарегистрировав право собственности на квартиру, тут же ее продал: кстати, покупатель Вадим Лифанский не так давно был осужден за аналогичные махинации. [...] Выяснив эти подробности, волонтеры обратились в прокуратуру. И пока госорганы изучали «историю вопроса», молодежь принялась помогать ММ. О его существовании не подозревали **социальные службы**, он не ходил даже в поликлинику, а пенсию ему перечисляли на банковскую карту (Рузанова «Обманули, как младенца»).

Можно понять, что социальные службы сначала не заметили, что (по словам соседки) «еще до июня 2011 года пожилой человек перестал узнавать окружающих, почти все время улыбался и был... «как младенец»; потом не видели, что в квартире 84-летнего пенсионера нет «ни отопления, ни воды»; не видели, как старик лишился квартиры и побирался на улице.

Социальная работа, как профессия в рамках государственных и муниципальных служб строго регламентирована и в этом своем качестве совершенно не похожа на инициативное волонтерство. Собственно, сама «слепота» к случаям, когда люди попадают в трудные ситуации, но сами не обращаются в социальные службы, свидетельствует о том, что профессионализация социальной работы в России состоялась, а также демонстрирует стиль профессионализации – рационально бюрократический.

Поддержка и реабилитация бездомных

Объемный очерк рассказывает о группе волонтеров, которые в сотрудничестве с православным храмом помогают на Курском вокзале бездомным, в частности, детям. Бездомность, как поясняет активист-волонтер, это «не только отсутствие крыши над головой, это потеря социально значимых связей, разрыв отношений с обществом». Социальные службы упоминаются в очерке несколько раз. Первое упоминание нейтральное; в нем констатируется упоминавшаяся нами выше «слепота» социальных служб к тем, кто к ним не обращается:

Конечно, есть государственные органы **социальной защиты**, которые обязаны помочь, если человек обратится. А если не обратится? Если это – ребенок, который не знает, куда обращаться за помощью? (Выжурович «Кому нужны бездомные?»).

Композиционно очерк построен так, что нейтральная «слепота» социальных служб имеет шанс на негативную интерпретацию: бездомные дети к волонтерам не обращались, волонтеры сами к ним пришли; и оказалось, что в помощи дети нуждаются; и не только дети.

Бездомные дети доверились волонтерам, которые создали юридическое лицо *только для общения с властями* – для работы на улице – для оказания конкретной помощи – никакого юрлица не нужно. В разговоре активиста-волонтера, запечатленного в статье, бездомные дети одинаково чужими воспринимают и представителей органов соцзащиты, и представителей иностранных благотворительных организаций:

– ...Они сразу поняли, что мы не американские спонсоры, а простые люди, и доверились нам, стали правду рассказывать про себя. Я потом смотрю – приезжает представитель официальной организации, они при мне ему врут, занижают свой возраст, чтобы что-нибудь получить в качестве несовершеннолетних. Пацану девятнадцать, а он говорит, что шестнадцать ему: кто лаком дышит, они на несколько лет моложе выглядят.

- Почему моложе?
- Развитие останавливается. Физическое – тоже. [...]
- Вам дети доверились, потому что вы были не из органов со-защиты?
- Наверное. В их глазах мы были тоже как бы с улицы, поскольку никого официально не представляли. Они нам хвалились, что пошли в Армию спасения, что-то украли там. «Не стыдно?» – «Нет. Это же американцы, не вы». У нас сразу сложились доверительные отношения с этими ребятами (Выжуртович *«Кому нужны бездомные?»*).

Доверяют простым людям, не доверяют представителям официальных организаций; зарубежные благотворители категоризируются как официальные организации, которые не стыдно обманывать. Один из секретов, возможно, в том, что волонтеры к самим детям не применяют формальных классификаций, в частности, по возрасту. Они не проводят дифференциации, позитивно не дискриминируют несовершеннолетних, значит, и врать им не обязательно.

Другой секрет видится в том, что волонтеры приезжали помогать детям «на их территории»:

Мы к этим детям постоянно ездили под платформу «Серп и молот», где они жили круглый год. [...] Зимой они туда электричество проводили, как-то обогревались. У них даже телевизор ворованный был. Иногда, когда совсем холодно становилось, на чердаки уходили (Там же).

Очевидно, что, находясь на «детской территории», волонтеры могли видеть то, на что представители официальных структур по идее обязаны немедленно реагировать негативными санкциями: нелегально проведенное неоплачиваемое электричество, украденный телевизор...

Но дело не только в этом. Официальные структуры руководствуются, прежде всего, жесткими системами категоризации и правилами, что делает невозможным индивидуальный подход к непредусмотренным инструкциями ситуациям:

Мы девочку Таню четырнадцати лет [лютой зимой] уговорили в больницу лечь, а потом домой вернуться. Чтобы положить ее в больницу, у нас ушло три дня. Нам съели весь мозг. Не брали в больницу, потому что у Тани прописка подмосковная. [...] Они мне целый день морочили голову, под вечер сказали: нет, она

не москвичка, идите отсюда. Тане стало плохо, девочку довели до истерики. В конце концов мы положили ее в больницу, а потом, когда она вылечилась, родители отказались ее забирать. Ее хотела забрать я — мне говорят: вам не можем отдать, вы не представитель ребенка, мы ее выпишем на улицу. Бред какой-то (Выжutowич *«Кому нужны бездомные?»*).

Собственно, доверять можно только тем, кто в состоянии взять на себя ответственность; институциональные правила официальных организаций таковы, что их представителей ждут негативные санкции, если они будут брать на себя ответственность, не предусмотренную правилами. В этом видится ограниченность официальной социальной работы и необходимость ее сотрудничества с общественными инициативами.

Однако бюрократическая организация социальной работы, с точки зрения инициативного волонтера, не только до абсурдности слепа, но и способна нанести опасный вред объекту своей заботы:

До подросткового возраста у Тани была нормальная семья: девочка грамоты получала, спортом занималась. А потом дядя начал пить, потом бабушка, потом мама. Так Таня оказалась под платформой. Потом разом умерли бабушка и дядя. В шестнадцать лет она родила. Они с мальчиком, с которым на улице познакомились, пытались вместе жить. Мы их поддерживали, помогали им всячески, но все кончилось плачевно: ребенка у них отобрали. В этом органы опеки оказались очень расторопны (Там же).

Формально, описанная ситуация с рождением ребенка двумя несовершеннолетними бродяжками вполне однозначна: для воспитания ребенка, даже для выживания, условий нет. Однако собственная семья для двух социальных сирот, при умной и неформальной внешней поддержке, могла бы дать шанс на социальную сохранность. Ясно, что с точки зрения принятых инструкций поддержка такой семьи — экстремально невозможная мера. Потому была исполнена инструкция, предписывающая полярную крайнюю меру. Расторопность органов опеки, над которой иронизирует волонтер, сообщается ясной и четкой инструкцией, иными словами — профессионализацией социальной работы.

Однако, по словам волонтера, официальные правила опасны не только для несовершеннолетних матерей:

«Кризисные» мамы, беременные немосквички часто не хотят отказываться от детей, но в нашей системе **соцзащиты** все устроено так, чтобы не позволить такой матери забрать из роддома своего ребенка. Недавний случай: бездомная женщина родила

ребенка, а без паспорта ей его не отдавали. Не могла она без паспорта и пособие на ребенка получить. А начала она восстанавливать паспорт еще до рождения ребенка. Полгода этим занималась. Ей паспорт отдали, только когда она до прокуратуры дошла. Беременной не давали паспорт, родила — не давали. Слава богу, хватило ей терпения и воли добиться паспорта. Людям приходится отказываться от детей, потому что нет документов или негде жить (Выжурович «Кому нужны бездомные?»).

Очередным кейсом демонстрируется, что официальная социальная работа регулируется четкими и жесткими правилами, предполагающими использовать определенное количество ресурсов.

Волонтер обозначила цель помощи бездомным детям — отправить домой; если семья недалеко, волонтеры пытаются с семьей уладить домашний конфликт. Но большинство бездомных — убежавшие из детдома:

С ними сложнее всего. Их за побег в психушку на год отправляют. Мы и туда к ним ездили, навещали. Они там как овощи ходят. Одного моего подопечного — его Ваня зовут — тоже якобы за плохое поведение три раза в психушку клали. Дошло до того, что главврач позвонил и сказал: «С ума сошли, мне нормальных детей отправляете! Я напишу в прокуратуру». Батюшка местный, который Ваню крестил, за него заступился, мальчика перестали в психушку посылать. Им очень выгодно ставить диагнозы психиатрические — это дает возможность бесконтрольно «лечить» (Там же).

Высказанная мысль очевидна: формальное следование инструкции позволяет сокращать или перекладывать интеракционные издержки на других институциональных акторов. Волонтеры же принимают эти издержки на себя.

Недоверие к официальным социальным службам проявляется и в собственной речи волонтера:

Вот вам случай. Девочка двенадцати лет лишилась родителей. Ее должны были отправить в детдом, поскольку по закону она не может проживать одна. Квартиру закрыли, запретили там появляться, опечатали. А она не захотела в детдом. [...] Хорошая девочка, просто несчастная. *Государственная забота о ней состояла в том, чтобы до восемнадцати лет не позволить ей жить в своей квартире.* Когда девочке исполнилось восемнадцать, мы помогли ей эту квартиру открыть (Там же).

Фраза курсивом отчетливо показывает противоречивость профессиональной социальной работы.

Основной пафос развернутого кейса состоит в том, что официальная социальная работа видит лишь ту часть реальности, видеть которую позволяют установленные правила. Обратной стороной бюрократической профессионализации социальной работы оказывается неспособность находить индивидуальный подход для разрешения проблемной ситуации. Профессионалу остается либо перекладывать ее решение на смежников, либо, как в случае с новорожденными, рубить гордиевы узлы: не имея возможности помочь роженицам в трудной ситуации и тем самым уберечь их от попадания в опасную зависимость от посторонних, службы опеки изымают детей. Позитивно социальные работники лишь вскользь упоминаются только тогда, когда они появляются на сцене в качестве добровольцев – тех, кто вне и после своей профессиональной занятости имеет право пренебречь регламентами, действовать «не по уставу».

Взятый в негативном ключе, социальный работник, в широком понимании, как представитель профессии «социальная работа», может быть «слепым»: не «замечать» тех, кто нуждается в помощи, если они не обратились, не «замечать» потребностей и тех клиентов, кто за помощью обращается. Источник «слепоты» – обязательное следование регламентам в использовании государственных / муниципальных ресурсов.

В нейтральном ключе социальная работа – рутинный процесс социального вспомоществования, обеспечивающий выживание нуждающихся категорий населения.

В позитивном ключе социальная работа естественно вписывается в глобальный контекст; она ответственна за удовлетворение самых разнообразных человеческих потребностей, то есть, указание на их разнообразие можно найти в регламентирующих документах и дискурсе планов; это дифференцированное по профессиональным компетенциям занятие, которое находит себе место и в высоко технологизированной среде.

Законотворческий дискурс (дискурс законов и управленческих планов)

Материал в данном параграфе организован тематически; внутри топик изложение строится по хронологическому принципу. Львиная доля тематических материалов посвящена событиям законотворческого процесса и законотворческим планам; зачастую дополнительным компонентом регулярно освещаемым в материалах этой категории, выступает деятельность администраций разного уровня.

Таким образом, в самом многочисленном кластере тематических публикаций в РГ социальная работа (социальная защита) упоминается, главным образом, в качестве объекта внимания, в настоящем или будущем, законодательной власти, а во вторую очередь – в качестве объекта внимания исполнительных властей.

Успешность законотворческого процесса

Обновление социального законодательства

Андрей Исаев, председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов, в январской публикации отчитывается о принятии в прошлом (2013 г.) году законов «о страховых и накопительных пенсиях, о специальной оценке условий труда, об основах социального обслуживания населения» (Исаев «Пенсионный возраст»). Фокус внимания в заметке направлен не на содержание принятых законов, а на факт их принятия, которое стало возможным, как отмечает автор, благодаря сотрудничеству с представителями конструктивной, но не во всем согласной, оппозицией и вопреки сопротивлению «либералов из правительства».

Главный итог прошедшего года автор видит в том, что пенсионный возраст не будет повышаться, поскольку принятые законы такого повышения не предусматривают. Для большинства читателей (куда не входят сторонники повышения пенсионного возраста) этот итог создает позитивный фон.

Событийным поводом для заметки, по-видимому, следует считать календарную дату – Новый год, – удобную для подведения итогов.

Сфера социальной работы предстает, как поле острых политических конфликтов, в которых здорovому социально ориентированному прагматизму думских депутатов (по крайней мере, пока) удастся преодолеть сопротивление идеологическому экстремизму либералов от правительства.

Новый закон о социальной защите

Речь идет о Законе «Об основах социального обслуживания граждан в РФ», вступающем в силу в 2015 году, которым предусмотрено введение «института социальных участковых» и «расширение полномочий социальных работников» (Домчева *«Без спроса не зайдет»*). Более конкретно, речь идет о взаимодействии профессионалов из социальной службы с неблагополучными семьями.

Композиционно статья выстроена так, чтобы, прежде всего, подтвердить широкому читателю незыблемость суверенитета семьи перед лицом возможной интервенцией социального работника в условиях возрастания его полномочий:

С семьями, которые оказались в трудной жизненной ситуации, будут работать соцработники, психологи и наркологи. А детей на время лечения родителей могут временно поместить в приют, но только по добровольному согласию их мам и пап (Домчева *«Без спроса не зайдет»*).

Заголовок статьи *«Без спроса не зайдет»* тоже отсылает к заботе о нежелательной для взрослых членов семьи активности социального работника по отношению к несовершеннолетним. Озвучивание этих озабоченностей мы встречали и в событийном дискурсе.

Сразу хочу отметить [говорит директор департамента демографической политики и социальной защиты населения Минтруда России], что о ювенальной юстиции речи здесь не идет. Социальные работники будут помогать только тем людям, кто сам откроет дверь и попросит о помощи. Для них будет составлена индивидуальная программа, в рамках которой с родителями и детьми начнут работать семейные или социальные психологи, а если понадобится, и наркологи. — Ребят из семьи мы можем забрать только в том случае, если об этом попросят сами родители. У нас есть специальные полустационары, где до полугода могут жить и учиться дети. В них сейчас находятся беспризорники, которых мы подбираем на улицах. Это единственный случай, когда мы ребенка можем взять, не имея соответствующего обращения от родителей или законного представителя (Там же).

Социальный работник поддерживается смежниками — семейными или социальными психологами, «а если понадобится», то и наркологами; присутствие последних указывает на то, что речь идет об особо тяжелых случаях наркологической зависимости, где без интервенции нигде не обходятся.

В описании способа интервенции обнаруживается, что изъятые (с согласия родителей) дети помещаются в «специальные полустационары» и институционально приравниваются к категории «беспорядочников», которые «подбираются на улицах» без «соответствующего обращения от родителей или законного представителя». Вопрос о стиле взаимодействия социального работника в социальном пространстве полустационара освещения не получает.

Другим объектом заботы обозначены «мамы с детьми» из «трудных» семей:

Кроме того, мамам с детьми из «трудных» семей мы поможем обратиться в закрытые кризисные центры, где их не найдет пьющий и бьющий папа. Если нужно их расселить, тоже поможем. А если нужна помощь в занятости, сотрудник подберет место работы, либо направит на профессиональное обучение. Также поможем с юридическими вопросами, оформлением документов, получением пособий и так далее (Домчева «*Без спроса не зайдет*»).

По существу, речь идет о предоставлении уязвимым мамам с детьми комплекса услуг, который предусмотрен вынужденным переселенцам — документы, жилье, работа; минимальное обустройство на новом месте.

Условия для интервенции — кризисные ситуации:

Например, взрослые члены семьи — наркоманы или алкоголики; родители и дети не могут найти общий язык; в доме постоянная агрессия... Но социальные психологи должны понимать: что для одной семьи кризис, то для другой — нормальная жизнь. Самое плохое — это вмешаться в личное пространство человека. Мы это не будем делать (Там же).

В этом описании информанта кризисная ситуация определяется не объективно, не с позиции внешнего наблюдателя, а с позиции наблюдателя внутреннего, субъективно; социальному работнику предписана позиция понимающего социолога — в веберовской трактовке.

Диаметрально противоположным образом, в объективистской перспективе внешнего наблюдателя предстают полномочия социальных служб в разговоре о новой фигуре, предусмотренной новым законом, фигуре социального участкового:

Будет создана так называемая участковая социальная служба, в которую войдут не совсем обычные соцработники, а социальные участковые. Они должны хорошо знать свой район — где кто живет и в чем нуждается. [...] Социальные участковые будут

определять потребности человека. Кроме того, если им станет известно о фактах, например, жестокого обращения или плохого ухода за детьми, они смогут обратить на это внимание органов опеки и полиции (Домчева *«Без спроса не зайдет»*).

Перспектива «обращать внимание органов опеки и полиции», например, на факты «жестокого обращения или плохого ухода за детьми» дает понимание технологии возможной интервенции: самому без спроса заходить не обязательно, если можно привлечь для этого смежников.

Заманчивая перспектива «определять потребности человека» таит в себе потенциал для самоуважения тех, кто займет позиции социальных участковых. В их компетенцию, согласно новому закону, составление специальной программы, которую эксперт назвала международным словом «дорожной картой» оказания помощи, для каждого нуждающегося. В этой новой компетенции эксперт увидела метод, который позволит «перестроить всю систему предоставления социального обслуживания, выдвинув на первый план решения проблем конкретного человека», т.е. *выдвинуть на первый план то, что, согласно материалам событийного дискурса, составляет досадную слабость государственной системы социального обслуживания*.

В этой перестройке видится важным, во-первых, то, что за подопечным не «семь няnek» присматривают, а одна, которая несет универсальную ответственность за фиксирование (!) всех аспектов благополучия. Во-вторых, включение в перечень таких услуг, которые «никогда не входили в систему соцобслуживания»:

Это помощь в здравоохранении, образовании, занятости. Этот перечень зависит от индивидуальных потребностей льготника — люди-то разные. Есть такие, кто не выходит из квартиры, и им, как правило, очень не хватает общения. Для них **социальный работник становится родным** (Там же).

В последней фразе бюрократический язык явно смешивается с языком неформальных отношений: не представляется возможным регламентировать оказание услуги общения — при каких условиях можно считать, что она предоставлена. Эксперт дает понять, что новый закон, по ее мнению, будет работать на гуманизацию социального обслуживания населения. Смещение языков (дискурсов) указывает на вызов, который закон ставит перед отраслевыми специалистами.

Естественным образом, возникает вопрос о гарантиях того, что предусмотренные законом услуги будут удовлетворять подопечных; журналист его и озвучивает, однако получает ответ на другой вопрос:

Журналист: А если кто-то останется недоволен оказанными услугами?

Эксперт: Здесь важно сказать, что человек вправе сам выбирать поставщика услуг. В индивидуальной программе ему дается перечень рекомендованных организаций как государственных, так и негосударственных, он сможет выбрать любую. Местные власти должны будут составить реестр организаций **социального обслуживания** всех организационно-правовых форм, которые **работают** на территории субъекта. Безусловно, для негосударственных организаций включение в реестр добровольное (Домчева «*Без спроса не пойдет*»).

Сам по себе выбор поставщика будущей услуги не обязательно гарантирует удовлетворенность прошлыми и будущими услугами. Здесь эксперту важно указать на два предусмотренных законом новшества: (1) создание реестра отраслевых организаций, которые будут рейтинговаться по качеству предоставляемых услуг независимым агентством, (2) допуск на рынок (или даже создание рынка за счет допуска) социальных услуг некоммерческих организаций. Это – явно модернизирующий отрасль шаг, способный расширить профессиональные горизонты социальных работников. Межсекторная поддержка и конкуренция, расширение перечня услуг открывает возможности для рыночно обоснованного расширения платных услуг, что также может работать на профессиональную дифференциацию (развитие) в отрасли.

Финальный аккорд: в условиях, когда целые занятия уходят с рынка труда вместе с сокращающимися рабочими местами, эксперт предвидит, что количество социальных работников будет увеличиваться по объективным причинам:

Во-первых, из-за старения населения будет все больше тех, кто в таких услугах нуждается. Во-вторых, **социальное обслуживание** выходит на новый уровень качества предоставления услуг, и, соответственно, будет все больше людей, которые захотят, в том числе и платно, ими воспользоваться. Я могу привести пример: совершенно здоровый человек сломал ногу и не может дойти до магазина. Почему бы в этом случае не обратиться за **помощью к социальному** участковому? (Там же).

Таким образом, новый закон хорошо отражает объективные процессы старения в обществе; Россия идет в ногу с теми развитыми странами, которые также переживают старение населения и расширение сферы социальной работы; закон

предполагает улучшения в отрасли за счет ее (дальнейшей) социализации (обобществления) и модернизации: за счет организации межсекторного взаимодействия на основе комбинации административных и рыночных механизмов.

Кодификация государственных (муниципальных) услуг

Сообщение об унификации формирования и ведения базовых (отраслевых) перечней государственных и муниципальных услуг и работ (Козлова «Услуги разложат по полочкам») сообщает читателю о дальнейшей модернизации отрасли. Его важность для повседневной жизни разъясняется читателям:

Услуги, о которых говорится в правительственном документе, — это по сути главное, что граждане хотят от местной власти в регионах. — То есть речь идет об огромном и важном секторе работы чиновников. Например, о поддержании порядка и распределении мест в дошкольных учреждениях — садиках и яслях. Не надо забывать, что одна из важнейших государственных услуг — это пособие российским семьям на детей. А также оказание **социальной поддержки и помощи** тем, кто в этом нуждается. И здесь список госуслуг достаточно широк — от льгот для обыкновенных пенсионеров и ветеранов труда до помощи многодетным семьям (Козлова «Услуги разложат по полочкам»).

Поясняется и суть проблемы: зачем нужно было издавать специальный правительственный документ:

Отсутствие унифицированного подхода к определению однотипных услуг и работ [...] привело [...] к [...тому, что] одинаковые по сути услуги и работы имеют в разных регионах различные наименования, как говорят специалисты — степень детализации, что «в конечном счете не позволяет сравнивать данные услуги и работы по их стоимости, качеству и объему», — сказано в документе (Там же).

Новый документ позволит (а) проверять, что именно получают граждане и (б) «существенно упростить работу по финансовому обеспечению государственного задания для каждого учреждения».

Иными словами, документ открывает возможности для объективной проверки перечня и качества предоставляемых государственных (муниципальных) услуг – в том числе и по социальной защите населения, – что, в свою очередь, будет способствовать бюрократической профессионализации отрасли.

Законопроекты об инвалидах

В статье «Больше комфорта для инвалидов» говорится о внесении в Государственную Думу законопроекта, предусматривающего изменение сразу 25 федеральных законов, касающихся «реализации прав инвалидов в **сферах социальной защиты**, культуры, транспорта, здравоохранения, информации и связи, жилищной политики». Смысл этой инициативы объясняется необходимостью привести российское законодательство в соответствие с Конвенцией ООН о правах инвалидов, ратифицированной РФ в 2012 году (Исаев «*Больше комфорта для инвалидов*»).

Содержание изменений изложено в весьма обтекаемых фразах:

...предусмотреть условия совершенствования механизмов реабилитации и установления групп инвалидности, что позволит сделать медико-социальную экспертизу и реабилитацию более адресной, объективной и прозрачной.

...конкретизировать основные условия обеспечения доступности объектов и услуг для инвалидов с учетом имеющихся у них ограничений жизнедеятельности, в том числе определить особенности их обслуживания на наземном транспорте, особенности предоставления им услуг связи (Там же).

Наиболее внятно изложенное мероприятие — создание информационной системы, «федерального реестра людей с ограниченными возможностями как общегосударственного механизма персонифицированной оценки эффективности их реабилитации»:

В эту информационную систему предлагается включить не только персональные данные того или иного инвалида, но и сведения о проводимых в отношении него **реабилитационных** мероприятиях, о предоставляемых ему мерах **социальной поддержки**, о его трудовой деятельности (Там же).

Также сообщается, что к настоящему моменту ГД уже приняла 10 законов, обеспечивающих права инвалидов.

Здесь выражены 2 основных смысла: (1) законодательство улучшает социальное обеспечение инвалидов; (2) улучшение производится в соответствии с международными гуманитарными нормами, которым Россия стремится соответствовать. Тем самым вся отрасль социальной работы вписывается в международный контекст.

Тему продолжает публикация, приуроченная к Международному дню пожилых людей (1 октября). По квалификации ООН Россия относится к числу стареющих наций – наций, у которых доля населения старше 65 лет превышает 7%; в России таких людей около 13% и будет еще больше, потому что растет (и будет расти) средняя продолжительность жизни. Дело не ограничивается достижением статистических показателей; речь идет о смене отношения к третьему возрасту со стороны государства и общества:

В отличие от предыдущей эпохи, когда пожилой человек просто доживал и занимался воспитанием внуков, помогал по домашнему хозяйству, сегодня он полноценный гражданин и член общества. На этом должна быть построена вся наша **работа**: и пенсионная политика, и **социальная поддержка**, и вовлечение пожилых в трудовую деятельность (Исаев «*День пожилых людей*»).

В этой смене парадигм Россия идет в ногу со всем миром, на что намекает упоминание классификации ООН.

Есть и локальный контекст – интерес к электоральной активности:

Граждане пожилого возраста активны. В частности, они активнее всех голосуют на выборах (Там же).

Кроме того многие пенсионеры продолжают трудиться и осваивать ИКТ:

Так, сегодня в России работает каждый третий пенсионер. В последние годы начинают функционировать так называемые университеты третьего возраста, которые готовят пожилых людей для работы по новым специальностям, обучают их компьютерным технологиям (Там же).

То есть запрос на изменение отношения к себе выражают сами пенсионеры.

Законодатели уже отвечают на этот запрос:

- в прошлом году нами принят закон, запрещающий дискриминацию по возрасту в объявлениях о вакантных рабочих местах;
- мы отстаивали право работающих пенсионеров получать пенсию в полном объеме при сохранении зарплаты;
- с пенсионерами по возрасту, продолжающими работать на прежнем месте, не заключается срочный трудовой договор, они трудятся на основании бессрочного договора;

– в то же время мы через срочные договоры для вновь поступающих на работу пенсионеров в большей степени открыли для них рынок труда;

– нами было принято решение о том, что ни один пенсионер не может получать пенсию ниже прожиточного минимума (Исаев «*День пожилых людей*»).

По поручению Президента РФ запланированы:

ликвидация к 2018 году очереди в стационарные учреждения соцобслуживания, оказание **поддержки** семьям, ухаживающим за гражданами пожилого возраста без **помощи социальных служб**, развитие системы медицинских и бытовых услуг на дому и т.д. (Там же).

Таким образом, обзор изменений в законодательстве о пожилых (первая статья) дополняется развернутым описанием новой российской «философии» отношений к пожилым людям (вторая публикация), которая провозглашает смену ориентации с обеспечения дожития (количественные статпоказатели) на поддержку социальной активности (качество жизни).

Общий пафос: социальная защита пожилых планируется в ногу с передовыми – стареющими – странами мира; Россия ориентируется на международное сообщество.

Развитие межсекторного взаимодействия

За участие бизнеса

в защите семьи, материнства и детства

Программное содержание материала выражено подзаголовком: «К решению проблем детства в стране активно подключаются региональные власти и бизнес» (Розова «*Больше семей...*»). Это означает, что решение проблем уже идет полным ходом, но шло не на уровне регионов. Проблема решалась на федеральном уровне, на что указывает результат: «в стране в прошлом году впервые за последние двадцать лет зафиксирован естественный прирост населения – родилось 1,901 млн детишек, почти на 5 тысяч больше, чем в 2012-м» (Там же). Вывод о том, что «теперь дошли руки и до конкретного решения данной проблемы», т.е. на уровне регионов, основывается на факте: «на днях в Череповце заседание Президиума Государственного совета РФ». На заседании Госсовета Президент обозначил

«приоритетные социальные задачи»: «создание условий для роста рождаемости, охрана материнства и детства, укрепление института семьи». Эти задачи входят в профессиональную сферу социальной работы.

Примером для регионов, как включаться в работу, представляется Самарская область, где «за последние три года количество малоимущих семей с детьми уменьшилось почти в два раза». В материале упоминается два фактора позитивной динамики — создание благоприятных институциональных условий: финансирование соответствующих целевых программ:

Всего в Самарской области оказывается 27 видов **социальной помощи** для семей с детьми. Ими охвачено 200 тысяч семей. Общий объем финансирования этих программ в прошлом году составил 2,9 млрд рублей, а на 2014 год запланировано уже более 3,6 млрд (Розова *«Больше семей...»*).

Второй фактор — программы бизнеса по охране материнства и детства, которые нацелены как на своих сотрудников, так на регионы присутствия; речь идет исключительно о крупных компаниях, которым под силу реализовывать программы.

Материал завершается (а) прогнозом:

Вектор семейной политики в ближайшее время будет направлен преимущественно в сторону заботы о тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации и нуждается в **социальной защите** (Там же).

и (б) обращением к «социально ответственному бизнесу»:

Одной только государственной **поддержки социально** незащищенных семей недостаточно. Решить эти проблемы можно, объединив усилия государства, региональных властей, различных организаций и фондов, а также бизнеса, который обязан не только обеспечить достойный уровень зарплаты своих работников, но и заботиться о физическом и нравственном здоровье их семей и всего общества (Там же).

Социальная ответственность бизнеса, как видим, в предложенной трактовке распространяется на благополучие всех членов общества. Упомянуты агентства и третьего сектора, однако источник финансирования «различных организаций и фондов» подразумевается тоже бизнес.

В материале ничего не говорится о собственно профессиональной стороне социальной работы; все внимание сосредоточено на финансовых предпосылках для создания институциональных условий, благоприятствующих профессионализации социальной работы.

За участие бизнеса в социальном обслуживании инвалидов

Призыв к бизнесу идти в сферу социального обслуживания

Отражены отраслевые успехи: в 2013 г. «для лиц с ограниченными возможностями появилось более 14,5 тысячи новых рабочих мест» (Петров «Кабинеты застрахованных»). На эти мероприятия регионы получают ресурсы из федерального бюджета. Но главное в статье — планы по обновлению нормативной базы:

Мы готовим большой законопроект, который предполагает внесение изменений в двадцать с лишним законов по вопросу, связанному с обеспечением доступности услуг для лиц с ограниченными возможностями (Петров «Кабинеты застрахованных»).

В том числе, внести «поправки в действующие законы об избирательном праве, транспорте, СМИ»; т.е. предполагается широкий охват, выходящий за пределы социальной работы. Недостаток прежнего законодательства видится в недостатке регулирующей силы:

...нормы, прописанные в нынешнем законодательстве, носят лишь рекомендательный характер, а технология оказания услуг инвалидам с различной степенью инвалидности практически отсутствует. «Необходима такая правовая база, которая позволит выработать четкие критерии по улучшению качества жизни лиц с ограниченными возможностями. [...] В минтруде надеются, что после принятия документа у работодателей и разных видов служб появится более ясная модель взаимодействия с людьми с ограниченными возможностями. А это в свою очередь приведет к тому, что оказание им помощи на должном уровне станет наконец обиходом и нормой жизни (Там же).

С обеспечением оказания инвалидам «помощи на должном уровне» связана конкретная задача — привлечь частный бизнес в сектор социального обслуживания и социальных услуг; привлечь за счет упрощения доступа бизнеса в сферу социального обслуживания:

...подготовлены соответствующие поправки в СанПиНы для исключения излишних норм регулирования, которые мешают коммерческому сектору включаться в работу по социальному обслуживанию. Кроме того, Минтруд совместно с Минфином прорабатывает возможность облегчения для негосударственных

компаний, которые присоединятся к оказанию социальных услуг населению, налога на прибыль. Министр считает, что это также позволит упростить доступ бизнеса в сферу социального обслуживания (Петров «Кабинеты застрахованных»).

Признается дефицит в технологиях, позволяющих «на должном уровне» оказывать услуги инвалидам дифференцированно в зависимости от категории инвалидности, в критериях «по улучшению качества жизни лиц с ограниченными возможностями», в «ясной модели взаимодействия с людьми с ограниченными возможностями». Тем самым признаются дефициты в институциональной организации социальной работы как профессии, не позволяющие на должном уровне осваивать выделяемые финансовые ресурсы. Кроме того, исполнительная власть обозначила готовность на законодательном уровне упростить доступ бизнеса в сферу социального обслуживания.

Таким образом, качество обслуживания инвалидов планируется повышать одновременно за счет (1) налоговой либерализации для бизнеса и (2) ужесточения стандартов обслуживания.

За партнерство между государством и бизнесом

Межсекторное взаимодействие способно обеспечить успешное выполнение «майских указов» главы государства на уровне региона; примером служат достижения Омской области в сфере дошкольного образования и в организации попечительства пожилых людей.

Глава региона уверил, что не забывают в области и о **социальной сфере**: в дошкольных учреждениях только за 2013 год создали свыше 5 тысяч новых мест. При этом более 600 из них создали частные предприниматели, и столько же — создадут в этом году. Конечно, на условиях софинансирования из бюджета (Замахина «Дорожные карты"...»).

На тех же условиях софинансирования из бюджета привлекаются частные предприятия и НКО в сферу обслуживания пожилых людей:

...в Омской области создают частные дома для престарелых. Развивают в регионе и новый формат — создание приемной семьи для лиц преклонного возраста. Для бюджета это экономия. Семьи, которые принимают к себе стариков, получают 18 тыс. рублей в месяц. При этом содержание в доме престарелых стоит около 30 тыс. рублей (Там же).

Условия содержания пожилых людей в этих новых форматах «несколько раз в неделю проверяет социальный работник»: *«Если малейшее замечание, практически сразу же прекращаем эту программу»*, – заверил губернатор (Замахина «*Дорожные карты*...»).

Из другого материала читателю узнают, что о планах региона организовать государственно-частное партнерство для организации приютов для бездомных: субсидировать предоставление временного приюта бездомным и безработным.

Только, по официальным данным, на территории Омской области пребывает более 7,5 тысячи людей без определенного места жительства, но специалисты полагают, что на самом деле их в три раза больше. Живут эти люди без прописки в подлежащих сносу домах, заброшенных дачах, подвалах, на чердаках, в землянках вблизи городских свалок, то есть там, где есть шанс не умереть с голоду. Оказать им помощь – накормить, дать ночлег, восстановить документы, найти родственников – некому.

Единственный в своем роде Центр **социальной адаптации** имеет весьма ограниченные возможности, поэтому принимают туда только инвалидов и вчерашних заключенных. Чиновники надеются, что приюты, созданные в тандеме с бизнесменами, помогут сделать проблемы бездомных людей менее острыми (Сибина «*Пустите переночевать*»).

По существу, речь идет о создании дополнительных рабочих мест для специалистов по социальной работе и социальных работников за счет второго сектора.

Привлечение в социальное обслуживание частных предприятий, НКО и семей позволяет (1) экономить бюджет, (2) вовлекать жителей в общественно полезную деятельность социального обслуживания в соответствии с требованиями профессиональных стандартов, (3) концентрировать в органах социальной защиты населения контролирующие функции.

Рыночные механизмы в оказании социальной помощи

Государственно-частное партнерство открывает возможности для внедрения рыночных механизмов, работающих на обеспечение социальной защиты малоимущих. О планах минпромторга внедрить в регионы России «продовольственные карточки для малоимущих» спрашивает журналист; чиновник отвечает, что это – дезинформация; поскольку

речь идет не о продовольственных карточках в советском понимании, а о *foodstamps*, как в США; эта система уже внедрена в Москве:

Чиновник: ...Аналогичный механизм введен в Москве еще полтора года назад. Практикуется оказание финансовой помощи малоимущим гражданам. Эти средства могут быть потрачены только на приобретении продуктов питания – свежих и скоропортящихся. Такая адресная **социальная помощь** доказала свою эффективность. Введение этой помощи на всей территории России требует определенных технологических решений. Однако при наличии политической воли, безусловно, все достижимо.

Журналист: Кто будет определять, кому положена такая поддержка?

Чиновник: Органы **соцзащиты** населения, исходя из комплекса обстоятельств: структура питания, доходы на члена домохозяйства, доля расходов на питание в семье. Помимо этого могут быть подключены к программе и иные категории по иному признаку, например по соцгруппам – дети, бюджетники, пенсионеры и т.п. (Зыкова «Идем на рынок»).

Социальная помощь упоминается в контексте рыночных, коммерческих отношений – организации сбыта свежих (скоропортящихся) продуктов питания не низкого качества. Отрицается связь социальной поддержки с советским режимом, образцом служат передовые, развитые страны.

В материале речь идет не просто о благих прожекта, поскольку в передовой для России Москве предложенные механизмы показали свою эффективность на практике.

Органы соцзащиты населения будут только определять, кто достоин льготного приобретения свежих продуктов в широком ассортименте; осуществлять торговлю будут предприниматели.

Минпромторг создает для этого «оптовые распределительные центры под эгидой государства», прибегая к услугам которого

...любой мелкий и крупный производитель при единственном профессиональном посреднике сможет предложить свой товар для розничных торговцев любого формата (Там же).

Таким образом, у предлагаемой формы адресной социальной поддержки мощная экономическая база с собственной инфраструктурой, работающей по рыночным правилам.

Принципиально важный аспект: речь идет о социальной защите не как об обеспечении выживания, а как о повышении качества жизни:

А сегодня в мире оказывается адресная помощь нуждающимся, основной посыл которой — дать возможность улучшить питание. Их основная проблема — не голод как таковой, а недостаток свежих продуктов (Зыкова *«Идем на рынок»*).

«Не голод как таковой, а недостаток свежих продуктов» демонстрирует ориентацию на качество жизни; возможно, такая ориентация коррелирует и с обозначенным адресным подходом, и с опорой на рыночные механизмы координации? Иными словами, возможно, что ориентация на выживание идет рука об руку с администрированием и знаменует собой сильнейший дефицит ресурсов, не позволяющий думать о качестве жизни для низших слоев населения¹.

Государственно-частное партнерство открывает возможности для внедрения рыночных механизмов, работающих на обеспечение адресной социальной поддержки малоимущих и имеющих собственную рыночную инфраструктуру.

Использование рыночных механизмов координации позволяет ориентироваться не на выживание подопечных, а на обеспечение некоторого уровня качества жизни, отличающегося от минимально необходимого для выживания.

За участие третьего сектора в социальном обслуживании

Призыв премьер-министра Дмитрия Медведева налаживать «полноценное сотрудничество между гражданским обществом и государством» в решении социальных вопросов приурочен к открытию зимних Паралимпийских игр в Сочи, где была реализована государственная программа «Доступная среда»:

«Само государство, каким бы оно ни было умелым, эффективным, все равно с этими задачами не справится», — заявил Медведев. «Оно и раньше — в советские времена — не могло справиться, ни тем более сегодня» (Кузьмин *«Годы адаптации»*).

Система государственной поддержки людей с ограниченными возможностями получила весьма скромную оценку премьер-министра:

«Мы только стараемся перейти на цивилизованные рельсы в решении этих вопросов» (Там же).

¹ См. идею раздаточной экономики Бессоновой.

В качестве примера такого решения глава Кабмина привел Сочи, который специально готовили под Паралимпиаду.

«Но страна у нас большая, и стандарты доступности, условия для развития того же самого паралимпийского спорта нужно создать не только в Сочи, нужно создать и в других местах», – заявил премьер-министр представителям общественных и волонтерских организаций, социальных учреждений, компаний и фондов, помогающих людям (Кузьмин «Годы адаптации»).

Смысл таков: доступную для инвалидов среду с помощью специального олимпийского бюджета государство организовать смогло, а системе государственной поддержки людей с ограниченными возможностями еще только предстоит перейти «на цивилизованные рельсы». Чтобы по всей большой стране среда стала пригодной для жизни инвалидов, необходимо содействие некоммерческого сектора и волонтерского движения; на государство в этом рассчитывать нельзя.

Так намечено специфическое направление профессионализации социальной работы «на цивилизованных рельсах» – налаживание взаимодействий с третьим сектором.

Продолжает тему другой материал, в котором речь идет о приращении сферы социальной работы церковными (православными) НКО за счет расширения возможностей на получение государственного финансирования:

Привлечение государством некоммерческих организаций к **работе в социальной сфере** и финансирование этой **работы** во многих странах мира является нормой вещей. В основе взаимодействия Церкви и государства в России сегодня лежит принцип партнерства. Уже несколько лет религиозные НКО могут участвовать в конкурсах по получению государственного финансирования на свою социально значимую деятельность (Новоселова «Городу и миру»).

Основа партнерства видится в том, что и Церковь, и государство несут ответственность за все общество, хотя и по-разному:

...возможные сферы совместного приложения усилий Церкви и государства – это фактические все те стороны общественной жизни, которые волнуют христианина. А это не только помощь бездомным и инвалидам, не только вопросы межнациональных, межрелигиозных отношений, но также и проблемы, связанные с защитой традиционных нравственных ценностей, вопросами

патриотического воспитания и образования молодежи, популяризацией трезвости и здорового образа жизни, это также различные общественные инициативы по поддержке людей, живущих на Дальнем Востоке, поддержке русского народа, заботой об окружающей среде, а также многие другие проекты (Новоселова «Городу и миру»).

Участие Православной церкви в поддержке социально значимых проектов государства не отрицает и участия бизнеса, который может привлекаться как государством, так и церковью; это — один из аргументов, почему «широкая общественная деятельность Церкви выгодна государству». Представитель Церкви подчеркивает:

Социально-ответственный бизнес начинает понимать, что извлечение прибыли не может и не должно быть единственной целью предприятия, что необходимо вкладывать средства и в те области, которые, не являясь финансово прибыльными, тем не менее являются первостепенными для гармоничного общественного развития (Фалалеев «*Не доводи до греха*»).

Предложена и идеологическая основа для межсекторного взаимодействия: гармоничное общественное развитие.

Снова видим специфическое направление профессионализации социальной работы – налаживание взаимодействий с третьим сектором. Внутри третьего сектора обозначен возможный влиятельный союзник государства – церковь, – способный мобилизовать на участие в государственных социальных проектах бизнес.

Транспарентность оценки качества работы социальной сферы

Тему межсекторного взаимодействия, сочетания администрирования, рыночных механизмов и общественного участия продолжает серия публикаций о проекте федерального закона о проведении независимой оценки качества работы организаций, оказывающих услуги в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования (Домчева «*К терапевту...*»; Исаев «*Как повысить качество...*»; Исаев «*Новости о независимой оценке...*»; Зыкова «*ЕГЭ для детсада*»; Домчева «*Школам поставят оценку*»).

Проект предусматривает создание общественных советов, которые будут наблюдать за качеством предоставления социальных услуг; их по статистике насчитывается «более 160 тысяч социальных организаций

различной специализации». Таким образом, социальная поддержка вписывается в контекст развития гражданского общества: (1) за счет общественных советов – создания действующих структур ГО; (2) за счет повышения качества функционирования «социальных организаций» – повышения транспарентности их деятельности; оплату труда в отрасли, видимо, нельзя повысить без расширенного внедрения платных услуг, отсюда логично внедрение транспарентности.

В разных публикациях проблематизируются разные аспекты инновации. Так, стремление повысить качество социальных услуг увязывается с необходимостью увеличить заработную плату работникам социальной сферы, что видится невозможным без расширения предложения платных услуг. Но оплату нельзя повышать без контроля качества. Поэтому:

В законопроекте предусмотрены требования к открытости и доступности информации о деятельности организаций социальной сферы, среди которых – копии документов о порядке предоставления услуг за плату (Исаев «*Как повысить качество...*»).

Таким образом, мы имеем смычку между участием агентств гражданского общества в оценке качества услуг, расширением платных услуг (коммерциализацией) и профессионализацией социальных работников.

После утверждения законопроекта в качестве закона выражается надежда на существенное улучшение в сфере услуг:

С 21 октября (2014) в России можно будет проводить независимую оценку качества работы школ, вузов, больниц, поликлиник, библиотек, музеев и так далее. То есть всех организаций, оказывающих гражданам услуги в **сфере культуры, социального обслуживания**, охраны здоровья и образования. ... Граждане благодаря этому закону должны, по идее, получать более качественные **социальные услуги**, а **работники социальных учреждений** тщательнее и ответственнее станут относиться к своей **работе**, зная, что меры контроля за ними ужесточились... (Зыкова «*ЕГЭ для децсада*»)

Эта надежда связана с внедрением процедур объективной и тотальной общественной оценки качества предоставляемых услуг:

Оцениваться будет качество **работы** всех учреждений **социального обслуживания**, здравоохранения, образования и культуры. К примеру, это центры **социальной помощи**, поликлиники, больницы, медицинские центры, школы, детские сады, библиотеки, театры и т.д. Предполагается, что в основном это будут, конечно, бюджетные государственные и муниципальные организации.

Но оценивать можно будет и частные организации, которые оказывают госуслуги. Сейчас они по большей части работают в области здравоохранения и образования. Например, частные детские сады. Негосударственные организации оказывают услуги населению и в **сфере социального обслуживания**, их сегодня немного — около 1,8% от общего числа, но планируется в ближайшие три года увеличить этот показатель почти в три раза (Домчева «Школам поставят оценку»).

Профессионализацией будет охвачено не менее девять миллионов человек — именно столько занятых в социальной сфере:

Это очень большой сегмент рынка труда. И очень важно обеспечивать эффективность **социальной сферы** (Там же).

С повышением качества связывается расширение предоставления электронных услуг: «возможность записаться на прием к врачу, в детский сад, школу, онлайн-бронирование билетов в театр, «электронные библиотеки»...», что предполагает увеличение в социальной сфере рабочих мест для специалистов в ИКТ.

Центральной процедурой объективной и тотальной оценки качества предоставляемых услуг видится общественное рейтингование учреждений:

Составление рейтинга чрезвычайно важно для выявления слабых мест в **работе социальных** учреждений как государственных, так и частных. За границей такая практика привычна. В Канаде, например, на протяжении 20 лет ежегодно проводятся опросы населения, выявляется, насколько люди удовлетворены **работой...**(Там же)

Внедрение идеи рейтингов, основанных на данных опросов отраслевых специалистов и обычных клиентов, знаменует ориентацию на лучшие мировые образцы социальной работы, которые предполагают координированное и взаимное развитие всех трех секторов, итогом которого ожидается профессионализация социальной работы.

Направления по расширению сферы социальной работы

Новины ФСИН

В ряде публикаций говорится о возможности реформирования детских и подростковых пенитенциарных учреждений в учреждения социальной работы. Фактически речь идет о включении в непосредственную профессиональную сферу социальной работы категории населения,

которая лишь косвенно в нее входит в настоящее время. С одной стороны, эта тенденция видится как гуманизация пенитенциарной системы, с другой – как мощный стимул к дальнейшей профессионализации социальной работы в России. Социальные работники приходят на территорию, подведомственную Министерству юстиции.

Министерство юстиции России приступило к разработке законопроекта, который заставляет проводить социально-психологическое обследование подростка при решении вопроса о его аресте. Возможно, психологи и педагоги не согласятся с мнением следователя, что парня (девочку) надо закрыть в камере, тогда суд должен это учесть. ...это попытка поработать с осужденным по-доброму, помочь ему найти место в жизни. Срабатывает не всегда, иного преступника ничего не исправит. Но шанс все-таки человеку дается (Куликов *«Не дорос до тюрьмы»*).

Вместо камеры и воспитательных колоний в стране предполагается открыть 35 воспитательных центров, которые «не должны быть похожи на тюрьму»:

Главное отличие воспитательного центра от колонии в том, что упор предполагается сделать на **социальной**, психологической и воспитательной **работе** с несовершеннолетними. Поэтому здесь увеличится численность психологов и **социальных работников** (Там же).

Реформа разрабатывается с учетом мирового опыта: «тюремное ведомство активно изучало в том числе опыт Швейцарии».

Другая публикация, вышедшая полгода спустя, сообщает:

Сейчас в шести воспитательных колониях страны проходит эксперимент по созданию воспитательных центров. Главное отличие воспитательного центра от колонии – сугубо индивидуальный подход к осужденному. С подростками активно работают педагоги и социальные работники (Куликов *«Камера матери и ребенка»*).

Также планируется эксперимент по созданию особых условий для жизни осужденных мам с маленькими детьми:

Как сообщили «РГ» руководители ФСИН России, тюремное ведомство планирует создать в трех регионах центры содержания матери и ребенка, где осужденные мамы смогут постоянно жить вместе с детьми. Более того, по мнению экспертов, возраст детей, которым можно проживать вместе с мамами в колониях, надо поднять до четырех лет. Но этот вопрос еще требует изучения.

Надо подчеркнуть, в данном случае речь идет о невинных детях в полном смысле слова. Мама попала в тюрьму, а малыш поехал вместе с ней — без мамы в его возрасте никуда. Закон разрешает детям до трех лет находиться в колониях вместе с мамами. Но, как правило, заключенная мама приходит и уходит, а ребенок постоянно живет отдельно. Сейчас, по данным ФСИН, при женских колониях работают 13 домов ребенка, в которых проживают 667 детей (Куликов *«Камера матери и ребенка»*).

Другой аспект тенденции к гуманизации пенитенциарной системы за счет расширения полномочий социальной работы читатель найдет в сообщении о проекте федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Запланированы инновации в усилении двух направлений работы — социальной реабилитации и ресоциализации бывших заключенных — силами, прежде всего, учреждений социального обслуживания граждан:

Ведь бывает и так, что человек из мест лишения свободы возвращается буквально в никуда: жить негде, на работу не берут. И он опять совершает преступление. В стране действуют свыше 3,5 тысячи учреждений **социального обслуживания** граждан. Но это не обычные собесы. Они **работают** с людьми, утратившими **социальные** связи: с несовершеннолетними, вернувшимися из воспитательных колоний и спецучреждений и не имеющими жилья, с психически больными, представляющими **социальную** опасность, одинокими стариками и инвалидами, освобожденными из мест отбывания наказания, с алкоголиками и наркоманами (Фалалеев *«Не доводи до греха»*).

Кроме того, законопроект предусматривает развитие межсекторного взаимодействия: в профилактике правонарушений планируется, что будут вовлечены

не только полицейские и прочие правоохранители, но и руководители местных администраций, предприниматели, общественные и спортивные организации (Там же).

Явной новизной законопроекта отмечается:

...квотирование рабочих мест на муниципальных и даже коммерческих предприятиях, чтобы создавать условия для получения профессии и разрешения проблем занятости людям с деформацией социальных ценностей. И государство для таких организаций установит налоговые и прочие льготы (Там же).

Автор статьи также выражает и сомнения в том, что установление режима льгот может оказаться недостаточным стимулом для трудоустройства целевой группы; в этом случае автор допускает введение нерыночной меры: «административной ответственности за нарушение правил о квотировании рабочих мест».

Одно из направлений расширения поля профессиональной деятельности социальной работы сопряжено с идеей гуманизации пенитенциарной системы в России, ее избирательной – для защиты материнства и детства, профилактики правонарушений – реинституционализацией. Реформа также предполагает развитие межсекторного взаимодействия, повышения роли субъектов рыночного хозяйствования и общественного участия.

Социальная работа – сфера смелых экспериментов на институциональном уровне

Эксперимент по бесплатной реабилитации наркоманов

Следующая сфера, где законодательно предусматривается расширение рабочих мест для социальной работы, – реабилитация и профилактика наркомании:

Важный эксперимент стартовал с легкой руки Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. 1 июня в столице заработал пилотный вариант **помощи** по оказанию наркоманам и гражданам, прошедших лечение от этой смертельной страсти, специальных услуг по **социальной реабилитации** (Богданов «*Шанс выжить*»).

Сообщается, что на эксперимент правительство Москвы выделило 100 миллионов рублей. Важный нюанс, который показывает, что реализация подобной программы доступна далеко не всякому региону. Как сказала представитель столичного правительства:

Напомню, сейчас находится на стадии утверждения программа «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ». Но пока идут различные согласования, Москва не стала ждать их окончания и одной из первых приступила к разработке и запуску программы (Там же).

Большой бюджет обосновывается масштабом проблемы, высокой стоимостью лечения, а также тем, что в помощи нуждаются и малообеспеченные семьи:

Лечение этой беды очень дорого стоит. И не каждая семья может позволить себе заплатить за возврат своего родственника к нормальной жизни от 30 до 100 тысяч рублей в месяц. [...] По расчетам экспертов, нужно не меньше полугода, чтобы излечить человека от зависимости, очистить и тело, и душу. Столичный курс реабилитации рассчитан на 180 дней. Ежедневные затраты на одного человека не могут превышать 1000 рублей и 180 тысяч за весь период прохождения реабилитации. Эти расходы несет не семья, а городские власти. В первую очередь эксперимент рассчитан на малоимущие семьи, которые не могут позволить направить близких на длительный период в реабилитационный центр или частную клинику (Богданов «*Шанс выжить*»).

Отмечается, что участвовать в программе — претендовать на финансирование — организации разных форм собственности могут, получив сертификат на конкурсной основе.

Реализация данной программы способствует появлению социальных работников на профессиональных сценах, где используются высокие медицинские и продвинутое организационные технологии.

Планы по развитию социального туризма

Идея развития социального туризма как формы социальной поддержки малообеспеченных слоев населения может показаться экзотичной для социальной работы. Однако в категорию малообеспеченных входят и маломобильные граждане, при чем необязательно инвалиды.

Специфика этого направления видится в том, что на первый план в его реализации выходят экономические акторы и выраженные в терминах экономических интересов задачи:

Туризм — это мощная подпорка экономики во многих странах мира. Сегодня в нашей стране туристический рынок создает 4 процента ВВП страны, в то время как в развитых европейских странах этот показатель находится на уровне 20 процентов. При этом туристический потенциал России огромен — достаточно посмотреть на объекты, включенные в наследие ЮНЕСКО, и наличие здравниц. Однако в реальности сфера туризма в нашей стране находится в стадии развития. Жалобы известны — это низкое качество обслуживания, сервиса, связи, высокие цены на транспорт, питание. Получается замкнутый круг: туризм не развивается потому, что цены высокие, а цены высокие потому, что на отдых ездит мало людей. [...] Разорвать этот круг предлагается за счет введения системы отпускных чеков, или банковских карточек, причем, как уже говорилось выше, системы, уже

опробованной в мировой практике, например, во Франции, Испании, Швейцарии, некоторых других странах (Трофимов «Отпускные чеки ждут...»).

В данном случае расширение сферы социальной поддержки мы видим за счет отказа ограничивать социальную поддержку исключительно задачами пассивного выживания. В новой трактовке речь идет о принципиальном изменении качества жизни клиентов социальной поддержки: их не столько защищают, сколько предоставляют возможности для полноценной жизни и социального развития.

У такой социальной поддержки имеется твердая экономическая база; ее примеры дают передовые страны Европы, а также отдельные российские регионы — надо лишь их опыт распространить на всю Россию:

Стоит отметить, что **социальная поддержка** туризма есть в отдельных регионах, например, в Москве, Татарстане, Ростовской области. Существуют льготы и скидки на перевозки воздушным и железнодорожным транспортом, малоимущим и многодетным семьям выделяются путевки для санаторно-курортного лечения и так далее. Но это — неизмеримо малая толика того, что предстоит еще сделать. Логическим завершением этой **работы** должно стать создание законодательной базы именно **социального** туризма, создание базы и российского эмитента отпускных чеков (Там же).

Упоминается также о том, что в Россию на встречу с отраслевыми чиновниками приезжали представители от руководства головной все-европейской организации (ОИТС) и «активно приглашали Россию к диалогу, взаимодействию»; «европейцы видят именно в социальном туризме один из путей нейтрализации последствий социального кризиса», как одного из последствий мирового финансово-экономического кризиса.

Основное содержание статьи – три кластера проблем, стоящих на пути развития социального туризма в России.

Организация социального найма пустующего жилья

Речь идет о противоречии, мешающем эффективно использовать накопленные богатства страны: наличие пустых квартир, где никто не живет годами, с одной стороны, и неудовлетворенный спрос на недорогое жилье — с другой. Пустующие квартиры собственники:

...боятся сдавать из-за «дикого» рынка аренды. Так почему бы не сдать его по договору некоммерческого найма тем семьям, которые сегодня остро нуждаются в жилье? Причем с госгарантией» (Домчева «Задели за жилое»).

Эта идея также имеет аналогами зарубежный опыт:

В отличие от Дании, где хозяев по закону обязывают сдавать такие квартиры нуждающимся горожанам, у нас предлагается совершать подобные сделки только по добровольному согласию обеих сторон. При этом государство будет выступать посредником: арендовать квартиры у владельцев по полной коммерческой стоимости, а потом распределять между нуждающимися уже по льготной цене, а в некоторых случаях и совершенно бесплатно. Стандартный договор государственного образца будет заключаться как минимум на пять лет (Там же).

Как видим, в европейском опыте российские эксперты находят не только рыночные механизмы, но и механизмы социального администрирования: «Нуждаемость будут определять социальные службы города». Так рынок съемного жилья может стать сферой приложения социальных служб. Интенсификация рынка может сделать социальными бенефициарами, как владельцев жилья, так и квартиросъемщиков, поскольку среди представителей обеих категорий могут оказаться традиционные клиенты социальной поддержки.

Социальная поддержка детей войны и семьям пропавших без вести воинов

Сообщается, что «По данным министерства труда и соцзащиты, сегодня в России насчитывается около 13 миллионов так называемых детей войны» (Богданов «Недетская память»); при этом оказывается, что «них чуть более 2 миллионов граждан этой категории не получают никаких льгот». Документ касается только граждан России, которые родились в период с 23 июня 1928 года до 3 сентября 1945 года и в годы войны были несовершеннолетними.

Поскольку в тексте законопроекта сказано, что он «не определяет меры социальной поддержки этих людей, а лишь устанавливает статус данной категории граждан, обеспечивает им почет и уважение в обществе», обеспечить «почет и уважение в обществе» призваны работники социальных служб — больше никому.

В статье в пример приводится Украина, в которой аналогичный закон 2006 г. установил целевой группе ряд льгот.

Другая целевая группа имеет не только историческое измерение, но и современное звучание: российским военнослужащим доводится служить в «горячих точках», однако твердой законодательной базы для социальной поддержки семей пропавших без вести во время боевых действий принято не было.

Близким родственникам солдат и офицеров, пропавших без вести во время боевых действий в «горячих точках», могут назначить денежные компенсации. Такие выплаты предусматривает законопроект, подготовленный в Совете Федерации. [...] Эти люди уже многие десятилетия справедливо возмущаются тем, что, оставшись без близкого человека, а часто и без кормильца, они по сути дела не получают от государства никакой материальной поддержки. Жены, дети, родители погибших в «горячих точках» военнослужащих наделены таким правом, а эта категория российских граждан – почему-то его лишена. Ситуация действительно выглядит, по меньшей мере, странно. Даже в мирное время, не говоря уже о войне, причисленные к пропавшим без вести военнослужащие и их родственники как бы автоматически попадают в ущербную категорию наших граждан. Меры социальной поддержки применительно к ним, как правило, не работают или существенно ограничены (Гаврилов *«Получите за мужа»*).

В материале приводятся данные, согласно которым всего 796 российских военнослужащих числятся пропавшими без вести в Афганистане, на Северном Кавказе и в других «горячих точках».

Таким образом, предлагаются новые категории клиентов социальных служб: дети войны и семьи пропавших без вести в «горячих точках» военнослужащих. Ссылка на опыт менее богатой Украины подсказывает, что мирная Россия в отношении своих военных и перенесшего тяготы войн гражданского населения имеет значительные резервы в перенимании международного опыта социальной защиты и поддержки.

В целом, образ рисуется такой, что законотворчество и административные распоряжения своевременно и адекватно вписываются в общественные реалии страны и мира: законодательство приводится в соответствие с международными нормами в полном соответствии с внутророссийскими реалиями.

Прокламируется, что всемогущее государство «подвинется», предоставляя благоприятное пространство для активного участия в решение социальных проблем бизнесу и самому обществу, при этом сохраняя за собой функцию регламентации общих институциональных условий для эффективного межсекторного взаимодействия, направленного на решение социальных проблем.

Социальная работа — это поле для институциональных экспериментов, которые предполагаю расширение зоны ответственности социальных служб по двум направлениям: (1) достижение более гармоничного сочетания административных, рыночных и социальных форм координации институциональных взаимодействий; (2) включение в число подопечных новых видов социальной поддержки и, тем самым, новых социальных категорий: поддержка социального туризма, гуманизация ФСИН, социальная защита семей военнослужащих и др.

РЕЗЮМЕ

1. Комбинация из ключевых усеченных лексем «работ*, реабилит*, поддерж*, помощ*, обслуж*, служб*, защит*» и атрибута «социальн*» позволила построить выборку формально релевантных текстов, в которой 62 % оказалось пертинентных источников.

Непертинентные источники имеют следующие конфигурации употребления ключевых лексем, причиняющих шум: (1) атрибут и ключевые лексемы входят в разные словосочетания; (2) ключевые лексемы без атрибута относятся к референтам из иных тематических областей, не входящим в сферу социальной работы; (3) пертинентные агенты или объекты упоминаются лишь вскользь, как часть характеристики нетематических объектов; (4) пертинентные лексемы употребляются для обозначения непертинентных референтов, т.е. нетерминологически.

2. Все тематически, содержательно релевантные (пертинентные) тексты без остатка подразделяются на два разговора-дискурса: событийного и законотворческого.

3. Материалы событийного разговора аналитически подразделять на отечественные и зарубежные материалы. Далее российские материалы группируются по оценке образа социальной работы / социальной защиты: материалы с позитивной, нейтральной и негативной оценкой. В позитивный образ входят такие содержательные компоненты: глобальность горизонта; сложность и иерархичность структуры профессиональной

деятельности (много аспектов и каждый аспект имеет разные уровни сложности профессионально решаемых задач); включенность профессии в профессиональное разделение труда, предполагающее взаимодействие со смежниками (ученые, врачи, педагоги, психологи, правоохранители, представители администраций и др.), работающими, в том числе, и в высокотехнологичных средах; приобщенность к выполнению важной работы, которой уделяют внимание (по крайней мере, в экстренных (приятных и неприятных) случаях) представители администраций.

Социальная работа / защита как рутинный процесс представлена на примере территории, где приход строительства с космическими технологиями задвинуло местных жителей в «социальное гетто» без надежд на развитие. Порожденное сосуществованием разных укладов непродуктивное неравенство, порождающее гигантские проблемы, с которыми домохозяйства не в состоянии решить, а у властной вертикали средств на их решение не предусмотрено, оставляет за социальной защитой рутинную обязанность поддерживать пособиями социально сохранных жителей, оставляя само поддержание социальной сохранности целиком на самих жителях. Работает закон выживания: кто сохранился, тому социальные пособия в помощь, кому нужна дополнительная сверх рутины поддержка, предоставлены сами себе. Социальная защита как профессия – простой механизм передачи социальных пособий; к нестандартным ситуациям она слепа.

Негативный образ социальной работы / защиты тоже связан с рутинизацией профессии в рамках строгих регламентов, не терпящих инициативности. Первая причина «слепоты» к людям, попадающим в трудную ситуацию, – люди сами не обращаются, а инициативно их выискивать «не положено». Этот образ свидетельствует о том, что профессионализация социальной работы в России состоялась в рационально бюрократическом ключе. Официальная социальная работа видит лишь ту часть реальности, которая предусмотрена регламентами. Обратной стороной бюрократической профессионализации оказывается неспособность находить индивидуальный подход для разрешения проблемной ситуации: приходится либо перекладывать ее решение на смежников, либо выбирать жесткие институционализированные формы поддержки, способные усугубить положение подопечных. Позитивно социальные работники лишь вскользь упоминаются только тогда, когда они появляются на сцене в качестве добровольцев – тех, кто вне и после своей профессиональной занятости имеет право пренебречь регламентами, действовать «не по уставу».

Взятый в негативном ключе, социальный работник, в широком понимании, как представитель профессии «социальная работа», может быть «слепым»: не «замечать» тех, кто нуждается в помощи, если они не обратились, не «замечать» потребностей и тех клиентов, кто за помощью обращается. Социальный работник может быть и опасным для объекта своей «заботы»: например, у роженицы он может изъять ребенка против ее воли, если социальная служба не видит, согласно рутинным регламентам, у нее благоприятных жизненных условий для воспитания ребенка; в статьях из таких условий были упомянуты отсутствие регистрации, отсутствие жилья, несовершеннолетие.

Источник «слепоты» — обязательное следование регламентам в использовании государственных / муниципальных ресурсов: рабочее время служащих, материальные и финансовые ресурсы должны расходоваться в прописанных пропорциях на предусмотренные категории клиентов.

Здесь все замечают и действуют, исходя из индивидуальных потребностей нуждающихся только представители гражданского общества, волонтеры, которые приходят, словно ниоткуда и берут на себя ответственность, покрывая скудость личных бюджетов бюджетами неправительственных агентств и активным личным участием с высочайшими транзакционными издержками.

В нейтральном ключе социальная работа нейтральный (равнодушный) рутинный процесс социального вспомоществования, обеспечивающий выживание населения в депрессивных территориях. В одной семье может случиться радостное событие (родиться тройня), социальная служба может с пользой оказать нештатное желанное участие. В другой семье тройня может сгинуть, несмотря на охват рутинным процессом социального вспомоществования; этот процесс может обеспечить условия для выживания, создать предпосылки для выживания, но не гарантировать его от форс-мажорных обстоятельств.

В позитивном ключе социальная работа естественно вписывается в глобальный контекст; она действует без границ или как бы без границ — действует локально, но способами, которые приняты в мире, глобальными.

Социальная работа ответственна за удовлетворение самых разнообразных человеческих потребностей, то есть, указание на их разнообразие можно найти в регламентирующих документах и дискурсе планов. Последний — это дискурс ожиданий, которые верно сбудутся: если что-то еще не завезли — завезут, если что-то еще не открыли — откроют.

Социальная работа — это дифференцированное по профессиональным компетенциям занятие, которое находит себе место и в высоко технологизированной среде.

Профессиональная деятельность социального работника связана с реализацией социальной функцией исполнительных, законодательных и судебных офисов. Социальный работник — слуга общества лишь постольку, поскольку он «слуга государев»: «государевы» регламенты отменяют границы и категории для служения обществу, они же их и устанавливают.

Впрочем, регламентированность — это атрибут любой развитой профессии, представители которой принципиально не могут, не должны поступать по велению сердца, пренебрегая дисциплинированностью. Довольно полное представление об этом дают приведенные журналистом слова руководителя волонтеров помогающим бездомным детям и не только детям:

Правильно мотивированный доброволец приходит в нашу организацию не самоутверждаться, а участвовать в совместной благой деятельности. [...] Организация выступает как бы посредником между волонтером и подопечным. Волонтер же является представителем организации и должен делать только то, на что уполномочен. Люди, которые за счет ресурсов организации реализуют свои личные понятия о совершении добрых дел, как правило, плохо обучаемы, не слушаются руководства, не надежны в общем деле. [...] Прежде всего [добровольцу] надо быть спокойным и доброжелательным. Своих товарищей лучше называть полным именем, как и бездомных людей. Приступая к работе с бездомными, не нужно сразу рваться в бой, спасать или обещать спасение — следует беречь силы, наблюдать за работой опытных товарищей, понемногу помогать, но не брать на себя большой ответственности. Не надо идеализировать бездомных людей, равно как и демонизировать их. Это мешает трезво оценивать ситуацию, затрудняет адекватное общение с ними. Не стоит давать свой телефон. Это предостережение в первую очередь адресовано девушкам. Потому что есть разные бездомные. Есть и психически ненормальные, и сексуально озабоченные, и криминальные. Наш общий официальный телефон — мой. Я ходячий офис. [...] Наш опыт также показал, что совершенно бесполезно, а часто даже и опасно давать деньги бездомным людям. Опасно для них самих. Деньги практически никогда не решают проблему, только усугубляют ее. Особенно если вы новичок и еще не умеете классифицировать просящих. Хотя бывают исключения... (Выжutowич «Кому нужны бездомные?»).

Требования и запреты «не самоутверждаться, а участвовать в совместной благой деятельности», выступать представителем организации перед подопечными и «делать только то, на что уполномочен», подчинять свои действия общему делу, быть обучаемым и слушаться руководства, соблюдать «корпоративный» этикет в общении, «понемного помогать, но не брать на себя большой ответственности» и др. вполне можно найти в регламентах профессионального социального работника. За обоими регламентами стоит история взаимодействия с клиентами/подопечными, за запретами и ограничениями — небезосновательная забота о собственной безопасности и безопасности подопечного.

В чем различие между фреймированным сотрудником и вольным волонтером при общем сходстве природы регламентации? — очевидного ответа на этот вопрос публикации событийного дискурса не дают.

В коммуникативное задание материалов этой группы не входит идея межсекторного взаимодействия; профессия имеет замкнутые границы, которые (наверно) размыкаются только для взаимодействия с профессионалами-смежниками внутри репрезентируемого единым организационного пространства. Для внутрироссийского разговора не характерно представление будущего — ни светлого, ни темного; разговор обращен в недавнее прошлое и настоящее.

Репрезентации зарубежных материалов сообщают читателю о том, что, если Россия по институциональному развитию социальной работы в чем-то и отстает, то это отставание форы передовым «цивилизованным» странам не дает: институциональное развитие не искореняет ни одну из проблем, над решением которой бьются социальные работники по всему миру, в том числе, и в «цивилизованных» странах.

4. Законотворческий и административно-управленческий дискурс является центральным для «Российской газеты». Он прежде всего обращен в будущее, которое конституировано содержанием уже принятых законов, рассмотрением разработанных законопроектов и грядущей имплементацией принятых административных решений.

В этом дискурсе читатель найдет минимальные сведения о содержании профессиональной деятельности социальной работы / защиты, поскольку фокус внимания направлен на создание институциональных оснований для собственно деятельности.

5. Собирательный портрет включает ряд содержательных компонентов.

Во-первых, это поле острых политических конфликтов, в которых здоровому социально ориентированному прагматизму думских

депутатов (по крайней мере, пока) удастся преодолеть сопротивление идеологическому экстремизму либералов от правительства.

Во-вторых, законодательный процесс вписан в различные социальные процессы на разных уровнях: хорошо отражает объективные демографические процессы российского общества; идет в ногу с развитыми странами, в частности, в переориентации с простого выживания подопечных на их интеграцию и социальное развитие; утверждает расширение сферы приложения социальной работы; предполагает дальнейшую социализацию отрасли и её модернизацию за счет организации межсекторного взаимодействия на основе комбинации административных, рыночных и социальных механизмов, а также дальнейшей (бюрократической) кодификации профессионального поля и одновременного усиления общественного контроля над качеством функционирования учреждений социальной сферы всех конкурирующих организационно-правовых форм собственности.

В-третьих, сфера социальной работы имеет тенденцию прирастать новыми зонами ответственности по двум направлениям: (1) достижение более гармоничного сочетания административных, рыночных и социальных форм координации институциональных взаимодействий; (2) включение в число подопечных новых видов социальной поддержки и, тем самым, новых социальных категорий: поддержка социального туризма, гуманизация ФСИН, социальная защита семей военнослужащих и др.

Список проанализированных публикаций

Нерелевантные публикации

Борисова И. *Премия за хулигана* // Российская газета. 13.05.2014. Общероссийский выпуск № 105 (6377).

Ермаков С. *«Стрелец» в Крыму спасает детей* // Российская газета. 16.09.2014. Общероссийский выпуск № 210 (6482).

Ивойлова И. С *Вышки виднее* // Российская газета. 02.09.2014. Общероссийский выпуск № 198 (6470)

Петров В. *Конвой ждет* // Российская газета. 05.09.2014. Общероссийский выпуск № 202 (6474).

Петров И. *Чужая родня* // Российская газета. 26.08.2014. Общероссийский выпуск № 192 (6464).

Снегирев Ю. *Боролись, боремся и будем бороться* // Российская газета. 13.05.2014. Общероссийский выпуск № 105 (6377).

Тематически нерелевантные публикации с пертинентными лексемами

Борисов Т. *Опять 45* // Российская газета. 31.01.2014. Общероссийский выпуск № 21 (6293).

Грицюк М. *Не «социалка» – жизнь человека* // Российская газета. 07.03.2014. Общероссийский выпуск № 54 (6326).

Грицюк М. *Обезболивающее* // Российская газета. 19.02.2014. Общероссийский выпуск № 38 (6310).

Грицюк М., Смольякова Т. *Плохо быть молодым* // Российская газета. 28.05.2014. Общероссийский выпуск № 118 (6390).

Домчева Е. *Родителям в помощь* // Российская газета. 13.08.2014. Общероссийский выпуск № 181 (6453).

Домчева Е., Смольякова Т. *Не зря копили* // Российская газета. 06.08.2014. Общероссийский выпуск.

Замахина Т. *Спасти рядового агрария* // Российская газета. 07.04.2014. Общероссийский выпуск № 78 (6350).

Кичин В. *Гламур вдребезги* // Российская газета. 07.02.2014. Общероссийский выпуск № 27 (6299).

Козлова Н. *Капиталом жилье не испортишь* // Российская газета. 09.07.2014. Общероссийский выпуск № 151 (6423).

Кривошапко Ю. *Перейти в средний класс* // Российская газета. 09.04.2014. Общероссийский выпуск: № 80 (6352).

Кузьмин В. *Рост с учетом рисков* // Российская газета. 04.07.2014. Общероссийский выпуск № 148 (6420).

Мирошниченко А. *Нужно ли пособие по безработице?* // Российская газета. 04.06.2014. Общероссийский выпуск № 124 (6396).

Смольякова Т. *Он был лидером аудитории* // Российская газета. 18.03.2014. Общероссийский выпуск № 61 (6333).

Смольякова Т. *Родители по расписанию* // Российская газета. 18.03.2014. Общероссийский выпуск № 61 (6333).

Юринская Е. *Прямая речь* // Российская газета. 12.08.2014. Общероссийский выпуск № 180 (6452).

Юферова Я. *С виски и нефтью – на свободу* // Российская газета. 17.03.2014. Общероссийский выпуск № 60 (6332).

Публикации событийного дискурса

Алексеева Т. *Не важны границы* // Российская газета. 28.07.2014. Общероссийский выпуск № 167 (6439).

Бугайская Е. *Слишком сильно напуганы* // Российская газета. 05.02.2014. Общероссийский выпуск № 24 (6296).

Воробьев В. *Жить и спать на широкую ногу* // Российская газета. 08.04.2014. Общероссийский выпуск № 79 (6351).

Выжutowич В. *Кому нужны бездомные?* // Российская газета. 30.05.2014. Общероссийский выпуск № 121 (6393).

Гельман З. В *масштабах катастрофы* // Российская газета. 05.02.2014. Общероссийский выпуск № 24 (6296).

Краснопольская И. *Жизнь впереди* // Российская газета. 09.06.2014. Общероссийский выпуск № 128 (6400).

Розэ А. *Деньги в стакане воды* // Российская газета. 14.02.2014. Общероссийский выпуск № 34 (6306).

Рузанова Н. *Обманули, как младенца* // Российская газета. 12.03.2014. Общероссийский выпуск № 56 (6328).

Смольякова Т. *Детей иметь выгодно* // Российская газета. 15.05.2014. Общероссийский выпуск № 107 (6379).

Ярошенко А. *Совсем Свободный* // Российская газета. 31.01.2014. Общероссийский выпуск № 21 (6293).

Публикации законодательного дискурса

Богданов В. *Недетская память* // Российская газета. 21.02.2014. Общероссийский выпуск № 41 (6313).

Богданов В. *Шанс выжить* // Российская газета. 03.06.2014. Общероссийский выпуск № 123 (6395).

Бурменко К. *От требований не отказывается* // Российская газета. 17.02.2014. Общероссийский выпуск № 36 (6308).

Гаврилов Ю. *Получите за мужа* // Российская газета. 04.02.2014. Общероссийский выпуск № 23 (6295).

Голубкова М. *Ошибки налицо* // Российская газета. 05.03.2014. Общероссийский выпуск № 51 (6323).

Домчева Е. *Без спроса не зайдет* // Российская газета. 11.02.2014. Общероссийский выпуск № 30 (6302).

Домчева Е. *Задели за жилое* // Российская газета. 20.02.2014. Общероссийский выпуск № 39 (6311).

Домчева Е. *К терапевту по рейтингу* // Российская газета. 05.02.2014. Общероссийский выпуск № 24 (6296).

Домчева Е. *Материнская плата* // Российская газета. 03.04.2014. Общероссийский выпуск № 75 (6347).

Домчева Е. *Школам поставят оценку* // Российская газета. 20.08.2014. Общероссийский выпуск № 187 (6459).

Замахина Т. *«Дорожные карты» под контролем* // Российская газета. 17.06.2014. Общероссийский выпуск № 132 (6404).

Зыкова Т. *ЕГЭ для детсада* // Российская газета. 01.10.2014. Общероссийский выпуск № 223 (6495).

- Зыкова Т. *Идем на рынок* // Российская газета. 07.10.2014. Общероссийский выпуск № 228 (6500).
- Исаев А. *Больше комфорта для инвалидов* // Российская газета. 16.04.2014. Общероссийский выпуск № 86 (6358).
- Исаев А. *День пожилых людей* // Российская газета. 01.10.2014. Общероссийский выпуск № 223 (6495).
- Исаев А. *Как повысить качество социальных услуг* // Российская газета. 14.05.2014. Общероссийский выпуск № 106 (6378).
- Исаев А. *Новости о независимой оценке качества соцуслуг* // Российская газета. 02.07.2014. Общероссийский выпуск № 145 (6417).
- Исаев А. *Пенсионный возраст* // Российская газета. 22.01.2014. Общероссийский выпуск № 12 (6284).
- Козлова Н. *Услуги разложат по полочкам* // Российская газета. 04.03.2014. Общероссийский выпуск № 50 (6322).
- Кузьмин К. *Годы адаптации* // Российская газета. 11.03.2014. Общероссийский выпуск № 55 (6327).
- Куликов В. *Камера матери и ребенка* // Российская газета. 24.07.2014. Общероссийский выпуск № 164 (6436).
- Куликов В. *Не дорос до тюрьмы* // Российская газета. 30.01.2014. Общероссийский выпуск № 19 (6291).
- Куликов В. *Не созрел для тюрьмы* // Российская газета. 02.04.2014. Общероссийский выпуск № 74 (6346).
- Новоселова Е. *Городу и миру* // Российская газета. 14.03.2014. Общероссийский выпуск № 59 (6331).
- Петров В. *Кабинеты застрахованных* // Российская газета. 05.03.2014. Общероссийский выпуск № 51 (6323).
- Розова Л. *Больше семей государство сильнее* // Российская газета. 26.02.2014. Общероссийский выпуск № 45 (6317).
- Сибина С. *Пустите переночевать* // Российская газета. 04.07.2014. Общероссийский выпуск № 148 (6420).
- Трофимов Е. *Отпускные чеки ждут своего часа* // Российская газета. 03.09.2014. Общероссийский выпуск № 199 (6471).
- Фалалеев М. *Не доводи до греха* // Российская газета. 25.03.2014. Общероссийский выпуск № 67 (6339).

Раздел 3.

День социального работника в официальном дискурсе региональных СМИ

Наравне с атрибутами повседневной деятельности специалистов по социальной работе, важной составляющей профессиональной культуры сотрудников социальных служб становится праздник. Профессиональные праздники фиксируют успехи и достижения, выражают сопричастность общей идее, утверждают нормы и правила поведения, формируют общность среди представителей специальности. Профессиональный праздник становится возможностью организации процесса неформального общения коллег, способствует профессиональному росту и идентификации, стимулирует деловую активность. Органично вплетаясь в повседневную трудовую жизнь человека, профессиональные праздники могут формировать позитивные процессы в организации, стимулировать инициативу и ответственность сотрудников, объединять интересы руководителей и работников (Алексеева 2006).

С 2001 года отечественная социальная работа, как и любая другая профессия, также имеет свой профессиональный праздник, который в России отмечается 8 июня. Профессиональный праздник социальных работников является официальным и закреплён Указом Президента Российской Федерации от 2000 года (Указ Президента РФ 2000). Однако далеко не всегда в контексте деятельности сотрудников социальных служб можно применять традиционные установки в отношении профессиональных праздников. На данный момент профессиональное сознание специалистов по социальной работе, являющееся ключевым признаком профессии, находится на стадии своего становления. Отсутствие четкой профессиональной идентичности объясняется слабостью символической власти специалистов по социальной работе, которая зависит от уровня групповой солидарности, возможности влиять на общественные процессы.

В результате многие составляющие профессиональной культуры приобретают свои специфические характеристики, которые не встраиваются в традиционные схемы и не раскрываются посредством классических теорий. В частности профессиональные праздники, которые в контексте большинства профессий выполняют солидаризирующую функцию, в условиях социальной работы приобретают, скорее, формалистское значение. При этом именно через такую категорию как профессиональный праздник мы можем увидеть те смыслы, которые вкладывает государство и общественность в понятие «социальная работа».

Процесс празднования дня социального работника всегда оказывается в зоне публичности, в связи с чем начинает выполняться функция закрепления в общественном сознании нормирующего представления о данной профессии. Чаще всего информация, касающаяся празднования дня социального работника находит свое отражение в СМИ, что позволяет донести до социума важные, с точки зрения властных структур, категории профессии. День социального работника в сюжетах СМИ становится конструктом, созданным официальными институтами, для закрепления в обществе конкретного образа профессии. Нормирование представлений о профессии социального работника посредством репрезентаций, появляющихся в медиапространстве, объясняется абстрактной формой СМИ, дающей возможность формировать систему социального контроля и власти (Бодрийяр 1999:45). Таким образом можно говорить о том, что понимание профессии создается не только в повседневной деятельности специалистов, в разговорах, обсуждениях с коллегами, но и посредством дискурса СМИ (Романов, Ярская-Смирнова 2013). В результате актуальным представляется изучить ресурсы развития профессиональной культуры и профессиональной идентичности, содержащиеся в дискурсах масс-медиа.

Для того, чтобы рассмотреть способы конструирования представлений о профессиональной культуре социальных служб посредством освещения такого события, как День социального работника, мы обратились к методу дискус-анализа региональных СМИ. Мы считаем целесообразным сфокусировать внимание на периодических изданиях Саратовской области, как региона, в котором активно развивается социальная работа, во-первых, за счет создания сети социальных служб, и, во-вторых, благодаря академической подготовке специалистов по социальной работе, которую осуществляют вузы города.

В фокус нашего внимания попали масс-медиа Саратовского региона, в частности еженедельная общественно-политическая газета

«Саратовская панорама», являющаяся официальным изданием администрации города. Выбор данного периодического издания обусловлен тем, что на страницах газеты отражены различные аспекты общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни города. «Саратовская панорама» распространяется по подписке и в розницу в городе и области через почтовые отделения, киоски, частных распространителей, в подразделениях администрации города. Издание является популярной в регионе газетой, что обуславливает возможности воздействия освещаемых сюжетов на социокультурное сознание общественности.

Для анализа нами были отобраны номера «Саратовской панорамы», начиная с 2001 года, так как именно в этот период в России начали официально праздновать День социального работника. При осуществлении анализа публикаций мы опирались на идеи Е. Ярской-Смирновой, Г. Карповой, согласно которым были отобраны выпуски «праздничных» газет (Карпова, Ярская-Смирнова 2002), посвященных теме празднования Дня социального работника в России. В исследовании использовались материалы газеты «Саратовская панорама» за 2001–2016 годы, посвященные Дню социального работника и отображающие официальные установки в отношении данной профессии. Всего рефлексии подверглись 16 номеров «Саратовской панорамы», которые издавались в 2001–2016 годах в начале июня, то есть в момент официального празднования Дня социального работника. Выборка способствовала охвату периода с момента возникновения профессионального праздника социальных работников до современных событий, отражая основные этапы формирования представлений о социальной работе, как роде деятельности. Содержание публикаций, попавших в выборку, посвящено теме профессионального праздника социальных работников, раскрываемой в официальных обращениях властных структур, поздравлениях, репортажах о торжествах, приуроченных к Дню социального работника, отчетах о деятельности социальных служб. Анализ статей позволил судить о том, что вокруг обсуждения Дня социального работника были сформированы дискурсивные поля, согласно которым праздник становится символическим средством выражения официальных установок в отношении данной профессии. Рассмотрим основные дискурсы, которые отражают ключевые установки в отношении социальной работы, транслируемые посредством репрезентации профессионального праздника в публичном пространстве.

День социального работника как способ распространения профессиональных ценностей

Освещение в СМИ торжеств, посвященных празднованию Дня социального работника, как правило, сопровождается транслированием поздравительной речи высокопоставленных гостей из числа чиновников, которые указывают на важные ценности профессии, такие как гуманизм, милосердие, ответственность, альтруизм. Руководители социальных служб, приглашенные Министры выражают слова признательности представителям профессии, подчеркивая значимость той деятельности, которую они производят: «Этот праздник учрежден в знак благодарности за Ваш нелегкий, но жизненно необходимый многим труд» («*Поздравление мэра города...*»). В поздравительных речах труд социального работника рассматривается как высшая ценность для общества, что способствует формированию в массовом сознании представлений о данной профессии как социально значимой.

Для соблюдения основных принципов социальной работы и принятия ценностей, профессионал должен иметь набор личностных качеств, которые обеспечат эффективность осуществляемой деятельности. К таким личностным особенностям и качествам, согласно сюжетам СМИ, относятся эмоциональная устойчивость, эмпатия, коммуникабельность, терпеливость, доброжелательность, милосердие, деликатность, высокая нравственность: «Социальные работники – это люди особой миссии, призванные помогать, опекать слабых и беззащитных!» («*Поздравление главы муниципального...*»).

Профессиональные ценности профессии репрезентируются как готовность специалиста самоотверженно решать проблемы своих клиентов, делать всевозможное для того, чтобы помочь своему подопечному преодолеть трудности: «Здесь собрались те, кто каждый день посвящают заботе о людях, занимаются решением их проблем» (Цветкова «*День внимательных и душевных*»). Соответственно эмоциональная сфера специалиста постоянно находится под воздействием неблагоприятных факторов, так как конфликты и трудности в решении сложных проблем клиента могут вызывать состояние психической напряженности. В результате одним из наиболее важных личностных качеств специалиста по социальной работе становится умение контролировать свои эмоции. Профессиональные риски социальной работы следует интерпретировать сквозь призму концепции эмоционального труда, предложенной А. Хохшильд для объяснения

специфики интеракций «работник-клиент», происходящих в сфере обслуживания. Согласно взглядам А. Хохшильд, эмоциональный труд требует от работников контакта с публикой лицом-к-лицу, что способствует возникновению «нужных» эмоций и осуществлению жесткого контроля над собственной эмоциональной активностью. Главное качество хорошего работника — это эмоциональная выносливость, позволяющая уменьшить напряжение за счет сокращения дистанции между чувством и симулируемыми эмоциями (Симнова 2012). В рамках социальной работы умение контролировать свои эмоции является одной из ключевых ценностей профессии, что подчеркивается СМИ в обращениях официальных лиц к сотрудникам социальных служб.

Таким образом, благодаря воздействию масс-медиа, формируются определенные границы профессии, которые выстраиваются именно вокруг личностных качеств специалиста: «Ваши чуткость, отзывчивость и терпение, душевное тепло и щедрость сглаживают одиночество, боль и страдания людей» (*«Поздравление главы администрации...»*). Личностные качества представлены самоотверженностью, посвящению себя социальной работе и отсутствием стремления к получению материального достатка и зарабатыванию денег (Сельчонок 2015: 39). Именно личностные качества становятся основой для формирования ценностей и базовых принципов социальной работы, которых обязан придерживаться профессионал. Для «вхождения в профессию» недостаточно знаний, полученных во время обучения в вузе, весь акцент делается именно на личностных характеристиках, которые позволяют определить — сможет человек работать в данной сфере или нет.

Ритуальные практики в праздновании Дня социального работника

Достаточно популярными являются сюжеты СМИ, освещающие праздничные мероприятия, приуроченные к празднованию Дня социального работника. В последнее время традиционными становятся праздники, которые организуются министерствами, правительством, социальными службами, с целью чествования представителей профессии «социальная работа». Анализ статей газеты «Саратовская панорама» показал, что торжества, посвященные Дню социального работника, имеют определенный сценарий и проводятся по конкретной схеме.

Можно говорить о процессе ритуализации праздничного действия, организуемого в честь дня социального работника. В публикациях региональных СМИ мы находим статьи, в которых описываются основные элементы торжества, становящиеся обязательными и повторяющиеся из года в год, подобно ритуалу.

Празднование Дня социального работника невозможно представить без церемонии награждения людей, имеющих особые заслуги в области социальной защиты населения: «*Винювникам торжества вручили благодарственные письма, цветы, памятные подарки*» (Цветкова «*День внимательных и душевных*»). В «Саратовской панораме» вручение грамот, благодарственных писем, подарков сотрудникам социальных репрезентируется как ключевая составляющая празднования:

За многолетний труд в сфере социальной защиты населения и высокий профессионализм лучшие сотрудники награждены почетными грамотами (Там же).

Подобные формы поощрения социальных работников могут быть рассмотрены с позиции антропологической категории дарения, которая, согласно взглядам М. Мосса, является неотъемлемой символической составляющей любого праздника. Награждение сотрудников социальных служб во время праздничных мероприятий становится ритуалом, подобным дарению, подразумевающему раздачу даров, угощений, устройство пиршеств (Мосс 2011: 91). При этом акт дарения принято рассматривать как презентацию «Я», то есть принятие подарка означает принятие части духовной субстанции самого дарителя (Карпова 2008: 62). Дарения, производящиеся в ходе празднования Дня социального работника, предполагают установление контактов между властными структурами, инициировавшими церемонию награждения, и непосредственно людьми, которым вручаются грамоты и подарки. Получение подарка либо грамоты от руководства обязывает специалиста в качестве благодарности добросовестно выполнять свои трудовые функции.

Анализ периодических изданий показал, что в процессе празднования Дня социального работника должна соблюдаться тонкая грань между развлечением и деловой атмосферой. Соответственно торжество органично сочетает в себе деловую составляющую и развлекательную программу. Описание официальной части мероприятия представлено церемониями выступления почетных гостей, награждения отличившихся работников. За официальными ритуалами всегда следует концертная программа:

В практике нередким является обозначение в качестве праздника всякого крупного зрелища – концерта или театрализованного представления с большим количеством участников, народных гуляний, шоу (Карпова 2008: 19).

Праздничное мероприятие чаще всего заканчивается концертом либо шоу-программой, предназначенными для виновников торжества – социальных работников: *«Празднование продолжилось веселым концертом, который подготовили воспитанники городского Дворца творчества детей и молодежи» («За чуткость к людям»).*

Закрепление неравенства в профессии

Профессиональные коммуникации в условиях отечественной социальной работы выстраиваются по принципу иерархического подчинения, что подчеркивает значимость присутствия на профессиональных праздниках представителей Министерств, комитетов, депутатов:

Поздравить их пришли депутаты, представители областных министерств соцразвития, занятости, труда и миграции, администрации города (Цветкова *«День внимательных и душевных»*).

На деле ставшее уже традиционным приглашение официальных лиц на торжества, посвященные празднованию дня социальной работы, закрепляют состояние иерархии в профессии. Именно выступления чиновников открывают праздничные мероприятия, представителям власти дают право вручать награды:

В этот день все социальные работники и ветераны профессии получили памятные подарки от депутата Саратовской городской Думы, секретаря политсовета местного отделения «Единая Россия» Фрунзенского района (*«За чуткость к людям»*).

В публикациях чаще всего цитируются обращения официальных лиц, гораздо реже – представителей профессии, то есть людей, которые непосредственно включены в пространство социальной работы и обладают необходимыми теоретическими и практическими знаниями в данной сфере. Позиционирование средствами массовой информации мнения власти в качестве нормативного является средством символического воспроизводства неравенства в социальной работе, которая сегодня ориентирована на модель, связанную с исполнением задач, спускающихся сверху:

Социальные работники представляются профессионалами с ограниченной сферой влияния, деятельность которых не выходит за пределы моделирования или шлифовки методов работы, утвержденных властью (Ярская-Смирнова, Сорокина, Романов 2012: 13).

Налаженный контакт с Министерством и другими органами власти рассматривается как признак успеха предприятия социального обслуживания, но одновременно с этим закрепляет за специалистами состояние подчинения по причине отсутствия ресурсов, необходимых для реализации идей и проектов: *«Совместно с депутатами областной и городской дум Центр организует праздники, посвященные знаменательным датам»* (Миронова *«Их профессия...»*). Несмотря на наличие знаний и опыта, рядовые сотрудники социальных служб находятся в состоянии подчинения, и вынуждены соответствовать требованиям, которые высказывают властные структуры в отношении профессии. Подчинение официальным инстанциям становится неотъемлемым элементом деятельности специалистов по социальной работе, так как позволяет добиться от власти предоставления полномочий и ресурсов, необходимых для оказания помощи клиентам. Праздник, посвященный Дню социального работника, в данном случае становится пространством, позволяющим публично продемонстрировать наличие данной иерархии в профессии, когда специалист вынужден принимать условия руководства, часто подавляющего проявление инициативы со стороны рядовых сотрудников.

Стереотипизация образа социальной работы как профессии

В общественном сознании прочно укоренились стереотипные схемы восприятия социальной работы, как профессии, не требующей профильного образования и специальных знаний, и как следствие малооплачиваемой. Стереотипный образ профессии социального работника становится определяющим фактором в процессах гендерной сегрегации, происходящей в российском обществе. Газетные публикации, транслирующие информацию о Дне социального работника, характеризуют данную профессию исключительно как женскую: *«За праздничными столиками с фруктами, шампанским и конфетами в основном женщины»* (Сундукова *«Праздник милосердия»*). При этом основными критериями, согласно которым данный род деятельности приобретает

гендерную окраску, становятся, во-первых, маленькая заработная плата специалистов, и, во-вторых, выполнение функций заботы о клиентах:

Это профессия, связанная с состраданием, да к тому же малооплачиваемая, по плечу им, привыкшим опекать, по-матерински жалеть тех, кто нуждается в утешении и заботе (Сундукова «Праздник милосердия»).

Социальная работа как профессия ассоциируется с женским началом, в связи с чем наделяется соответствующими метафорами, указывающими на гендерную принадлежность специалиста. В частности И. Сундукова в своей публикации называет специалистов по социальной работе «*сестрами милосердия нашего мирного, но сложного времени*» (Там же), подчеркивая тем самым, что профессия ориентирована исключительно на женскую половину. Виды занятости, предполагающие заботу, обслуживание клиентов, соотносящиеся с традиционной женской ролью матери и хранительницы очага, оцениваются государством как второстепенные, то есть характеризующиеся низким престижем и невыгодными условиями оплаты труда. Изначально государство определило низкие оклады социальным работникам, фактически действуя на основании негласной установки о дешевизне женского труда, с одной стороны, и на основании гендерной сегрегации рынка труда, с другой. Публикации СМИ закрепляют в общественном сознании стереотипное представление о социальной работе как о «женской» профессии, на которой базируется символический контракт между специалистами (среди которых подавляющее большинство — женщины) — и властью (Ярская, Ярская-Смирнова 2002: 76).

Стереотипизация профессии заключается также в репрезентации взаимодействий специалиста по социальной работе с клиентами. Сюжеты, посвященные дню социального работника, характеризуют профессию как род деятельности, ориентированный исключительно на пожилых людей и инвалидов: «*Ваша помощь адресована ветеранам, инвалидам, пожилым людям*» («Поздравление мэра города...»). Социальные работники в публикациях предстают в основном в качестве специалистов, взаимодействующих лишь с некоторыми категориями клиентов — люди преклонного возраста, инвалиды, несмотря на то, что в профессиональных стандартах утверждается внушительный перечень групп населения, которым должна оказываться помощь. Чаще всего в СМИ упоминается практика социальной работы с инвалидами, пожилыми людьми, иногда семьями, благодаря чему происходит воспроизводство образа «типичного» клиента социальной службы:

ЦСОН Кировского района занимается оказанием помощи семьям, женщинам, детям, а также гражданам пожилого возраста и инвалидам (Миронова «*Их профессия...*»).

Сюжеты о работе с данными категориями клиентов появляются на страницах «Саратовской панорамы» гораздо чаще, чем статьи, касающиеся оказания помощи бездомным, молодежи, мигрантам или людям, страдающим наркотической, алкогольной зависимостями, осужденными. Во многом это связано с тем, что сама социальная работа с пожилыми и инвалидами имеет длительную историю и изначально находила свое выражение в непрофессиональных формах оказания помощи, таких как благотворительность или презрение.

Многофункциональность профессии: кого считать специалистом?

Несмотря на то, что уже многие годы вузы страны ведут подготовку специалистов по социальной работе, в обществе до сих пор не сложилось четкого мнения о том, кого можно считать представителем «помогающей профессии». Во многом это связано с тем, что в контексте российской социальной работы сферы образования и практики сосуществуют достаточно независимо друг от друга (Романов, Ярская-Смирнова 2015: 121). На деле значение профессиональных знаний игнорируется, в том числе благодаря средствам массовой информации, которые в данном случае лишь закрепляют противоречивый образ отечественной социальной работы, выпуская сюжеты о том, как на праздничных торжествах, посвященных Дню социального работника, награждают медсестер, врачей, техничек. Таким образом с профессией специалиста по социальной работе, начинает ассоциироваться любая деятельность, производящаяся на базе специализированных учреждений — комплексных центров социального обслуживания, домов-интернатов для престарелых и инвалидов, реабилитационных центров, центров помощи семье и детям. Представления о социальной работе, закреплённые в массовом сознании, благодаря СМИ, не соотносятся с такой категорией, как наличие специальных знаний, профильного образования. Часто сюжеты масс-медиа, посвященные празднованию Дня социального работника, рассказывают о труде медицинского персонала социальных учреждений, техничек, санитарок, а деятельность сотрудников, имеющих профильное образование, не попадает в фокус внимания журналистов. Вопросы профессиональной квалифи-

кации специалистов социальных служб не особо волнуют руководство, в результате чего наличие соответствующего образовательного капитала, рассматривается как необязательная составляющая профессиональной культуры. Академические знания в условиях отечественной социальной работы – ненужное украшение, невостребованное во время практической деятельности специалиста (Романов, Ярская-Смирнова 2015: 128).

Неоднозначное восприятие профессии выражается и в поздравлениях чиновников, которые не могут однозначно сформулировать, к кому обращена их речь. В одних случаях глава города поздравляет социальных работников («*Поздравление главы муниципального...*»), в других – работников учреждений социальной защиты населения («*Поздравление мэра города...*»). Если в первом случае профессия социального работника предполагает наличие определенных компетенций, закрепленных стандартами, то во втором случае под сотрудниками социальных учреждений могут пониматься также бухгалтеры, медицинские сестры, повара, уборщицы, – то есть все люди, трудовая деятельность которых осуществляется в рамках социальной службы. Таким образом СМИ начинают продвигать образ социальной работы как деятельности, не требующей особого профессионального капитала в виде знаний и образования. Социальный работник, согласно масс-медиа, – это сотрудник социальной службы без уточнения его образования и функциональных обязанностей. С одной стороны важным признаком профессии является наличие специального теоретического знания, лежащего в основе практической деятельности специалиста:

Частью профессионального комплекса и профессиональных притязаний является то, что практика должна базироваться на какой-то отрасли знания, к которой профессионалы особым образом причастны благодаря долгой учебе (Хьюз 201: 32).

С другой стороны сами средства массовой информации к профессии «социальная работа» причисляют людей, которые профильного образования не получали.

Резюме

Репрезентации профессии «социальная работа» в региональных СМИ становятся способом воспроизводства нормирующих представлений о данном роде занятия, однако при этом они вскрывают неформальные стороны деятельности специалистов. Несмотря на то,

что региональные масс-медиа транслируют официальные установки в отношении социальной работы, в рассмотренных текстах можно найти отражение специфики режимов повседневной деятельности профессионала. Социальная работа предстает как профессия, требующая от специалиста, скорее, не наличие профессионального капитала в виде знаний теоретического характера, а умения формировать особую эмоциональную среду, находящую свое выражение в личностных качествах и особенностях, соблюдении общечеловеческих принципов. Получается, что профессиональное образование, становящееся критерием доступа к квалифицированной работе, не будет иметь должного эффекта, если специалист не обладает набором личностных характеристик. Границы профессии, которые кажутся весьма очевидными и определяются наличием образования в сфере социальной работы, теряют свои очертания в контексте повседневных взаимодействий в случае, когда специалист не способен проявить личностные качества, необходимые для взаимодействия с клиентом.

Часто день социального работника, репрезентируемый региональными СМИ через сюжеты, описывающие торжества, посвященные данному профессиональному празднику, становятся средством выражения нормирующих установок в отношении профессии. Профессиональный праздник, подобно ритуалу, повторяющемуся из года в год, закрепляет состояние иерархии в отечественной социальной работе. Властные структуры, ставшие обязательным элементом праздничного действия, символизируют зависимость специалиста от руководства и высших инстанций – профильных министерств и комитетов.

Несмотря на то, что социальная работа как профессия существует в России с 1991 года, до сих пор отсутствуют четкие представления о данном роде деятельности. Репрезентации социальной работы в СМИ отражают ряд стереотипов, связанных с «помогающей профессией». Социальная работа по-прежнему воспринимается как форма занятости, предназначенная исключительно для женщин, вследствие чего мало оплачиваемая. Помимо этого, невыясненным остается вопрос, кого следует считать представителем профессии. В газетных статьях присутствует ряд трактовок профессии «социальная работа», согласно которым к специалистам могут быть причислены как специалисты, имеющие базовое образование, так и все сотрудники социальных служб, в том числе технички, медсестры, музыкальные работники.

СМИ воспроизводят противоречивые образы социальной работы, наполненные стереотипами, что способствует закреплению в обществе

представления о данной профессии, как неквалифицированном труде. В результате происходит снижение престижа профессии и востребованности профессионального образования. Социальная работа начинает рассматриваться как профессия, не требующая от кандидатов наличия специального образования и необходимых теоретических знаний.

Список проанализированных публикаций

- За чуткость к людям* // Саратовская панорама. 2014. № 23. С.13.
- Миронова В. *Их профессия – милосердие* // Саратовская панорама. 2009. № 21. С. 7.
- Поздравление мэра города – главы городского самоуправления Ю. Аксененко* // Саратовская панорама. 2002. № .23. С.2.
- Поздравление главы муниципального образования «Город Саратов» О. Грищенко* // Саратовская панорама. 2006. № 41. С.2.
- Поздравление главы администрации города Саратов Н. Романова* // Саратовская панорама. 2007. № 22. С.2.
- Поздравление мэра – главы городского самоуправления Ю. Аксененко* // Саратовская панорама. 2005. № 58. С.2.
- Сундукова И. *Праздник милосердия* // Саратовская панорама. 2004. № 59. С.2.
- Цветкова А. *День внимательных и душевных* // Саратовская панорама. 2012. № 23. С.3
- Цветкова А. *Спасибо за вашу заботу* // Саратовская панорама. 2016. № 22. С.11.

Раздел 4

Тематизация социального неравенства в текстах учебной литературы по социальной политике и социальной работе (2005–2013)

В этом разделе на основе анализа учебных пособий мы покажем, какие социальные группы чаще упоминаются в разговоре о «неравенстве», «дискриминации», «экономическом неблагополучии» и «бедности». Мы постараемся определить при помощи каких дескрипторов эти группы характеризуются в качестве «победителей и проигравших», «жертв и виновников» неравенства и других статусно-ролевых позиций; в каком контексте говорится о бедности, какие социально-классовые и гендерные смыслы присоединяются к этому понятию, в каких терминах объясняются причины и последствия бедности. Предпринимая попытку показать наиболее типичные категории в различных способах объяснения причин неравенства и бедности, определить векторы изменения логики этих объяснений, мы анализируем данную тематику не только в аспектах наличия интересующей нас проблематики, но и умолчания о ней.

Рассмотрение вопросов репрезентации бедности, социальной уязвимости и других семантических элементов социального неравенства представляет широкое поле для изучения. Авторы анализируют, как связаны социальная работа и неравенство в сфере здоровья в контексте глобализации, показывают, что причины вреда здоровью коренятся в глобальных социальных, экономических, средовых и политических тенденциях (Bywaters et al. 2009). Исследователи обращаются к вопросам освещения в СМИ задач и процессов социальной политики (Franklin 1999; Golding 1999; Golding, Middleton 1979), конструирования социальных проблем в масс медиа (Ясавеев 2004; Ярмиев 2008; Ярская-Смирнова, Присяжнюк 2013).

В частности, газета *АиФ*, по выводам ученых, пытается трактовать психологическое состояние бедных как неоднозначное, но эти состояния и переживания не становятся предметом обсуждения в издании, а «уравновешиваются» благодарностями и надеждами на то, «чтобы не было хуже» (Емельянова, Дробышева 2015).

Исследователи обращают внимание на тот контекст, в котором функционирует пресса: меняющееся общественное мнение и реформирующаяся социальная политика, а также электоральные циклы и другие события национального и глобального масштаба. Все эти факторы, как и особенности целевой аудитории издания, представляют собой ту среду, в которой формируются образы и складываются представления о значимых явлениях как о социальных проблемах (Larsen, Dejgaard 2013; Iarskaia-Smirnova et al. 2016).

Этический кодекс Союза социальных педагогов и социальных работников (Этический кодекс... 2003), содержит отсылки к проблематике социальной справедливости и социального неравенства:

Социальная работа обращается к барьерам, неравенству и несправедливости, существующим в обществе (раздел 6).

Права человека и социальная справедливость служат мотивацией и юридическим обоснованием социальной работы. В солидарность с теми, кто обижен судьбой, люди этой профессии стараются преодолеть бедность, помочь уязвимым и угнетённым людям, способствовать предоставлению социальных услуг каждому нуждающемуся (Раздел 7).

В этом контексте особенное значение имеет то, каким образом обсуждаются в учебной литературе по данной дисциплине категории «неравенство», «бедность», «малообеспеченность», а также такие понятия, как сироты, инвалидность, матери-одиночки, женщины, мигранты.

Анализ в учебных изданиях репрезентаций бедности, социального неравенства и других связанных с этими темами сюжетов, находится на периферии внимания отечественных ученых, однако некоторые авторы предпринимают усилия в этом направлении (см., например, Воронков и др. 2008; Романов, Ярская-Смирнова 2006b). За рубежом проводится анализ контента учебных изданий по социальной работе в разных аспектах: исследуются образы старения (Tomppkins et al. 2006) и умирания (Kramer et al. 2003), значимость отдельных технологий, например, превенции (Marshall et al. 2011). В исследовании Р. Стриера с соавторами отмечается (Strier et al. 2012), что учебники по социальной работе отражают множество практических интересов, педагогических

проблем и теоретических вопросов, знакомят студентов с принятыми взглядами, доминирующими перспективами и основными дискурсами знаний. На основе контент-анализа 50 учебников авторы делают вывод, что образование по социальной работе не учитывает или даже отрицает аспект социального класса. Между тем, классовые различия как часть других категорий (раса, этничность, гендер) являются важнейшими факторами, объясняющими разнообразие и неравенство. Мы согласны с тем, что поскольку социальная справедливость является основным принципом социальной работы, вопрос о том, как готовить студентов к тому, что они будут иметь дело с социальным неравенством в их будущей практической деятельности, является очень важным, в особенности в свете растущих классовых разрывов.

Исследование Дж. Прайс с соавторами фокусировалось на контент-анализе проблем бедности в учебниках по католической социальной работе (Pryce et al. 2010). Исследователи указывают, что еще основатели профессии социальной работы боролись за то, чтобы сделать приоритетом нужды бедных. И современные этические кодексы делают специальный акцент на борьбе с бедностью. Однако, на концептуальном уровне это стремление не всегда преподносится студентам. По данным контент-анализа рабочих программ курсов по католической социальной работе, авторы делают вывод об отсутствии в текстах отсылок к тем клиентам, которые живут в бедности. Кроме того, чрезвычайно редко встречаются упоминания необходимости бороться с бедностью в качестве задач социальной работы. Другие понятия, ассоциируемые с бедностью, в том числе «бедный», «неравенство» «социальный класс», «стратификация» практически отсутствовали в исследуемых материалах. Анализ показывает, что все больший акцент делается на понятии разнообразия, в противовес более прямому противостоянию роли социального класса и его влияния на благополучие и опыт клиентов. Бедность используется чаще всего как дескриптор разнообразия, а не тревожный сигнал, указывающий на рост структурной несправедливости.

Ранее мы уже исследовали репрезентацию проблем гендера и этничности в учебных изданиях по социальной работе и социальной политике: в анализ мы включали учебные издания, вышедшие до 2005 года (Ярская-Смирнова 2006; Романов, Ярская-Смирнова 2006а). В данном проекте мы сфокусировались на анализе репрезентации социального неравенства в текстах учебной литературы по социальной работе, изданных с 2005 по 2013 годы. Для анализа отбирались учебные пособия и учебники по вопросам социальной работы и социальной политики.

В ходе нашего исследования мы рассматривали риторику о социальном неравенстве и выделяли типичные социально-демографические характеристики «жертв» и «виновников» неравенства, обращая внимание на образы победителей и проигравших в борьбе с бедностью, стремясь установить динамику в характеристиках этих групп. Кроме того, мы намеревались показать наиболее типичные категории в различных способах объяснения причин неравенства и бедности, определить векторы изменения логики этих объяснений. Нам также необходимо было определить наиболее часто встречающиеся дескрипторы «индивидуальной» и «социетальной» моделей объяснений социального неравенства (черты личности или другие особенности индивидуальной ситуации, либо характеристики коллективных агентов неравенства).

Эмпирической базой послужили результаты анализа изданий (N=30) по основным дисциплинам учебного плана специальности «Социальная работа», изданных с 2005 по 2013 гг. Учебники и учебные пособия, отобранные для анализа, выпущены ведущими издательствами Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова на Дону. При этом 18 изданий имеют гриф УМО по образованию в области социальной работы или Минобразования России (тираж изданий от 2500 до 5000 экземпляров). Единицами счета для нас являлись следующие понятия: бедность, малообеспеченность, неравенство, социальная уязвимость. Кроме того, мы обращали внимание на формы социальной работы и направления социальной политики, описание которых затрагивало смысловые аспекты неравенства.

В ходе анализа перед нами стояли исследовательские вопросы о том, какие социальные группы наиболее часто упоминаются в разговоре о «неравенстве», «дискриминации», «экономическом неблагополучии» и «бедности». Нас интересовало, при помощи каких дескрипторов эти группы характеризуются в качестве «победителей и проигравших», «жертв и виновников» неравенства и других статусно-ролевых позиций, в каком контексте говорится о бедности, какие социально-классовые и гендерные смыслы присоединяются к этому понятию, в каких терминах объясняются причины и последствия бедности. Кроме того, мы выясняли, каким образом конструируются причины социального неравенства: что перевешивает — государственная политика или поведение людей, и как легитимируются («достойные» и «недостойные» бедные). При этом было важно обратить внимание на то, какие специфические черты позиций индивидов выступают объяснением причин сохранения / углубления / преодоления социального неравенства, какие агенты (государство, профсоюзы, НКО, семья, рынок, иностранные агенты) маркируются в качестве основных источников помощи

и преодоления социальной эксклюзии, и какие силы представлены выразителем или защитником интересов, запросов, проблем социальных групп или катализатором проблематизации социального неравенства.

Процедура исследования

На первом этапе была сформирована совокупность, включавшая 127 учебников и учебных пособий для специальности и направления подготовки «Социальная работа»¹, изданных с 2005 по 2013 гг. Из этой совокупности изданий на втором этапе мы отобрали издания, в которых имелись разделы, главы или параграфы, в наибольшей степени отражающих интересующую нас тематику. В итоговую выборку мы не включили переиздания одного и того же пособия, и пособия, изданные маленьким тиражом. Отобранные издания можно классифицировать по следующим темам: теория социальной работы (14), социальная работа с группами клиентов (N=11), социальная политика (N=3), история социальной работы (N=2). Всего было отобрано 30 учебников. Третий этап включал анализ структуры и содержания учебных пособий и осуществлялся следующим образом: просматривалась вся книга, начиная с тех разделов, которые содержали в названии интересующие нас темы бедности и социальной уязвимости (например, «бедность», «инвалидность», «безработица», «дети-сироты», «мигранты», «женщины», «гендер»).

На четвертом этапе была создана база данных, в которую по каждому учебному пособию заносились выходные данные и характеристики по следующим позициям: основные персонажи, причины и «виновники» бедности/неравенства, агенты помощи и поддержки, активная/ пассивная роль клиентов/граждан, гендерные аспекты образа бедных, связь с правами человека, ценностная/идеологическая позиция авторов (наличие дискриминационной риторики и/или антидискриминационных принципов).

Патернализм VS. либеральные ценности

Современная социальная политика выступает процессом либерализации социальной сферы, преобразования социальных систем, совер-

¹ См. список изданий в конце раздела.

шенствования механизмов функционирования культур. На смену узко юридическому пониманию равенства прав и механической концепции перераспределения, в которой государство воспринимается как обобщенная страховая компания (Розанваллон 1997: 13), приходят новые практики принципа справедливости. Этот принцип выступает краеугольным камнем профессионального проекта социальной работы. На международном уровне приняты документы, которые утверждают цель социальной работы – предпринять действия против растущего неравенства и всемирной динамики которая воспроизводит бедность и угнетение (Global Agenda... 2012). Опытные социальные работники во всем мире знают, что большинство людей в трудных ситуациях желают лучшего себе и своим семьям и хотят принять ответственные решения, чтобы это сделать. Проблема в том, что совокупность социальных, индивидуальных и экономических проблем вовлекают их в спираль проблем, от которых будет трудно уйти без помощи сильной семьи, сообщества или других сетей поддержки (Truell 2014).

Анализ текстов учебников и учебных пособий по социальной работе позволяет сделать вывод о том, что авторы используют политкорректную лексику (N=6, издания 2006, 2007 и 2011 гг.). Однако в некоторых учебниках (N=18, в основном издания 2005–2006 гг.) стигматизирующие высказывания нам встретились не только в тексте и названиях глав и разделов («социальная работа с лицами девиантного поведения» (Курбатов «Социальная работа...»), «национальные меньшинства» (Павленок «Технологии...»), но и в названии изданий (Шульга «Работа с неблагополучной семьей»; Дивицына «Социальная работа с неблагополучными детьми и подростками»). Кроме того, нашлось несколько изданий (N=5, издания 2006, 2008, 2009 гг.), в которых эксплицитно говорится об антидискриминационных принципах и правах человека.

Во многих изданиях (N=15) клиенты социальной работы показаны пассивными получателями услуг, носителями проблем. Так, по мнению Е. П. Агапова:

...необходимо учитывать, что клиент во многом зависит от социального работника, т.е. они находятся в неравных отношениях. Многим нуждающимся, и прежде всего тем из них, кто проживает в домах престарелых, детских домах, домах инвалидов и других подобных учреждениях, бывает очень трудно выразить свое действительное отношение к происходящему (Агапов «Методика исследований...»: 86).

Таких учебных пособий, где клиент изображался субъектом выбора, имевшим активную позицию, в нашей выборке нашлось всего три.

В изданиях 2005–2007 гг. чаще транслируются патерналистские ценности (инвалиды, пожилые, дети-сироты нуждаются в заботе государства, помощи социального работника, поскольку сами не способны принимать решения и заботиться о себе). Например:

Инвалиды как наиболее незащищенная категория населения, являясь больными, неконкурентоспособными, вынуждены по своим социально-экономическим показателям претендовать на государственные льготы и дотации (Сигида и др. *«Содержание и методика...»*: 39).

С 2008–2009 гг. все отчетливее говорится о либеральных ценностях, человек чаще рассматривается как самостоятельно организующий жизнь и решающий возникающие проблемы. В ряде учебных пособий прослеживается мысль о том, что клиент должен быть активным, задействовать собственные ресурсы или ресурсы ближайшего окружения, не ждать помощи от государства для улучшения собственного положения. Эту мысль можно проследить и в учебных пособиях 2010–2013 гг.

Начиная с 2008 г. появляются темы и разделы, в которых речь идет о волонтерстве, добровольчестве, благотворительности, деятельности общественных организаций как ресурсе социальной работы.

Пол и семья

Во всех анализируемых изданиях в описании детей и их проблем используется гендерно нейтральный дискурс: «дети-инвалиды», «дети-сироты», «беспризорные дети». Проблемы, специфические для девочек и мальчиков — сирот/беспризорных/инвалидов, не выделяются.

Коды гендера (женщина/мужчина), ролей (материнство/отцовство) чаще встречаются в разделах, посвященных описанию проблем семьи, а также льгот и гарантий. При описании монородительской семьи авторы не ставят под сомнение, что «ребенок и мать» это семья. При этом, такие семьи рассматриваются как «неправильные», «проблемные», «обрекающие на бедность своих детей», «лишающие их полноценного воспитания». И именно поэтому они становятся «объектом социальной работы». Так, по словам Н. Ф. Дивицыной

причинами отказа от детей и помещение их в государственные учреждения являются: неполная семья, алкоголизм матери... (Дивицына *«Социальная работа...»*: 76).

основная масса бездомных (62,5 %) – это дети, убежавшие из неблагополучных семей. Из них 43,7 % жили в неполных семьях, ... Лишь каждый четвертый беспризорник жил в полной семье (Дивицына *«Социальная работа...»*: 127).

Причины появления, и как считают некоторые авторы увеличения, неполных семей связаны с «неправильным воспитанием девочек»:

неполные семьи, отсутствие отца для дочери может обернуться распушенным поведением, ранним началом половой жизни, ее беспорядочностью. В таких семьях у подростков не развиваются чувства сопереживания и преданности (Сигида и др. *«Содержание и методика...»*: 87).

В некоторых изданиях материальные проблемы называются в качестве причин увеличения разводов:

В семьях безработных наблюдается повышенная конфликтность, снижается «порог терпимости», способность заботится друг о друге, увеличивается количество разводов (Курбатова *«Социальная работа...»*: 214).

Обратная зависимость тоже просматривается — если в семье есть безработные (а также инвалиды, три и более ребенка), то возникает потребность в социальной защите:

основную часть семей, нуждающихся в реальной социальной защите, составляют семьи с повышенной иждивенческой нагрузкой: семьи с инвалидом (ребенок, взрослый); многодетные семьи; семьи безработных; малообеспеченные семьи и прочие (*«Социальная защита населения...»*: 108–109).

Неблагополучная семья — это не только семья, материальная жизнь которой далека от нормальной, но и семья, которая утратила веру в возможность изменения своей жизни в лучшую сторону и продолжает идти к полному краху (Шульга *«Работа с неблагополучной семьей»*).

Если исходить из определения некоторых авторов, то благополучная семья:

Во-первых, это семья, которая выполняет все функции. Во-вторых, такая семья должна состоять из родителей и детей (не менее трех). В-третьих, все члены благополучной семьи связаны между собой невидимыми эмоциональными и межличностными связями, которые формируют семейное «я» человека (Там же).

Как видим на этом примере, в учебной литературе, адресованной будущим социальным работникам, транслируются такие ценностные ориентиры, которые стигматизируют людей, запуская символические процессы конструирования инаковости (Ярская 2012; Ярская-Смирнова, Романов 2013, Ярская-Смирнова 2013).

Культурная среда нередко воспроизводит дискриминирующее, медиалистское отношение по отношению к социальным проблемам и может негативно влиять на качество профессиональной деятельности социальных работников. Такие установки проявляются в повседневной жизни, масс-медиа, специальной литературе, в образовании (Елютина, Маврина, Ярская-Смирнова 2000). Само понятие дискриминационного языка очень новое для россиян, и люди не всегда распознают смысл социального исключения в тех словах, которые можно прочесть, скажем, в специализированном журнале или учебнике, а затем применить в практике своей работы. Вот какие примеры дискриминирующих представлений можно найти в профессиональных изданиях:

проблемы женского труда связаны с «женским предназначением (Павленок *«Основы социальной работы...»*: 275).

Решающую роль в алкоголизации женщин играют биологические особенности организма женщины, наследственная отягощенность (Сигида и др. *«Содержание и методика...»*: 266).

Вместе с тем, в учебной литературе обсуждается и вопрос о социальной справедливости, затрагиваются аспекты гендерного неравенства:

Женская безработица — один из наиболее распространенных видов безработицы, возникает в силу меньшей конкурентоспособности женщин на рынке труда: женщины несут за собой больший чем мужчины социальный груз (декретные отпуска, больничные по уходу за ребенком, обеспеченность яслями, детсадами и т.п.) Принцип справедливости требует, чтобы и мужчины и женщины имели равный доступ к работе по найму и к работе в семье (Курбатов *«Социальная работа для студентов вузов»*: 212).

В некоторых учебных изданиях обсуждаются понятия толерантности и гуманизма, при этом авторы стремятся решить сложные этические дилеммы:

Толерантное сознание не означает всетерпимость и отсутствие патриотизма. Толерантность и патриотизм взаимосвязаны... (Акмалова, Капицын *«Социальная работа ...»*: 81).

Эксплицитно звучит тезис о важности этических ценностей в социальной работе:

В основу деятельности по социальной профилактике должны быть положены принципы законности, демократизма, гуманного обращения с гражданами, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к гражданину с соблюдением конфиденциальности полученной информации... (Филатов *«Технология социальной работы...»*: 43).

Один из важных аспектов развития социальной работы как профессии — это движение от индивидуалистического, патологического определения социальных проблем к социальной модели, принимающей во внимание широкий социальный контекст, в котором проблема конструируется обществом и переживается человеком (Романов, Ярская-Смирнова 2008: 179-180). Поэтому социальный работник обязан анализировать социально-политический контекст жизненного опыта клиента, оценивать роль своей организации и более широкий социальный контекст, в том числе, например, связанный с адаптацией мигрантов:

Ксенофобия может проявляться не только со стороны «коренных» жителей, она бывает присуща и самим мигрантам, если они не желают считаться с культурой принимающего общества. Порой ксенофобия со стороны мигрантов становится мобилизующим мотивом шовинистов. В работу по борьбе с таким обоюдным национализмом так или иначе включаются социальные педагоги, социальные работники, которым приходится овладевать определенными знаниями по конфликтологии. Проявление ксенофобии — объективная реальность в современной России (Акмалова, Капицын *«Социальная работа ...»*: 79).

Очевидно, что профессиональное образование необходимо не только для знания технологий, практической деятельности и норм поведения на рабочем месте, оно должно помогать выявлять дискриминационность языка научной и политической экспертизы, в том числе, и в учебной литературе.

Кто виноват?

В ходе анализа мы условно разделили все объяснения социального неравенства на три типа дискурса. Первый из них связывает причины проблем с недостаточными усилиями государства, второй — с ошибками людей, третий — с недостатками рынка.

Социальная политика

Можно выделить группу изданий, объединяющую учебные пособия, в которых преобладает критический дискурс при описании государственной экономической и социальной политики. Государство (и его акторы) в данном случае рассматривается как причина существующего в обществе неравенства и бедности, роста незащищенных категорий граждан.

Стали достоверно известны такие факты, как занятость тысяч женщин в неблагоприятных условиях труда, заниженная оплата труда женщин, более низкий по сравнению с мужчинами уровень их квалификации, незначительное представительство женщин в органах законодательной и исполнительной власти, высокая загруженность домашней работой, снижение показателей здоровья нации и продолжительность жизни, рост детской и материнской смертности (Григорьев *«Психотехнологии...»*: 113).

Но таких текстов мало, и они практически не встречаются в мейнстримных изданиях, выпущенных большим тиражом.

Неправильное поведение людей

«Семья» трактуется некоторыми авторами как источник беспризорности, безнадзорности и сиротства:

Отсутствие должного ухода и содержания, пренебрежение интересами и потребностями развивающейся личности в семье создают реальную угрозу психическому и физическому развитию ребенка. Представленные сами себе, дети забрасывают учебу, отдают свободное время улице, неблагонадежной компании, бесцельному времяпрепровождению (Дивицына *«Социальная работа с детьми...»*: 139).

Безразличие к ребенку в семье стало не столь редким явлением, о чем свидетельствует рост случаев лишения родителей родительских прав. Игнорирование самых насущных потребностей ребенка в таких семьях нередко сопровождается жестоким обращением с ними (Дивицына *«Социальная работа...»*).

В семьях с низким доходом, по мнению Н. Ф. Дивицыной, преобладают родители, которые

не интересуются делами детей, не касаются вопросов достойного воспитания ... вынуждены тратить все свободное время на домашнюю работу, поскольку не имеют возможности приобрести

определенные товары, что отнимает все силы и лишает детей внимания со стороны значимых взрослых (Дивицына «*Социальная работа...*»).

В результате, по мнению этого автора,

у детей возникает устойчивое чувство подавленности, вызванное сознанием, что они нежеланны и недостойны любви. Последствия этого многообразны, имеют психологический и поведенческий характер... эти дети пополняют ряды беспризорников, которые становятся наркоманами, алкоголиками и занимаются проституцией (Там же).

Из всех проблем, которые призвана решать социальная работа, наиболее значимой является проблема безработицы, которая «коснулась всех, в том числе и молодежи» (Дивицына «*Социальная работа...*»). Незанятость молодежи делает эту категорию социально опасной:

На процесс социального становления влияют разнообразные социальные факторы, под воздействием которых в отдельных случаях формируются неадекватные данному обществу социальные качества личности, приводящие в последующем к разного рода социальным конфликтам («*Социальная работа с молодежью*»: 35,62).

Молодежь показана как проблемная группа, при этом:

молодежная безработица [...] особенно опасна. Именно из этого слоя пополняются ряды преступников, наркоманов, членов экстремистских политических течений. Поэтому трудоустройство молодежи должно быть объектом первоочередных экономических и правовых мер (Курбатов «*Социальная работа...*»:212).

Безработица, по мнению некоторых авторов, выступает причиной всех бед не только для молодежи, а для любых групп общества:

Безработица, как свидетельствуют многие социологические и социально-психологические исследования, имеет исключительно негативные социальные последствия для общества в целом, отдельных его групп и слоев, для семей, для каждого человека... [Она разрушает] не только личность человека, поскольку влияет на его психическое здоровье, но и такой социальный институт как семья (Павленок «*Технологии...*»).

Безработные представлены в медиализированном дискурсе: психологическая поддержка ... необходима безработным, которые находятся в состоянии депрессии со сниженной активностью,

пессимистическим настроем и плохим самочувствием (Павленок «*Основы социальной работы...*»: 246).

Рыночные силы как источник проблем

Другой дискурс винит рынок в бедах людей, которые не смогли приспособиться и оказались жертвами: «*Переход к рынку неизбежно вызывает значительный рост уровня безработицы*» (Павленок «*Технологии...*»: 67). В тексте используется драматизация в объяснении разрушительной роли рыночных сил:

Ухудшение условий жизни категории семей с низкими доходами происходит на фоне расширения рынка товаров и услуг для обеспеченных, что порождает дифференциацию учащихся, снижает авторитет родителей, ведет к росту семейных конфликтов. А в конечном итоге — сдерживает процесс социализации детей (Дивицына «*Социальная работа с детьми...*»: 29).

Наряду с «рынком» причинами ухудшения положения людей предстают «обстоятельства», «окружающая среда» и «ситуация»:

Семьи с несовершеннолетними детьми становятся жертвами обстоятельств и окружающей среды... Удельный вес семей с несовершеннолетними детьми и среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума столь значителен, что они по-прежнему остаются основной группой бедного населения. Уровень благосостояния семей непосредственно связан с числом детей, воспитывающихся и них. Низкая материальная обеспеченность ставит такие семьи в затруднительное положение (Дивицына «*Социальная работа...*»).

Мигранты находятся в ситуации маргинализации, которая, однако, отличается от ситуации одинокого, или пожилого человека, инвалида, безработного, лица, освободившегося из мест отбывания уголовного наказания. Мигранты — люди, которым необходимо помочь найти себя в новых территориальных, социально-демографических, духовно-культурных и профессиональных условиях, как правило, неблагоприятных, обеспечить формирование новых личных и общественных связей взамен утраченных (Акмалова, Капицын «*Социальная работа ...*»: 20).

Кто решит проблемы?

В учебных пособиях мы попытались выделить образы «спасателей», призванных решать социальные проблемы. К ним относятся государство,

региональные органы власти, социальная работа (социальные работники), общественные организации и сами клиенты.

Главным актором решения социальных проблем, по мнению авторов, выступает государство:

Решать социальные проблемы призвано государство, которое путем введения законов и нормативных актов гарантирует безопасность. Законом предусмотрены определенные гарантии соблюдения имущественных интересов ребенка и предотвращения возможных фактов злоупотреблений со стороны недобросовестных родителей (Дивицына «*Социальная работа с детьми...*»).

государство – институт социальной защиты – гарант соблюдения прав (Павленок «*Технологии...*»: 31).

В ряде изданий дается позитивная оценка государственной социальной политики:

В деятельности государства по отношению к семье укрепляются позитивные тенденции. Складывается идеология государственной семейной политики (Холостова «*Социальная работа с семьей*»: 36).

Внедряются государственные меры по сокращению экономической дифференциации, безработицы, улучшению городской экологии и т.п. (Курбатов «*Социальная работа для студентов вузов*»: 255).

И хотя наряду с государством в оказании услуг участвуют и другие акторы, именно государство играет здесь первую скрипку:

государство как основной субъект организации помощи; государственные социальные службы (федеральные и муниципальные) как территориальные структуры, непосредственно оказывающие такую помощь; смешанные службы – государственные и коммерческие структуры, ориентированные в основном на оказание социально-психологической помощи; учреждения, созданные общественными, благотворительными, религиозными и другими организациями как благотворительные центры (Там же: 22).

Общественные организации редко, но упоминаются в качестве акторов социальной работы:

роль социального работника в семьях группы риска чаще всего выполняют специалисты и общественные организации, которые приходят в семью для оказания помощи (Курбатов «*Социальная работа...*»: 212).

Активная жизненная позиция самих людей, участие граждан в решении социальных проблем в мейнстримных изданиях практически не упоминается. Эти темы появляются в вузовских изданиях:

Формирование семейной политики в регионе, воплощение ее в практику должно строится на принципе социального участия. Социальное участие укрепляет связи между государством и гражданами (Григорьев *«Психотехнологии...»*: 124).

Целью социальной работы с молодежью как деятельности является оптимизация механизмов реализации жизненных сил и социальной субъектности индивида или социальной группы (Там же: 69).

Еще одним субъектом решения социальных проблем выступает социальный работник, а также сама профессия социальной работы как важный социальный институт:

Социальные работники помогают в сложной жизненной ситуации, смягчают состояние дезадаптированности мигрантов, поддерживают социальную солидарность, снимают на персональном и групповом уровне социальную напряженность, облегчают поиск персональной, групповой и национально-государственной идентичности (Акмалова, Капицын *«Социальная работа ...»*: 19).

Социальная работа своими историческими корнями была тесно связана с общинными и религиозными институтами, традициями милосердия и добровольной помощи нуждающимся (см. Романов, Ярская-Смирнова 2005), выросла из них и во многом остается встроеной в монастырские, приходские, благотворительные и другие институциональные формы, выполняющие функции общественной интеграции (Кононенко 2013). В ряде пособий содержится отсылка к такого рода институтам, находящимся в основе профессиональной социальной работы, которые в этом случае также выступают механизмом решения проблем:

В основе цивилизационного феномена социальной помощи лежат многовековые религиозные, нравственно-этические традиции и правовые нормы (Циткилов *«История социальной работы...»*: 29).

Участие религиозных институтов в организации социальной помощи в современной России порождает новые комплексные взаимоотношения и ценности, новые сферы разделения труда и ответственности за решение социальных проблем.

Анализ профессиональной периодики

Для анализа профессиональной периодики был выбран научно-практический и методический журнал «Работник социальной службы» (РСС), который издается Межрегиональной общественной организацией «Ассоциация работников социальных служб» с 1997 года и освещает проблемы и практику деятельности руководителей, специалистов и других сотрудников социальных служб.

Вначале были просмотрены все номера журнала «Работник социальной службы» (N=79) за период с 2001 по 2013 год, затем был сформирован список статей (N=141), содержащий информацию по тематике исследования. Обработка статей проходила следующим образом: просматривалась вся статья, начиная с тех, которые содержали в названии ключевые понятия исследования, затем формировалась база данных, куда заносились данные и делались выписки по каждой статье. Количество статей, в которых речь идет о неравенстве, возрастает, начиная с 2007 г. Если с 2002 по 2006 г. выходило по одной такой статье ежегодно, то в 2007 их было уже шесть, в 2010—23, а в 2013—43.

Основные персонажи, упоминаемые в рассуждениях о неравенстве, — это «нуждающиеся», «пожилые», «многодетные семьи», «граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации», «дети-сироты», «инвалиды», «дети-инвалиды», «малоимущие», «семьи группы риска», «асоциальные семьи», «проблемные семьи», «неблагополучные семьи», «семьи, имеющие детей-инвалидов», «бездомные», «бомжи», «бывшие воспитанники детских домов». С 2009—2010 гг. в названиях и текстах статей появляются категории «граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации», «семьи в социально опасном положении», «дети, попавшие в трудную жизненную ситуацию». В отличие от учебной литературы в профессиональной периодике ни разу не упоминаются категории «бедные» и «нищие».

Среди прочих доминирует тема «неблагополучной семьи», при этом к признакам неблагополучия в статьях относят материальные трудности, структуру домохозяйства, особенности эмоциональной культуры семьи и нравственных устоев родителей. В широкую категорию «неблагополучной семьи» входят как многодетные семьи (имеющие в первую очередь проблемы экономического характера), так и семьи, в которых зафиксировано насилие над ребенком. К данной категории авторы статей относят и «семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации», связанной с потерей работы родителями или с злоупотреблением алкоголем.

Понятия «малоимущих» и «нуждающихся» коннотируют с исключением из «нормального» общества. Наряду с термином «проблемные семьи» и «неблагополучные семьи» активно применяются понятия «семьи группы риска, в социально опасном положении, с признаками неблагополучия».

В период с 2009 по 2013 г. публикуется серия статей, в которых говорится о необходимости строить работу с «малоимущими» гражданами на принципах «гуманизма и сотрудничества, поддержки и укрепления семейных связей; защиты их прав и интересов». Кроме того, с 2009 увеличивается количество публикаций, в которых акцент делается на необходимость комплексного решения проблем на основе межведомственного взаимодействия, появляются акценты на взаимодействии не только с органами местного самоуправления, общественными, благотворительными и религиозными организациями, но и непосредственно «с получателями услуг», «гражданами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации» (2010, 2013). Вместе с тем, сохраняется и точка зрения о том, что только работник социальной службы может помочь в решении проблем малообеспеченных граждан или граждан попавших в трудную жизненную ситуацию, поскольку «именно на учреждения социального обслуживания населения возложена задача» подобного рода.

Резюме

Анализ показал, что к наиболее типичным «объектам» социальной работы отнесены в порядке убывания частоты следующие категории: семья, бедные, дети, инвалиды, пожилые, мигранты. Эти категории в подавляющем большинстве случаев классифицируются в проанализированных учебных изданиях как «жертвы» социального исключения, неравенства, которое, в свою очередь, объясняется группой причин, условно группируемых в три кластера: государство, рынок, сами люди. Недочеты государственной политики, поведение или аскриптивные характеристики самих «объектов» социальной работы в этих объяснениях доминируют над рыночными силами. Описания «объектов» социальной работы нередко оперируют эссенциалистскими аргументами, в логике которых из наименования категории клиента следует вывод об их онтологической неприспособленности и «дезадаптированности».

Главными акторами решения социальных проблем представлены государство и социальные работники. Лишь в трех изданиях клиенты показаны субъектами выбора и действия, в контексте взаимосвязей

граждан и государства. Критический антидискриминационный подход звучит еще реже (N=5). В 18 изданиях звучат стигматизирующие термины, причем язык более ранних изданий отличается меньшей корректностью.

Если в изданиях 2005–2006 гг. транслируются в основном патерналистские ценности (инвалиды, пожилые, дети-сироты нуждаются в заботе государства, помощи социального работника, поскольку сами не способны принимать решения и заботиться о себе), то с 2008–2009 гг. все отчетливее звучат либеральные ценности, человек рассматривается как самостоятельно организующий жизнь и решающий возникающие проблемы (клиент должен быть активным, задействовать собственные ресурсы или ресурсы ближайшего окружения, не ждать помощи от государства для улучшения собственного положения). Эту идеологию можно проследить и в учебных пособиях 2010–2013 гг. Начиная с 2008 г. появляются темы и разделы, в которых речь идет о волонтерстве, добровольчестве, благотворительности, деятельности общественных организаций как ресурсе социальной работы.

Во всех анализируемых учебниках в описании детей и их проблем присутствует гендерно нейтральный дискурс: «дети-инвалиды», «дети-сироты», «беспризорные дети». Не выделяются проблемы специфические для девочек- и мальчиков — сирот/беспризорных/инвалидов. Коды половых признаков (женщина/мужчина), ролей (материнство/отцовство) чаще всего встречаются в разделах, посвященных описанию проблем семьи, а также льгот и гарантий. При описании монородительской семьи авторы не ставят под сомнение, что это семья «ребенок и мать». Нередко такие семьи рассматриваются как «неправильные», «проблемные», «обрекающие на бедность своих детей», «лишающие их полноценного воспитания» и потому являющиеся «объектом социальной работы».

Причины появления, и как считают некоторые авторы увеличения неполных семей, связаны с

неправильным воспитанием девочек», «неполные семьи, отсутствие отца для дочери может обернуться распущенным поведением, ранним началом половой жизни, ее беспорядочностью. В таких семьях у подростков не развиваются чувства сопереживания и преданности (Сигида и др. *«Содержание и методика...»*).

и даже с тем, что «современное общество виновно в разрушении или ослаблении семейных связей».

Материальные проблемы называются в качестве причин семейной дезинтеграции:

В семьях безработных наблюдается повышенная конфликтность, снижается «порог терпимости», способность заботиться друг о друге, увеличивается количество разводов (Курбатов *«Социальная работа для студентов вузов»*).

Неблагополучная семья – это не только семья, материальная жизнь которой далека от нормальной, но и семья, которая утратила веру в возможность изменения своей жизни в лучшую сторону и продолжает идти к полному краху (Шульга *«Работа с неблагополучной семьей»*).

Родители с низким доходом и их дети в некоторых изданиях описаны в дискриминационных терминах.

Анализ изданий позволил сделать выводы об особенностях ценностно-символической структуры репрезентаций. Поскольку главный «объект» социальной работы – семья – воспринимается как мишень педагогических, медицинских воздействий и контроля: «здоровые», «нормальные» и «обычные» противопоставляются «неблагополучным», то публикации категориально организованы как дискурс диагноза и контроля. В исследовании аргументируется вывод о том, что такая стигматизация выполняет функцию социального контроля за нормативным порядком общества. Аргументы, представленные в учебной литературе и профессиональной периодике, развиваются под влиянием определенных идеологий, которые направляют логику изложения и содержание вывода. Такой дискурс характеризуется нормативностью и «технократическим оптимизмом», например, в описаниях механики перевода людей из статуса зависимых в статус трудящихся, из «дезадаптированных» в «адаптированные», в нем не поднимаются вопросы о том, как государства всеобщего благосостояния производят, воспроизводят или модифицируют неравенства, например, по полу, расовым или этническим различиям, инвалидности. Причины социальной уязвимости бедных усматриваются в порочной морали и дисфункциональном поведении людей. Наблюдается некоторая динамика ценностных ориентиров в направлении либерально-демократических принципов, однако, сохраняются и преобладают устойчивые нормативные модели «правильных» граждан, мужчин и женщин, семей и детей.

За последние десять лет российские политики обращали заметно большее внимание на социальную работу в русле перехода от неолиберальной политики к «политике вмешательства», финансируемой благодаря доходам от природных ресурсов (Cook 2011; Iarskaia-Smirnova et al. 2016). Более высокие зарплаты, конкурентоспособные гранты

и профессиональные награды в области социальной работы отражают больший акцент на социальных вопросах и увеличение расходов, в том числе в ответ на протесты по поводу реформ государства благосостояния (Wengle, Rasell 2008). И хотя с 2006 года учреждения социального обслуживания получили возможность стать «автономными учреждениями» с децентрализованным управлением и самостоятельным бюджетом, социальная работа и российский бюджетный сектор по-прежнему характеризуется высоким уровнем государственного регулирования.

Бедность и социальная уязвимость по-прежнему официально представляются в основном как материальные лишения, меньше внимания уделяется идеям независимости, интеграции и холистскому, комплексному пониманию благополучия, тем самым ограничивая полномочия социальных работников.

В фокусе социальной политики и социальной работы – семья, дети, пожилые и другие «правильные» группы клиентов, в ущерб необходимой поддержке маргинализованных и стигматизированных групп российского общества (например, мигрантов, людей с проблемами психического здоровья, потребителей наркотиков, несовершеннолетних правонарушителей и бывших заключенных). Проблематика социального неравенства имплицитно встроена в дискурсы учебной литературы и профессиональной периодики, при этом маргинальный статус самой профессии не рефлексирована. Между тем, низкий экономический ресурс, ограниченные полномочия и невысокий престиж профессии усиливаются стереотипами «женской работы».

В современных условиях появляются новые культурные объяснения и оправдания социального неравенства. Социальное государство как система институтов, идеологий и практик, оформляющих повседневную деятельность и социальные границы между людьми, само по себе автоматически не устраняет неравенства. Институты государства всеобщего благосостояния нередко воспроизводят, модифицируют неравенства по полу, расовым и этническим различиям, инвалидности.

Список проанализированных источников

Аверин А. Н. *Социальная защита отдельных категорий населения: учебное пособие*. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М.: РАГС, 2009.

Агапов Е. П. *Методика исследований в социальной работе*. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К⁰»; Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2010.

Акмалова А. А., Капицын В. М. *Социальная работа с мигрантами и беженцами: учеб. пособие для студентов вузов*. М.: ИНФРА-М, 2008.

Бочарова О. В. *Право социального обеспечения: учебное пособие*. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2011.

Волгин Н. А., Гриценко Н. Н., Шарков Ф. И. *Социальное государство: учебник для вузов*. М.: Изд. – торг. корпорация «Дашков и К», 2007.

Воронцова М. В., Коротенко Н. Ф., Абрамян А. К. *Социальное обслуживание пожилых людей*. М.: РГСУ, 2012.

Григорьев Н. Б. *Психотехнологии группового тренинга*. Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы. СПб.: СПбГИПСР, 2008.

Григорьев С. И., Гусякова Л. Г., Гусова С. А. *Социальная работа с молодежью: учебник для студентов вузов*. М.: Гардарики, 2006.

Дементьева Н. Ф. *Социальная работа в учреждениях социально-реабилитационного профиля и медико-социальной экспертизы / Учеб. пособие*. М.: Издательский центр «Академия», 2010.

Дивицына Н. Ф. *Социальная работа с детьми группы риска*. М.: Владос, 2008.

Дивицына Н. Ф. *Социальная работа с неблагополучными детьми и подростками*. Ростов н/Д: Феникс, 2005.

Зборовский К. Э. *Группы самопомощи в технологии социальной реабилитации инвалидов: Учеб. – методич. пособие*. Минск: Общественная организация «Белорусская ассоциация социальных работников», 2008.

Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. *История социальной работы за рубежом и в России (с древности и до начала XX века): учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по спец. «Социальная работа»*. М.: Академический Проект: Трикста, 2005.

Курбатов В. И. *Социальная работа для студентов вузов*. Изд. 2-е. Ростов н/Д: Феникс, 2005.

Курбатов В. И. *Социальная работа: учеб. пособие для студентов высш. учеб. завед.* – 5-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.

Медведева Г. П. *Профессионально-этические основы социальной работы: учебник для студентов вузов*. М.: Академия, 2007.

Никитина Н. И., Глухова М. Ф. *Методика и технология работы социального педагога: учеб. пособие для студ. пед. училищ и колледжей, обуч. по спец. «Соц. педагогика»*. М.: ВЛАДОС, 2005.

Павленок П. Д. *Основы социальной работы: учебник*; Рекомендовано МО. – 3-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2009.

Павленок П. Д. *Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности*. М.: Дашков и К, 2006.

Проблемы социальных девиаций/ Под ред. Е. П. Агапова: Учеб. пособие, изд-во Ростов-на-Дону: Центр универсальной полиграфии, 2010.

Сигида А., Бабкин Н. И., Беззубик К. В., Лукьянов И. Е. *Содержание и методика социальной работы* / под ред. Е. А. Сигиды. М.: Владос, 2005.

Социальная защита населения: опыт организационно-административной работы / под ред. В. С. Кукушина. М.; Ростов н/Д: МарТ, 2005.

Социальная работа с молодежью: учебник для студентов вузов / под ред. С. И. Григорьевой, Л. Г. Гусяковой, С. А. Гусовой. — М.: Гардарики, 2006.

Тетерский С. В. *Введение в социальную работу* — 5-е изд. М.: Академический Проект, 2006.

Филатов В. А. *Технология социальной работы: учебное пособие*. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008.

Фирсов М. В., Студенова Е. Г. *Теория социальной работы: учеб. пособие для студ. вузов- 2-е изд., доп. и испр.* М.: Академический Проект, 2005.

Холостова Е. И. *Социальная работа с дезадаптированными детьми: учеб. пособие*. М.: Дашков и К, 2006.

Холостова Е. И. *Социальная работа с семьей: учеб. Пособие*. М.: Дашков и К, 2006.

Холостова Е. И. *Социальная работа с инвалидами: учеб. пособие*. М.: Дашков и К, 2006.

Холостова Е. И. *Генезис социальной работы в России*. М.: Дашков и К, 2006.

Циткилов П. Я. *История социальной работы: учеб. пособие для студентов высш. учеб. завед.* Ростов н/Д: Феникс, 2006.

Червякова Г. А. *Введение в профессию «Социальная работа»: учебник для студентов учреждений высш. проф. образования*. М.: Академия, 2012.

Шульга Т. И. *Работа с неблагополучной семьей*. М.: Дрофа, 2005.

Заключение

Каждая профессия обладает своим социокультурным пространством, которое воспроизводит рамки, определяющие характер взаимоотношений специалистов с государством и внутри данной профессиональной группы. Профессиональная культура специалистов социальной работы формируется под воздействием ряда факторов: государственные приоритеты, социально-экономический контекст, социальная политика, специфика профессиональных отношений в конкретных организациях. Трансформации в сфере экономики, политики, духовной жизни общества обеспечивают систематическое изменение профессиональной культуры работников. Социокультурные установки российского общества и ценностно-символическая составляющая социальной политики влияют на нормы и ценности сотрудников социальных служб.

Профессиональная культура специалистов социальной работы формируется в сложном контексте, в котором пересекаются и взаимодействуют несколько ценностных систем. Во-первых, это наследуемые со времен социализма ценности патернализма, во-вторых, неолиберальные ориентиры реформ социальной политики с их приоритетами индивидуальной ответственности и уменьшением роли социального государства, в-третьих, акценты на традиционных символах государства-нации. Наконец, это определения профессиональной деятельности, принятые в международном контексте и согласуемые с либеральной концепцией прав человека. Именно эти контексты должны приниматься во внимание при концептуализации и эмпирическом исследовании профессиональной культуры сотрудников социальных служб в целом и специалистов социальной работы, в особенности.

Кроме того, необходимо принимать во внимание разнотечность самого наименования профессиональной деятельности. С одной стороны, социальная работа известна во всем мире как высококвалифицированный вид деятельности, обладающей серьезными теоретическими

компетенциями и строгой ценностно-нормативной рамкой. С другой стороны, в России мы имеем дело с размытостью и неопределенностью трактовки социальной работы, рассогласованием статусных характеристик и – предположительно – с ценностным диссонансом в рамках профессиональной культуры. Заимствуя в конце 1980-х практику социальной работы, российская система социальной защиты не смогла, да и не должна была перенести на чужую социокультурную почву весь профессиональный комплекс, сложившийся в странах с давними традициями развития этого вида занятости и образования. Она во многих проявлениях отличается от западных моделей и не во всем стыкуется с развивающейся параллельно системой российского образования по социальной работе.

Профессиональная культура понималась как ценностно-символическая система, включающая нормы, ценности, знания, символы, связанные с формальными и неформальными практиками и отношениями представителей конкретного рода занятий. Профессиональная идентичность рассматривалась как результат самоотнесения себя к определенной группе, характеризуется в терминах уровня сплоченности группы, степени осознания ее членами общих целей, интересов. Кроме того, оценивалось наличие специальной подготовки, общего кодифицированного знания, коллективной идентичности, признания со стороны общества.

Профессиональная культура социальных служб содержит противоречивые элементы еще и потому, что с одной стороны, специалисты, являясь агентами социального государства, должны выполнять функции заботы и контроля, а с другой - призваны учитывать право выбора клиентов на самоопределение. В рамках интерпретативистского подхода, допускающего множественность нормативных систем и определений, возможно использование категории «профессиональная культура» как родового по отношению к разнообразным профессиональным культурам, формирующимся в среде профессиональных сообществ и организаций.

Интегративная методология социально-антропологического подхода к исследованию профессиональной культуры включает различные уровни и виды данных для анализа культурного ресурса профессионального статуса. Культурный ресурс здесь – это групповая идентичность (профессиональная культура), стратегии получения престижа: признание роли квалификации, этического кодекса как объединяющего профессионалов инструмента, способы повышения престижа, репутации профессии и организации.

Профессиональная культура социальных служб рассматривается здесь как система связанных между собой ценностно-символических и поведенческих элементов, рассматриваемых на разных уровнях. К ним относятся установки и идеалы, которые формулируются в различных формальных и неформальных дискурсах о профессии: в официальных нормативных документах, учебных изданиях, средствах массовой информации и в повседневных дискурсах организаций и профессиональных сообществ. Некоторые из таких убеждений представляют собой устойчивые, широко распространенные идеологии профессионализма, которые воспринимаются как универсальная истина в более широком культурном и социальном контексте (Романов, Ярская-Смирнова 2011). В частности, следует обратить внимание на то, что в современных условиях появляются новые культурные объяснения и оправдания социального неравенства, идут символические процессы конструирования инаковости. В связи с этим важно отразировать те ценностные установки, которые проявляют себя в риторике социальной политики и практике социального обслуживания. Акцент, в частности, становится на том, как в дискурсах социального государства конструируются категории нормальных и ненормальных индивидов и семей. Используемые учеными и специалистами-практиками определения понятий не являются ценностно нейтральными, проникают в практическую деятельность и влияют на политику в отношении различных групп населения, создавая сеть контроля над людьми, попавшими в ловушку экономической нестабильности.

Перспектива социально-антропологического подхода вовсе не отрицает, а требует контекстуализации данных на макро-уровне, в частности, на этом этапе исследования этот подход осуществлялся с помощью анализа дискурсов масс медиа. В исследовании были проанализированы социокультурные условия, в которых формируется профессиональная идентичность работников социальных служб; выявлены противоречия статуса и идентичности представителей помогающих профессий, включая прежде всего социальную работу, в контексте репрезентации этой профессии в СМИ и академических публикациях; обозначены ключевые барьеры и способы активизации ресурсов статуса и профессиональной идентичности представителей профессии «социальная работа». Проведение контент-анализа крупных центральных СМИ не менее чем за 10 лет позволило проанализировать образы социальной работы и оценить публичный имидж профессии. Были выявлены и проинтерпретированы факторы, влияющие на характер профессиональной

идентичности специалистов социальной работы, вскрыты противоречия статуса и идентичности представителей профессиональной группы, занятых в разных типах учреждений социальной защиты населения и городах России.

Социальная работа известна гуманистическими идеалами, однако остается вопрос готовности специалистов служить в первую очередь интересам общества, а не бюрократии. В профессиональную практику входят понятия инклюзии, сплочённости, расширения прав и возможностей. Но доминирующее влияние капиталистических ценностей и менеджериализм в государственном секторе ставят вопросы профессиональной подотчетности, характера ролей и функций социальных работников. Не все образовательные программы фокусируют внимание на антидискриминационных принципах, учебникам не хватает критической оценки социальных проблем, выпускники чувствуют себя не подготовленными к реалиям профессиональной практики. Общественное восприятие профессии связывается с помощью пожилым людям на дому, администрированием социальных благ, легитимирует низкую заработную плату. Учреждение праздника «День социального работника» и Всероссийского конкурса на лучшего работника социальной службы в России служит повышению престижа профессии. В то же время система базовых компетенций пока фрагментарна, статус профессии остаётся неопределенным, профессиональная группа не обладает должным престижем.

Выявление различий в типах дискурсов социальной работы, репрезентирующих аспекты идентичности и ценностей этой профессиональной группы, осуществлялось посредством анализа СМИ и учебников по социальной работе, нормативных документов и публикаций в СМИ. Дискурсивные разногласия отнюдь не ограничены лишь рамками научной или популярной литературы; они сопутствуют процессам обновления социальной политики и соответствующего законодательства, учреждения и расширения сети социальных служб, обсуждения методов социальной работы с семьей и детьми.

Профессии не существуют сами по себе, но постоянно определяются и переопределяются в СМИ, официальных документах, в повседневных коммуникациях. Иными словами, от того, кто и как говорит о профессии, ее представителях, от того, какие ее образы создаются в СМИ, во многом зависит статус данного вида специализированной деятельности. Поэтому важной контекстуальной составляющей профессиональной культуры выступает образ профессии в массовом

сознании. Релевантными здесь оказываются и исследования общественного мнения, в частности, установок населения в отношении социальной поддержки. Повседневные знания, мнения, распространенные в обществе, часто перекликаются с публичными дискурсами или воспроизводят их. Тем самым возникает широкое поле допущений и толкований, большая часть из которых переходит до уровня повседневных акторов – социальных работников, педагогов, психологов детских учреждений – в виде упрощенных, но не всегда четко проговариваемых формул. При этом дискурсы СМИ, законодательство, общественное мнение – это тот широкий контекст, в котором развивается профессиональная идентичность и профессиональная культура. Но то, как сами специалисты понимают свою профессию, далеко не полностью совпадает с мнением, формирующимся в обществе. Работники создают свое понимание собственной профессии, обсуждая свою деятельность в организации. Корпоративные, организационные регуляторы, формулируемые и распространяемые сверху вниз, могут выходить на первый план вместо этических конвенций.

В печатных СМИ социальная работа чаще всего демонстрируется как часть государственной политики, система оказания социальных услуг населению. Формат и характер этих услуг меняется в след за изменениями социальной политики и развитием технологий социальной работы. Важность деятельности социальных служб отмечается в подавляющем числе материалов газет, хотя есть и указания на недостатки системы. Точками роста для повышения качества оказываемых услуг являются: профессиональное развитие сотрудников, налаживание межведомственного взаимодействия, поиск дополнительных источников финансирования деятельности социальных служб, в то числе за счет сотрудничества с негосударственными организациями.

На данный момент профессиональная культура специалистов по социальной работе характеризуется сильной зависимостью специалистов от мнения руководства. Специалисты опасаются проявлять инициативу в ситуациях, когда интересы клиента надо отстаивать перед начальством или в других вышестоящих инстанциях. Низкая степень автономии не дает возможности сотрудникам социальных служб реализовывать эффективные формы работы с клиентами. Специалистам по социальной работе необходимо постепенно выходить за рамки привычного образа социального обслуживания, выражающимся в оказании бытовой помощи клиентам, оформлении пособий. Во многом это возможно благодаря переосмыслению стереотипных

суждений о профессии, согласно которым социальная работа — это низкоквалифицированный труд. По мере развития профессионального образования и популяризации социальной работы как развитой профессии в общественном сознании, специалисты начнут воспринимать себя как агенты перемен, способные изменить жизнь своих клиентов к лучшему.

Специалистам по социальной работе следует расширять спектр знаний и навыков работы с разными категориями клиентов. На данный момент в социальных службах привыкли работать с так называемыми традиционными клиентами — пенсионерами, инвалидами, семьями. Методы работы с данными социальными группами хорошо знакомы специалистам по социальной работе. Однако в случае, когда специалист по социальной работе начинает взаимодействовать с другими категориями — мигрантами, бездомными, ВИЧ-инфицированными, людьми с аддикциями, практик ощущает себя в ситуации высокой степени неопределенности.

По результатам исследования становится очевидной необходимостью дальнейшей профессионализации социальных работников, важно развивать межведомственное и межсекторное взаимодействие, искать новые источники финансирования деятельности социальных служб, в том числе через систему контрактов. Для поднятия престижа профессии можно проводить более детальное ознакомление авторов материалов СМИ с деятельностью социальных служб и их важностью, демонстрация примеров работы и важности социальных служб в других странах.

Развитие профессиональной культуры социальных работников актуализирует и рост исследовательской культуры — в России важно продолжать и расширять исследования социальной работы. Это позволит повысить рефлексивность практики оказания услуг, будет способствовать формированию культуры оценки деятельности организаций и специалистов. С этой целью важно также проводить систематический мониторинг образа социальной работы и других профессий социального государства в российских СМИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абрамов Р. Н. (2005) Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу). *Социологические исследования*, 2 (1): 54–66.

Алексеева Е. В. (2006) Профессиональные праздники в контексте праздничной культуры. *Омский научный вестник* (10–12): 199–203.

Бодрийяр Ж. (1999) Реквием по массмедиа. *Поэтика и политика*, СПб: 193–226.

Вебер М. (1994) Основные понятия стратификации. *Социологические исследования*, (5): 147–156.

Воронков В., Карпенко О., Осипов А. (ред.) (2008) *Расизм в языке образования*, СПб: Алетейя.

Елютина М. Э., Маврина Е. А., Ярская-Смирнова Е. Р. (2000) Рецензия на учебное пособие: Яцемирская Р. С., Беленькая И. Г. Социальная геронтология: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1999. *Социологические исследования*, (7): 150–153.

Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. (2015) Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности). *Психологические исследования*, 8 (39). Доступно по ссылке: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1085-emelyanova39.html>.

Карпова Г. (2008) *Праздник в контексте социальных изменений: традиция и власть*, Саратов: «Научная книга».

Карпова Г. Г., Ярская-Смирнова Е. Р. Г (2002) Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе международного женского дня. 1920–2001 годы. И. Р. Чикалова (ред.) *Женщины в истории: возможность быть увиденными*, Минск: Издательство БГПУ.: 175–191.

Кононенко Р. В. (2013) Дилеммы профессионализации приходской социальной работы в государстве благосостояния. *Журнал исследований социальной политики*, 11(3): 369–376.

Кульман Э. (2007) Разновидности профессионализма поздней современности: на примере немецкой системы здравоохранения. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов (ред.) *Профессии.doc*, М.: Вариант, ЦСПГИ: 41–56.

Мансуров В. А., Юрченко О. В. (2005) Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе. *Социологические исследования*, (1): 66–77.

Мансуров В. А., Юрченко О. В. (2013) Социология профессиональных групп: история становления и перспективы. *Вестник Института социологии РАН*, (7): 91–106.

Мосс М. (2011) *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, М.: КДУ.

Постановление Госкомтруда СССР (1991) О дополнении квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих и об установлении должностных окладов специалистов по социальной работе N 92 от 23.04.91.

Приказ Министерства социального обеспечения РСФСР (1985) О проведении эксперимента по организации отделений социальной помощи на дому одиноким нетрудоспособным гражданам № 53 от 03 апреля 1985 г.

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ (2013) Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по социальной работе» N 571н от 22 октября 2013 г.

Розанваллон П. (1997) *Новый социальный вопрос*, Москва.

Романов П. В. (2005) Стратегия кейс-стади в исследовании социальных служб. *Социологические исследования*, (4): 101–110.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) (2005) *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.*, Саратов: ЦСПГИ, Научная книга.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2006а) Этничность и социальная работа: анализ учебной литературы. *Этнографическое обозрение*, (3): 167–178.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2006б) Гендер и этничность в учебниках по социальной работе и социальной политике. *Социологические исследования*, (5): 117–127.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. (2007) Три типа знания в социологии профессий. В.А. Мансуров (ред.) *Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе*, М.: Изд-во Института социологии РАН: 12–32.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2008) *Методы прикладных социальных исследований*, М.: Вариант, ЦСПГИ.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. (2009) Мир профессий – пересмотр аналитических перспектив. *Социологические исследования* (8): 25–35.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. (2011) Идеологии профессионализма и социальное государство. П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен*, М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ: 64–81.

Романов П. В., ЯрскаяСмирнова Е. Р. (2014) Социальная работа в современной России: анализ статуса профессиональной группы. *Социологические ис следования* (10): 61–69

Романов П., ЯрскаяСмирнова Е. (2015) *Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследования*, М.: ООО «Вариант».

Сало Е. П. (2012) Трехкомпонентная модель изучения социального статуса врачей традиционной медицины. П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности*, М.: Вариант, ЦСПГИ: 197–216.

Сельчонок А. (2015) Социокультурные условия профессионализации социальной работы в современной России. Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Профессиональная культура работников социальных служб: социально-антропологическое исследование*, М.: ООО «Вариант»: 9–41.

Симонова О. К. (2012) Концепция эмоционального труда Арли Р. Хохшильд. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов (ред.) *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности*, М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ: 75–97.

Суркова И.Ю., Ярская В.Н. (2005) Новый феномен российской культуры. Рецензия на книгу: Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Теория и практика социальной работы. СПб.: СПбГУ, 2004. 356 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 8 (3): 196–209.

Указ Президента РФ (2000) О дне социального работника № 1796 от 27 октября 2000 года.

Филлипс Л., Йоргенсен М. В. (2004) *Дискурсанализ: Теория и метод*, Харьков: Гуманитарный центр.

Хьюз Э. (2012) Профессии. П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности*, М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ: 31–47.

Этический кодекс Союза социальных педагогов и социальных работников (2003). Доступно по ссылке: <http://ssopir.ru/25.html>.

Ярмиев М. (2008) Репрезентация бедности как социальной проблемы в российских СМИ. *Социологические исследования*, (4): 67–72.

Ярская В. Н. (2012) Инклюзия как важный принцип социальной работы. *Отечественный журнал социальной работы*, (4): 41–46.

Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е.Р. (2002) «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере. *Социологические исследования* (6): 74–82.

Ярская-Смирнова Е.Р. (2006) Гендер в дискурсе социальной работы: анализ учебной литературы. *Женщина в российском обществе*, (3): 17–32.

Ярская-Смирнова Е.Р. (2013) Класс и гендер в дискурсе социального государства. *Отечественный журнал социальной работы*, (1): 87–96.

Ярская-Смирнова Е. Р. (ред.) (2014) *Профессиональная культура: опыт социологической рефлексии*, М.: ООО «Вариант».

Ярская-Смирнова Е. Р. (ред.) (2015) *Профессиональная культура работников социальных служб: социально-антропологическое исследование*, М.: Вариант, 2015.

Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д. И. (2013) Репрезентации неравенства и социальной политики в публичной сфере: на материалах контент-анализа прессы. Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов (ред.) *Публичная сфера: теория, методология, кейс*, М.: Вариант, ЦСПГИ: 165–186.

Ярская-Смирнова Е., Романов П. (2002) *Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России*, М.: ИНИОН РАН.

Ярская-Смирнова Е., Романов П. (2013) Власть знания и общественные интересы: профессионалы в государстве благосостояния. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова (ред.) *Профессии социального государства*, М.: Вариант, ЦСПГИ: 7–20.

ЯрскаяСмирнова Е., Сорокина Н., Романов П. (2012) Агенты и структуры социальной работы. Е. Р. ЯрскаяСмирнова, Н. В. Сорокина (ред.) *Социальные работники как проводники перемен*, М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ:?.

Ясавеев И. Г. (2004) *Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации*, Казань: Изд-во Казанского университета.

Abbot A. (1981) Status and status strain in the profession. *American journal of sociology*, 86 (4): 819–835.

Abbott A. D. (1988) *The System of Professions: Essay on the Division of Expert Labour*, Chicago: University of Chicago Press.

Blau P.M. (1960) Orientation Towards Clients in a Public Welfare Agency. *Administrative Science Quarterly*, Vol. 5.

Bywaters P., Mcleod E., Napier L. (ed.) (2009) *Social work and global health inequalities. Practice and Policy Developments*, Policy Press.

Clarke J. (ed.) (1993) *A Crisis in Care? Challenges to Social Work*, London: Sage.

Cook L. (2011) Russia's Welfare Regime: The Shift toward Statism. M. Jappinen, M. Kulmala, A. Saarinen (eds) *Gazing at Welfare, Gender, and Agency in Post-socialist Countries*, Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

Etzioni A. (1969) *The Semi-professions and Their Organization: Teachers, Nurses, Social Workers*, New York: The Free Press.

Evetts J. (2003) Sociological Analysis of Professionalism. Occupational Change in Modern World. *International Sociology*, 18(2): 395–415.

Evetts J. (2011) A new professionalism? Challenges and opportunities. *Current Sociology*, 59(4): 406–422.

Flexner A. (1915) Is social work a profession? *School and Society*, Vol. 1.

Franklin B. (1999) Introduction. B. Franklin (ed.) *Social Policy, the Media and Misrepresentation*, London: Routledge: 1–14.

Freidson E. (1988) *Professional Powers. A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge*, Chicago: University of Chicago Press.

Global Agenda for Social Work and Social Development (2012). Available at: <http://ifsw.org/get-involved/agenda-for-social-work/>.

Golding P. (1999) Thinking the Unthinkable: Welfare Reform and the Media. B. Franklin (ed.) *Social Policy, the Media and Misrepresentation*, London: Routledge: 146–56.

Golding P., Middleton S. (1979) Making Claims: News Media and the Welfare State. *Media, Culture & Society*, (1): 5–21.

Gray M., Fook J. (2004) The Quest for a Universal Social Work: Some Issues and Implications. *Social Work Education* 23 (5): 625–644.

Iarskaia-Smirnova E. (2011) Professional Ideologies in Russian Social Work: Challenges from Inside and Outside. S. Stanley (ed.) *Social Work Education in Countries of the East: Issues and Challenges*. Hauppauge, New York: Nova Science Publishers, Inc: 425–44.

Iarskaia-Smirnova E. (2013) Social Work in Post-Socialist Countries: Divergence and Common Ground. H. G. Homfeldt, Ch. Bähr, Ch. Schröder, W. Schröder, C. Schewpe (eds.) *Weltatlas Soziale Arbeit*, Weinheim / München: BELTZ Juventa: 353–378.

Iarskaia-Smirnova E., Abramov R. (2016) Professions and Professionalisation in Russia. M. Dent, I. L. Bourgeault, J.-L. Denis, E. Kuhlmann (eds) *The Routledge Companion to the Professions and Professionalism*, Routledge: 280–294.

Iarskaia-Smirnova E., Lyons K. (2017) Social work in FSU countries: mapping the progress of 'the professional project'. *European Journal of Social Work*, in print.

Iarskaia-Smirnova E. R., Prisyazhniuk D., Kononenko R. V. (2016) Representations of inequality and social policy in the Russian Official Press, 2005–2012. *Journal of European Social Policy*, 26 (3): 268–280.

Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. (2002) 'A salary is not important here...' Professionalization of Social Work in Contemporary Russia. *Social Policy and Administration*, 36 (2): 123–141.

Iarskaia-Smirnova E. R., Romanov P. V. (2015) Social Work in Russia: between the global and the local. G. Palattiyil, D. Sidhva, M. Chakrabarti (eds.) *Social Work in a Global Context: Issues and Challenges*, NY: Routledge: 207–223.

Jones S., Joss R. (1995) Models of Professionalism. M. Yelloly, M. Henkel (eds.) *Learning and Teaching in Social Work*, London and Bristol, Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers.

Kiik R., Sirotkina R. (2005) The Development of Social Work as a Speciality and the Profession in Estonia. *Social Work & Society*, 3 (1). Available at: <http://www.socwork.net/sws/article/viewFile/213/273>

Kramer B. J., Pacourek L., Hovland-Scafe C. (2003) Analysis of End-Of-Life Content in Social Work Textbooks. *Journal of Social Work Education*, 39 (2): 299–320.

Larsen C. A., Dejgaard T. E. (2013) The Institutional Logic of Images of the Poor and Welfare Recipients. A Comparative Study of British, Swedish and Danish Newspapers. *Journal of European Social Policy*, 23 (3): 287–299.

Larson M. S. (1977) *The Rise of Professionalism*, Berkeley: University of California Press.

Lyons K. (2006) Globalization and Social Work: International and Local Implications. *British Journal of Social Work*, (36): 365–363.

Lyons K., Huegler N. (2012) European perspectives on education for social work and social pedagogy. J. Lishman (ed.) *Social Work Education and Training*, London: Jessica Kingsley: 35-51.

Marshall J. W., Ruth B. J., Sisco S., Bethke Ch., Piper T. M., Cohen M., Bachman S. (2011) Social Work Interest in Prevention: A Content Analysis of the Professional Literature. *Social Work*, 56 (3). Available at: <https://www.questia.com/library/journal/1G1-262582571/social-work-interest-in-prevention-a-content-analysis>.

Orenstein M. A. (2008) Postcommunist Welfare States. *Journal of Democracy*, 19 (4): 80-94. Available at: http://www.pf.upol.cz/fileadmin/user_upload/PF-katedry/politologie/postcommunist_welfare_states.pdf

Payne M., Askeland G. A. (2008) *Globalization and International Social Work. Postmodern Change and Challenge* Ashgate, Burlington, VT : Ashgate.

Penn J. (2007) The Development of Social Work Education in Russia since 1995. *European Journal of Social Work*, 10 (4): 513-527.

Pryce J., Kelly M., Reiland M., Wilk E. (2010) Do Catholic Social Work Programs 'Prefer' the Poor? Results from a Content Analysis of MSW Program Syllabi. *Social Work & Christianity*, 37 (4): 407-423.

Saks M. (1994) *Professions and the Public Interest: Medical Power, Altruism and Alternative Medicine*, London.

Saks M. (2010) Analyzing the professions: The case for the Neo-Weberian approach. *Comparative Sociology*, 9(6): 887-915.

Strier R., Feldman G., Shdaimah C. (2012) The construction of social class in social work education: a study of introductory textbooks. *Journal of Teaching in Social Work*, 32 (4): 406-420.

Tompkins C. J., Rosen A. L., Larkin H. (2006) Guest editorial: an analysis of social work textbooks for aging content: how well do social work foundation texts prepare students for our aging society? *Journal of Social Work Education*, 42(1): 3-23.

Truell R. (2014) World Social Work Day: taking action against inequality. *The Guardian*, 18 March 2014. Available at: <https://www.theguardian.com/social-care-network/2014/mar/18/world-social-work-day-inequalities-poverty>

Wengle S., Rasell M. (2008) The Monetisation of L'goty: Changing Patterns of Welfare Politics and Provision in Russia. *Europe-Asia Studies* 60(5): 739-756.

Yan M. Ch., Kwok W. Ch. (2006) The Politics of Indigenization: A Case Study of Development of Social Work in China. *Journal of Sociology and Social Welfare*, 33 (2): 63-83.

Yurchenko O. A. (2004) *Sociological Analysis of Professionalisation of Orthodox and Alternative Medicine in Russia*. PhD thesis, De Montfort.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьева О. А. – к.с.н., доцент Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.

Давыдова И. А. – магистр социологии, аналитик Аналитического центра Сигнал Медиа

Кононенко Р. В. – к.с.н., ст. преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Любимова А. Д. – к.с.н., доцент Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.

Оберемко О. А. – к.с.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Рожкова О. А. – магистр социологии, независимый исследователь

Ярская В. Н. – д.ф.н., профессор Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.

Ярская-Смирнова Е. Р. – д.с.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»